

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Э. В. СЕВОРТЯН
ФОНЕТИКА
ТУРЕЦКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языкознания

Э. В. СЕВОРТЯН

ФОНЕТИКА
ТУРЕЦКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1955

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. К. ДМИТРИЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга посвящена, как это видно из ее названия, описанию фонетики современного турецкого литературного языка. Освещение вопросов исторической, диалектальной, а также сравнительной фонетики турецкого языка не входит в задачи книги и требует специальных работ. Отдельные примеры из указанных областей, приводимые в книге, должны оттенить соответствующие фонетические особенности турецкого литературного языка.

Вспомогательную роль играют некоторые примеры из исторической фонетики турецкого и тюркских языков, приводимые во „Введении“. Их цель — показать читателю на отдельных примерах исторический характер действующих в турецком языке фонетических закономерностей.

Книга предназначена для студентов и аспирантов, специализирующихся по турецкому языку. Она может быть использована в качестве пособия, как при систематическом прохождении курса, так и при самостоятельных занятиях.

При подготовке книги была критически использована вся доступная специальная литература, как новая, так и старая. Автор воспользовался, например, выводами из экспериментальных данных, в свое время полученных в Казани проф. В. А. Богородицким и его учениками в области татарского языка. Хотя лабораторные исследования В. А. Богородицкого и его сотрудников прямо не касаются турецкого языка, но в известной своей части они имеют весьма существенное теоретическое значение для всех тюркских языков вообще и потому должны быть учтены при разработке фонетических вопросов, относящихся к турецкому языку.

В книге нашли отчасти отражение результаты слуховых наблюдений Г. Бергштрессера над разговорным языком турецкой интеллигенции города Стамбула, а также данные из истории изучения турецкого ударения, имеющиеся в научной литературе последних десятилетий.

При разработке отдельных вопросов (долгота гласных, взаимодействие гласных и согласных, смягчение согласных, редукция и выпадение звуков, ударение и некоторые другие) автор, кроме того, дополнительно учел также и собственные наблюдения, собранные им в разное время от живых носителей турецкого языка, а также материалы, накопившиеся при слушании радио.

В основу предлагаемой работы положен курс, читавшийся автором на Восточном отделении Московского государственного университета начиная с 1944 г. Настоящая книга в сравнении с курсом значительно расширена и дополнена.

Автор будет благодарен своим читателям за все их замечания и пожелания, направленные в адрес издательства.

В основу транскрипции турецких слов, встречающихся в тексте, положен русский алфавит, дополненный следующими знаками:

э — для передачи открытого э — того же типа, что и в азербайджанском и некоторых других тюркских языках, а из финно-угорских — в венгерском или эстонском языках.

ан — для передачи носового а.

ө — для передачи широкого губного переднеязычного гласного типа французского *eu* или немецкого *ö*.

ү — для передачи узкого губного переднеязычного гласного типа французского *u* или немецкого *ü*.

ā — для передачи долгого а.

ō — для передачи долгого о.

ū — для передачи долгого у.

ы̄ — для передачи долгого ы.

қ — для передачи заднеязычного смычного к кыпчакского типа.

ґ, ґ — для передачи увулярного сонанта типа украинского г (например, в слове гарный).

дж — для передачи слитного произношения дж (например, в словах Азербайджан, джемпер, джунгли).

ў — для передачи губно-губного в (*w*).

ӱ — для передачи губно-губного ү.

h — для передачи щелевого согласного типа немецкого *h*.

Инфинитивная форма глагола (аффикс *-mak*) в фонетических целях местами заменена корнем или основой, например, вместо *almak* „брать“ — *al-*.

І. ВВЕДЕНИЕ

Турецкий язык, или османский, как его называли в науке раньше, до установления в Турции кемалистского режима, является государственным языком 19-миллионного населения, живущего на территории Малой Азии и Восточной Фракии вместе с Галлиполийским полуостровом. Национальные меньшинства — греки, армяне, евреи, курды, лазы, арабы, составляющие после репатриации, обмена населением и физического уничтожения (армяне, частично греки) сравнительно небольшую величину, употребляют в быту свой родной язык, несмотря на все ассимиляторские попытки турецких правящих кругов.

Кроме самой Турции, турецкий язык сохранился на отдельных территориях, отпавших от Турции в результате первой мировой войны 1914—1918 гг. после крушения Оттоманской империи (Сирия, Ирак и др.). Наконец, незначительное количество говорящих по-турецки рассеяно в ряде стран.

Турецкий язык уже давно сопоставляется по ряду фонетико-морфологических признаков с туркменским, азербайджанским, гагаузским и вместе с ними образует особую группу, которая согласно распространенной у нас сводной классификации обозначается термином „юго-западная“ группа тюркских языков, или нередко в научном обиходе — „огузская“ группа — по названию племен „огузов“, языки которых сыграли большую роль в формировании азербайджанского, туркменского, турецкого и гагаузского языков.

Среди языков тюркской группы турецкий язык должен считаться одним из наиболее изученных и документированных памятниками письменности, самые ранние из которых восходят к XIV в. Изучение тюркских языков вообще начинается с XI в. — сначала на Востоке, а через два столетия на Западе. Затем, в связи с развитием капитализма в Европе и усилением торговли с Турцией, начинается специальное изучение и турецкого языка. Первые грамматики турецкого языка были составлены в XVI—XVII вв. турками или европейцами, нередко миссионерами и дипломатами. Интерес к турецкому языку непрерывно рос в России и на Западе в течение всего XVIII в., и в XIX в. турецкий язык стал составной частью сложившейся к тому времени комплексной науки — тюркологии.

Начало изучения фонетики турецкого языка относится к XVI—XVII вв. Однако на первых порах описание фонетики, как и описание всей грамматики турецкого языка, велось по строгим канонам античной грамматики в ее средневековом понимании и преследовало узко утилитарные цели. Описанию фонетики отводилась подчиненная грамматике вспомогательная роль. Даже в лучших из грамматик XVIII в., например, у М. Вигье¹, у которого фонетика описана значительно подробнее и тоньше, чем у его современников, заметна подчиненная роль раздела о звуках турецкого языка.

Специальные исследования в области фонетики турецкого языка стали возможны много позже, лишь во второй половине XIX в. К этому времени в языкознании фонетика уже сложилась в качестве особой лингвистической дисциплины, и с учетом ее достижений сложилась с некоторым запозданием также и описательная фонетика турецкого и других тюркских языков. Начало этому было положено трудом русского востоковеда В. В. Радлова², вышедшим в 1882 г. Написанная в духе младограмматической школы, книга В. В. Радлова для своего времени была крупным шагом вперед, так как она подвела научную базу под изучение фонетики тюркских языков и явилась толчком для дальнейшего их изучения. Классический труд В. В. Радлова не потерял своего значения и в наше время.

Ко времени появления книги В. В. Радлова, а в отдельных случаях и раньше, исследователи и составители грамматик турецкого языка стали попутно отмечать в своих описаниях некоторые детали турецкой фонетики, а к концу XIX—началу XX в. появились уже первые специальные исследования, посвященные фонетике литературного турецкого языка. Количество исследований в дальнейшем непрерывно росло, причем наблюдения принимали все более систематический характер. От общей фонетики турецкого языка исследователи начали углубляться в изучение отдельных важнейших или основных сторон турецкой фонетики (например, явлений сингармонизма, ударения и пр.).

К началу второй мировой войны накопилась сравнительно обширная литература в данной области, насыщенная не только внушительным по объему фактическим материалом, но дающая одновременно теоретическую разработку некоторых проблем. Из работ подобного рода необходимо упомянуть: исследования крупнейшего русского лингвиста академика Ф. Е. Корша о редукции и долготе гласных, фонетические исследования Н. К. Дмитриева, специальные исследования Л. Бонелли, В. Прёле, К. Нильсена, Г. Ракетта об ударении, исследования Г. Бергштрессера по фонетике разговорного языка стамбульской интеллигенции и другие. Из работ общетеоретического характера здесь должны быть

¹ M. Viguier. *Éléments de la langue turque etc.*, Constantinople, 1790, p. XXXII + 462.

² W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882, S. XLV + 316.

прежде всего названы исследования Б. А. Богородицкого и его учеников¹.

Несмотря на большое число наблюдений и обработку полученного материала, далеко не все и даже не все главное в турецкой фонетике в настоящее время может считаться установленным и ясным. Многие остаются еще спорным, и среди исследователей налицо расхождения по важнейшим вопросам. Расхождения эти наметились давно, касаются в своей основе чисто фактических наблюдений и отсюда, естественно, переходят в область теоретических построений.

Наиболее горячие споры, начавшиеся около сорока лет назад, касаются ударения в турецком слове. В 40-х годах XX в. окончательно определились различные, порой непримиримые взгляды на данный вопрос.

Менее значительны разногласия в отношении позиционных вариантов некоторых гласных в безударном положении, в отношении стечения и долготы гласных.

Наконец, остаются спорными некоторые оценки явлений сингармонизма в турецком языке.

Можно думать, что расхождения и споры относительно фактической стороны в некоторых случаях были бы ликвидированы, если бы фонетические наблюдения велись на основе строгой научной методики, давно принятой в языкознании. При относительной изученности грамматики и до известной степени словаря турецкого языка научные исследования в области турецкой фонетики до сих пор еще ведутся без помощи звукозаписывающих аппаратов, и единственным орудием исследования все еще остается ухо ученого².

Однако некоторые вопросы турецкой фонетики сегодня уже не могут быть разрешены простым наблюдением на слух. Правильное описание турецкого ударения, артикуляции долгих гласных, да и вообще всех фонем турецкого языка со всеми их вариантами и других явлений в настоящее время прямо упирается в лабораторные исследования.

Мысль о неразрешимости некоторых важнейших вопросов турецкой фонетики без помощи звукозаписи разделяется многими специалистами.

Следует признать, что в этом отношении турецкий язык сильно отстает от тюркских языков СССР, экспериментально-фонетическое изучение которых началось еще в 20-х годах, но приняло особенно широкий размах в последние годы.

К настоящему времени выполнены экспериментальные исследования в области фонетики азербайджанского, казахского, чувашского, якутского, татарского, отчасти туркменского языков, а именно: кандидатская диссертация Ф. А. Кязимова „Азербайджанские гласные в срав-

¹ Библиографию по фонетике турецкого и отчасти тюркских языков см. в приложении.

² Можно надеяться, что появление в свет „Учебника турецкого языка (вводный курс)“ Л. Старостова (Москва, 1951), содержащего некоторые экспериментальные данные о турецких гласных, явится началом перелома в данной области.

нении с английскими“ (Москва, 1951), В. С. Михайлова — „Реализация русских звуков и звукосочетаний в казахском языке“ (Алма-Ата, 1952), кандидатская диссертация Е. Н. Степановой „Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким“ (Москва, 1952), работа П. П. Барашкова „Звуковой состав якутского языка“ (Якутск, 1953), кандидатская диссертация У. Ш. Байчуры „Гласные татарского литературного языка по экспериментальным данным“ (Москва, 1953), а также полотограммы туркменских гласных, выполненные покойным проф. А. П. Поцелуевским.

Помимо перечисленных выше проблем из области турецкой фонетики, вызывающих споры, остается ряд не менее важных вопросов, которые еще ожидают более глубокого освещения и разработки. К ним относятся: вся так называемая синтаксическая фонетика, некоторые явления редукции звуков в литературном языке, стечение согласных внутри слова и сочетаемость звуков, позиционные изменения в области безударных гласных и фонетические процессы на границе слова.

Вторая группа вопросов относится к истории турецкой фонетики. За последние двадцать лет не появлялось значительных работ на историко-фонетические темы по турецкому языку. Что касается старых и недавних работ (В. Грэнбека, Х. Педерсена, В. Банга и других), то они в ряде моментов являются спорными и нуждаются в весьма серьезной проверке на более обширном фактическом материале.

* * *

Фонетический строй современного турецкого языка представляет собой продукт длительного исторического развития. Он складывался постепенно, на протяжении многих столетий, в сложных условиях взаимодействия турецкой фонетики с фонетическими системами других языков. До нас не дошли факты, относящиеся к древнейшим временам в истории турецкого и родственных с ним языков, когда с развитием общественного труда и мышления, с ростом познания постепенно появлялись части речи, складывалось и усложнялось грамматическое строение слова, когда в общественном сознании говорящих происходил процесс дифференциации значений слов, появлялись все новые и новые слова, и на почве всего этого в звуковом составе языка выделялись фонемы, служащие для различения смысла слов.

По мере углубления в далекое прошлое турецкого языка становится ясным, что связи между фонетикой, с одной стороны, и лексикой и морфологией — с другой, были значительно более тесными, чем в настоящее время. Развитие звуковой системы турецкого языка, дифференциация звуков протекали в неразрывной связи с процессом грамматического и семантического развития слова. В современном турецком языке уже не сохранились прямые доказательства этой связи, но остались ее отдаленные следы, а также и соответствующие факты в других тюркских языках, сравнение с которыми в этом плане может доста-

вить нам ценный материал для более углубленного изучения трудного и важного вопроса об исторических связях фонетики, лексики и морфологии.

К отдаленным следам этих связей можно отнести такие факты, как *göz* „глаз“, „глаза“ — *gör-* „видеть“; *tok* „сытый“ — *doğ-* „насыщаться“; *semiz* „жирный“ — *semir-* „становиться жирным“, „жиреть“; *yan* „бок“, „сторона“ — *yön* „направление“; *çarp-* „бить с силой“ — *çirp-* „слегка ударять“; *siğ-* „вмещаться“ — *sık-* „сжимать“ и целый ряд аналогичных случаев. Сравнивая между собой слова, близкие по звуковому составу и значению, можно до известной степени представить себе процесс лексического и грамматического развития слова, при котором изменение звукового облика слова служило в одних случаях для выражения лексической дифференциации, в других — лексико-грамматической или грамматической дифференциации слов.

Описываемый способ, относящийся к тому периоду, когда в турецком языке еще окончательно не сложился современный механизм аффиксации, в сильной степени содействовал шлифовке и закреплению в языке фонем в качестве простейших элементов слова. В последующие периоды жизни турецкого языка, когда вполне развилась аффиксация, отмеченный способ все еще сохранял свое значение, служа средством для выражения дифференциации значений не только слов, но и аффиксов. Следы этого процесса мы находим в таких примерах, как *karmak* „вводить“, „вгонять“ — *karmuk* „крюк“, „багор“ — *karmik* „гать, устраиваемая в устье реки“, где *-mak* и его разновидности являются аффиксами; *yatak* „постель“ — *yatik* „лежащий; *batak* „топь“ — *batik* „увязший“, „погруженный“, где *-ak*, *-ik* также являются аффиксами; *ekin* „посев“ — *eken* „сеющий“, где *-in*, *-en* являются аффиксами, и т. д.

Процесс выделения новых фонем не прекращался в турецком языке и в дальнейшем. Уже в исторически обозримое время выделились в языке такие фонемы, как „мягкие“ *k'* и *l'* (см. о них дальше). Как разновидности звуков *k* и *l* они существовали и раньше. Однако их употребление в речи вызывалось чисто фонетическими причинами, о которых будет сказано в своем месте. С появлением в турецком языке новых слов, заимствованных из других языков, — на первых порах особенно много из арабского и персидского, — положение изменилось. В заимствованных словах часто встречались однотипные с турецкими *k'* и *l'* согласные звуки. Но их употребление не вызывалось уже фонетическими причинами, и указанные согласные служили для различения смысла слов, являясь фонемами. С другой стороны, заимствованные и турецкие слова нередко оказывались по звучанию почти тождественными, отличаясь между собой звуками *k'* и *l'*, например, турецкое *kan* „кровь“ (произносится *kan*) и персидское *kân* „рудник“ (произносится *kân* со смягчением *k'*), турецкое *al* „возьми“, „бери“ (произносится *al*) и арабское *al* „род“, „семейство“, „династия“ (произносится *аль* со смягчением *l'*), и т. д.

В названных случаях звуки *k'* и *l'* приобретали в устах турок смысловоразличительное значение, и в результате этого в языке выделились новые фонемы *k'* и *l'*, осознаваемые как таковые уже и в тех случаях, когда употребление их в слове определялось чисто фонетическими причинами. Объективным выражением описанного процесса явилось обозначение в старом письме обоих *k* разными буквами (ك для *k'* и ق для *k*), а в новом алфавите условное обозначение значком над следующим за *k'* гласным, как, например, в приводившемся выше слове *kân*. Сказанное в полной мере касается и „мягкого“ *l'*. Ср., например, турецкое *ala* „пестрый“, „пегий“ (произносится *alá*) и арабское *âlâ* „высокий“, „отличный“ (произносится *alâ*), турецкое *bala* „дитя“ (произносится *balâ*) и персидское *balâ* „высокий“, „высший“ (произносится *balâ*) и т. п.

К указанному выше времени относится также появление фонемы *j* (ж) на почве словарных заимствований из других языков, в частности из персидского.

Повидимому, уже после появления письменности на арабском алфавите произошло образование долгих гласных в турецком языке и выделение их в особые фонемы. Процесс образования долгих гласных описан в разделе „В“ главы V настоящей книги.

Исторический характер процессов и явлений, наблюдаемых в области турецкой фонетики, свойственен не только фонематической системе, но также и фонетическим закономерностям, действующим в турецком языке.

Основные фонетические закономерности турецкого языка сложились не сразу и не одновременно. Многие из них возникли, правда, еще задолго до появления первых письменных памятников турецкого языка, т. е. на много столетий раньше XIV в. — времени появления старейших памятников турецкого языка, следовательно, еще до сложения турецкой народности. Однако другие фонетические закономерности начали проявляться в столь позднюю эпоху, что о них отчасти можно судить по письменным памятникам турецкого и других тюркских языков. К числу фонетических закономерностей, вполне сложившихся сравнительно позже других, относится, например, губная гармония гласных, что уже отмечалось в работах старых тюркологов (В. Грэнбек).

Для всякого рода заключений исторического характера, не исключая и фонетики, серьезное значение имеют различные пережиточные явления в языке, в том числе и в области фонетики. Внимательный и вдумчивый учет осколков прошлого фонетического состояния турецкого языка в некоторых случаях может иметь серьезнейшее значение при выяснении отдельных вопросов исторической фонетики.

Для правильного понимания истории действующих закономерностей фонетического порядка еще большее значение имеет картина развития тех же явлений в других тюркских языках, особенно в тех случаях,

когда в турецком языке не сохранилось достаточного количества исторических данных. Сравнительное и сравнительно-историческое сопоставление фонетических данных конкретного языка с соответствующими данными других тюркских языков (в том числе и древних) в тюркском языкознании всегда было и продолжает оставаться плодотворным приемом выяснения вопросов исторической фонетики. Успешное применение сравнительного и сравнительно-исторического методов в истории русской тюркологии, а вслед за ней и в тюркологии за рубежом, доказало их жизненность и пользу как при исследованиях конкретных вопросов истории отдельных тюркских языков, так и общих вопросов, относящихся к истории ряда тюркских языков.

Научное применение сравнительного или сравнительно-исторического метода, при всех недостатках второго из них, не имеет, однако, ничего общего с антинаучными упражнениями тех турецких лингвистов, которые использовали названные методы для пропаганды идей пантюркизма и расизма.

Стремясь представить турецкий язык в качестве ядра и „образца“ и отводя остальной массе тюркских языков всего лишь роль „наречий“, турецкие расисты и пантюркисты объявляют тюркскими даже древнейшие языки мира (шумерский и другие), не обременяя себя доказательствами этого, либо же подменяя последние домыслами, которых немало высказано в западноевропейской лингвистике по вопросу о родстве тюркских языков с языками других групп.

Турецкий язык объявляется изначальным, турки — древнейшими насельниками Малой Азии и Южной Европы и даже создателями европейской культуры.

В последние годы некоторые турецкие историки и лингвисты заняты поисками доказательств этнического родства турок с европейскими народами, а турецкого языка с индоевропейскими языками. Виднейшие турецкие языковеды (А. Дж. Эмре, С. А. Дилемре и другие), грубо попирая элементарные научные требования сравнительно-исторического метода, пытаются установить „индо-туранское“ родство турецкого языка и других тюркских языков с индоевропейскими.

Возвращаясь к сказанному относительно научных приемов и источников, которыми пользуется советская тюркология при изучении исторической фонетики тюркских языков, а также и турецкого, мы устанавливаем необходимость сочетания всех трех источников: письменных памятников языка, пережиточных явлений в языке и сравнительных, а также сравнительно-исторических данных тюркских языков.

Пользуясь указанными источниками для выяснения исторического места действующих фонетических процессов, можно, например, предварительно наметить, что важное по своей роли явление ассимиляции (гармонии) согласных по глухости-звонкости развилось в турецком языке сравнительно поздно. Сопоставляя в этом отношении турецкий язык с другими тюркскими языками, можно отметить, что в подавляющем

количестве последних гармония согласных по глухости-звонкости развита в такой же степени, как и в турецком языке и что, следовательно, современные тюркские языки мало что дают нам для заключений исторического характера. Мы не можем судить о более давнем состоянии рассматриваемой закономерности в турецком языке, так как памятники последнего не могли отразить явления ассимиляции согласных по глухости-звонкости, поскольку старое турецкое правописание на арабском алфавите с самого начала строилось на морфологическом, а в отношении заимствованных арабских и персидских слов — на этимологическом принципе, сохраняя в начертании исходный облик заимствованного слова. Больше материала для суждений об историческом характере ассимиляции согласных по глухости-звонкости дают древнейшие тюркоязычные памятники, а именно надгробные надписи на камнях в бассейнах рек Енисея, Орхона, Селенги и в других местах, относящиеся к VI—VIII вв. Обращаясь к ним, можно заметить, что рассматриваемая нами ассимиляция не имеет вполне сложившегося характера, налицо неустойчивость и разноречивость, о чем можно судить по орфографии памятника.

Сравнивая фонетические закономерности турецкого языка с соответствующими закономерностями енисейско-орхонского языка (или языков), мы не только сопоставляем один из современных языков тюркской группы с древнейшим тюркским языком вообще. Такое сравнение в данном случае имеет и более глубокие основания, так как ряд черт (например, в „Памятнике в честь Тоньюкука“), отмечаемых в научной литературе со времен В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского и вплоть до нашего времени¹, позволяет ставить вопрос об исторических связях южных (огузских) языков с древнетюркскими. Характерно, например, что огузские элементы обнаруживаются не только в упомянутом выше „Памятнике в честь Тоньюкука“, но также во многих других более мелких памятниках из бассейна Енисея². Важно при этом указать на то, что огузские языки, и в частности турецкий, сближаются с древнетюркскими не только в моментах фонетического порядка, но и в области грамматики. Едва ли, например, можно пройти мимо формы прошедшего времени на *-мыш*, например, *...bän, bäs jäirmi jaşda алынмышым* „... в пятнадцать лет я был взят на воспитание к китайцам“ (Енис. письм., стр. 29), или желательной формы 1-го л. мн. ч. на *(-й)алым* — *сүлälім, кабысалым, жоккысалым* и т. п. (Памятники..., Тоньюкук, стр. 56—70), господствующей во всех надгробных надписях; или формы родительного падежа на *-ын* и т. д., на что указывал еще В. В. Радлов³, или формы на *-дык*, которая получила дальнейшее раз-

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследование, М.—Л., 1951, стр. 71.

² См. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952. Приводимые ниже примеры извлечены из обеих названных здесь книг С. Е. Малова, посвященных древнетюркским языкам.

³ W. Radloff. Alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, St.-Pb., 1897, S. 61.

витие только в языках огузского типа; формы неопределенного имперфекта: ...*коп будун тәһин билір әрмі* „... он знал силу (могущество) всего народа“ (Енис. письм., стр. 61); *Ol sabyn äsidip, tün jämä udy-syqym kälmez ärti olursyqym kälmez ärti, anta saqyntym...* дословно: „Услышав эти слова, ночью мой сон не приходил, а днем я не имел покоя. Тогда я задумал...“ (Памятники..., Тоньюкук, стр. 62) и т. п.; формы модальности на *-мыш*, например, частое в енисейско-орхонских памятниках выражение *анча тәр әрміс* — „так говорил“ и т. д. Уместно напомнить, что П. М. Мелиоранский склонялся к признанию родства между южными тюркскими языками и орхонским, рассматривая первых в качестве „наиболее вероятных „потомков“ орхонского диалекта“¹.

Возвращаясь после сказанного к состоянию ассимиляции согласных по глухости-звонкости в языке енисейско-орхонских памятников, можно отметить здесь такие типичные явления, как употребление после плавных *л, р, н* глухого смычного *т* вместо *д*², то же самое во многих случаях после звонких шумных (например, *з*) и, наоборот, звонкого смычного *д* после глухих шумных взамен полагающегося по современным правилам глухого *т*, например: ...*јабуру контыкда* (вместо *кондукта*) ... „(там же) поселясь вплотную...“ (Памятники..., стр. 28); *анта* (вместо *анда*) „там“ (там же); ...*кабан олуртым* (вместо *олурдым*)... „...я сел на царство каганом...“ (там же); ...*жок чыгай будуныз коп кобартдым* (вместо *кобарттым*), *чыгай будуныз баи кылтым* (вместо *кылдым*)... „...я вполне поднял погибший, неимущий народ, неимущий народ сделал богатым...“ (там же); ...*кәлјртім, бәдізтім* (вместо *кәлјрдім, бәдіздім*)... „...привел и поручил (им) выполнить резьбу...“ (там же); ...*әріг јіртә әрсәр*... (вместо *јірдә*)... „...если он есть в месте дорожной остановки...“ (там же); ...*башлыгыз јүкјнтјрміс* (вместо *јүкјндјрміс*)... „...имеющих головы они заставили склонить (головы)...“ (там же, стр. 29); ...*јүч јәгірмі сјңјшдіміз* (вместо *сјңјштіміз*)... „...мы сразились тринадцать (раз)...“ (там же, стр. 30); ...*јімі јашда* (вместо *јашта*) *калты* (вместо *калды*)... „...он остался семи лет (от роду)...“ (там же, стр. 31); ...*кјн тобсыкда* (вместо *тобсыкта*)... „...из (в страну) солнечного восхода...“ (там же, стр. 29) и т. п. К типичным фонетическим явлениям языка надписей следует отнести также форму дательного падежа с постоянным глухим *к* или *к*, а также форму дательно-направительного падежа с постоянным звонким *б* или *з*, т. е. формы *-ка* || *-ке*, *-бару* || *-гәрү*³, например: ...*табгач будунка* (вместо *будунба*)... „...народу табгач...“ (там же, стр. 29); ...*Тәмір капызка* (вместо *капызба*) *тәһи*... „...вплоть до Темир-капыга...“ (там же, стр. 29); ...*үзә тәһрикә* (вместо *тәһрігә*) *тәгір*...

¹ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина, СПб., 1899, стр. 96, прим. 21.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 45—46.

³ С. Е. Малов. Памятники..., стр. 45.

„...вверху (она) достигает до неба...“ (Памятники..., стр. 81); *Qan sükä* (вместо *sügä*) *barmyš... tir* „Говорят: хан отправился в военный поход...“ (там же, стр. 82); ...*talui ügüzkä* (вместо *ügüzgä*)... „...до морской реки...“ (там же, стр. 62); ...*taŋqa* (вместо *taŋŋa*)... „...до горы...“ (там же, стр. 64); ...*Qytañqa* (вместо *Qytañŋa*)... „...против киданей...“ (там же, стр. 64); *Бунча ісі күйігі біртүжкәрі* (вместо *біртүжкәрі*) *сакынматы...* „При этих обстоятельствах, не думая отдавать... свои труды и силы...“ (Памятники..., стр. 29) и т. д. Как видно из приведенных фактов, ассимиляция согласных по глухости-звонкости в языке енисейско-орхонских памятников еще окончательно не сложилась, хотя начало этого процесса мы можем зарегистрировать в материале тех же памятников. Ср., например, такие написания с ассимиляцией соседних согласных, как *азу бу сабымда...* „в этой моей речи...“ (Памятники..., стр. 28); ...*төрт булуңдакы...* „...жившие по четырем углам...“ (там же, стр. 29); ...*ilzärj...* „...вперед...“ (там же, стр. 30); ...*обузгару...* „...против огузов...“ (там же, стр. 33); ...*nāŋ jändäki...* „...в какой-либо земле...“ (Памятники..., Тоньюкук, стр. 64); ...*bar-dumyz...* „...мы пошли...“ (там же, стр. 62), но ...*bultym...* „...я нашел...“ (там же, стр. 62); ...*бардук јірді әдјі ол әрінч...* „...в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего...“ (там же, стр. 31); ...*буздымыз...* „...мы разбили...“ (там же, стр. 31); ...*Азәнті Кадазда...* „...при Эзгенти Кадазе...“ (там же, стр. 33); ...*Собд...* „...согд...“ (там же, стр. 33); ...*Qytañda...* „...к киданям...“ (там же, стр. 62); ...*Oŋuzdantan...* „...от огузов...“ (там же, стр. 61); ...*üzgölük...* „...то, что может разорвать...“ (там же, стр. 62); ...*jañduq...* „...и мы рассеяли (их)...“ (там же, стр. 62); ...*bulŋanč...* „...смятение...“, но ср. ...*tarŋanč...* „...рассеяние...“ (там же, стр. 62) и т. д. Сравнивая между собой материал надписей на памятниках в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука и на мелких памятниках из долины Енисея, можно попутно отметить процесс неравномерного развития фонетического строя также и древних тюркских языков. В то время как в языке орхонских надписей ассимиляция согласных по глухости-звонкости только еще складывается, в более древних енисейских памятниках, отделенных от орхонских большим историческим интервалом в три столетия, названная ассимиляция предстает в более развитом виде, о чем свидетельствуют такие типичные факты, как ...*адырылдым* (вместо обычного в древних памятниках *адырылтым*) ... „... я отделился...“ (Енисейская письменность..., стр. 21—25, 31, 35—37 и в других местах); ...*кылды* (вместо обычного *кылты*)... „... он сделал...“ (там же, стр. 21); ...*јәрдә...* „...на земле...“ (там же, стр. 26); ...*табѣач канѣа* (вместо обычного *канка*)... „...китайскому императору...“ (там же, стр. 33) и т. д.

Приведенные выше факты можно было бы интерпретировать чисто орфографически, т. е. рассматривать их в качестве иллюстраций свое-

образных приемов древнего правописания, существенно расходящихся с живыми нормами произношения древности. Но такому допущению препятствуют по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, отсутствие каких бы то ни было оснований для написания глухих смычных согласных, в первую очередь *т*, после сонорных вместо предположительно произносимых звонких смычных согласных. Во-вторых, непоследовательность и разноречивость в орфографии памятников, что с самого начала устраняет предположения о существовании правил для правописания смежных согласных. В-третьих, „из соотношения букв древнетюркских рунических памятников выходит, что в языке этих (и древних уйгурских) памятников приходится допустить фонетические комплексы звуков *рт*, *лт*, *нт* в разложимых корнях...“¹

Таким образом, в языке енисейско-орхонских памятников ассимиляция согласных по глухости-звонкости еще не установилась, а отсюда законно заключить, что подобную ступень развития должен был пройти и турецкий язык.

Для суждений о более древнем в сравнении с турецким состоянии другой фонетической закономерности, а именно губной ассимиляции (гармонии) гласных, енисейско-орхонские надписи также дают достаточно показательный материал, хотя в обращении с последним требуется известная осторожность, поскольку в памятниках встречаются формы с постоянными губными гласными вроде *Siz älimä qunčujuma oylanıta* (вместо *oylanıta*) ... „От вас, мое государство, моя госпожа, мои сыны...“ (Памятники..., стр. 78), которые столь специфичны для ранних памятников и некоторых диалектов, относящихся к языкам огузского типа и к старописьменным тюркским языкам вообще. В памятниках губная ассимиляция представлена в достаточно развитом виде в неразложимых или древнейших по образованию основах типа *оуш* „племя“, „народ“, *орду* „ставка“, „лагерь“, *орту* „середина“, *өкүз* „бык“, *оуз* „огуз“, *будун* „народ“, *токуз* „девять“, *үкүш* || *үкүс* „много“ и т. д.² Однако в аффиксах, за исключением, быть может, самых древних (например, *-к* в слове *бујурук*, образованного от глагола *бујур* — „приказывать“), губная гармония, как правило, не действует или же развита слабо. Ср., например, поссесивные формы *оушым* „мой племена“ (Памятники..., стр. 27), *будуны* „его народ“ (там же), *өгім* „матерью моей“ (там же, стр. 29), *игу* „сын“ (там же, стр. 29), наряду с которыми уже встречаются, хотя и немногочисленные, ассимилированные формы типа *будунум* „мой народ“ (там же, стр. 27), *sorııut* „расспросы обо мне“ (там же, стр. 76), *кунчујума* „от вас мои госпожи (принцессы)“ (Енис. письм. ..., стр. 11) и немногие другие. Ср. также формы винительного падежа *будуныз* „народ“ (там же, стр. 28), *буны* „это“ (там же, стр. 28), *İlbilä катуныз* „Ильбильга-катун“ (там же, стр. 29), *süsin* „его войско“ (там же, стр. 63),

¹ С. Е. Малов. Памятники..., стр. 5, 6.

² Примеры взяты из словаря, приложенного к „Памятникам“ С. Е. Малова.

рядом с которыми проявляются и ассимилированные формы, как, например, *mörjg* (в винительном падеже) „закон“ (там же, стр. 30), *Ärtis ügüzüg* (в винительном падеже) *käčä...* „Через реку Иртыш“ (там же, стр. 63); формы прошедшего времени на *-мыш*, например, *...kärgäk болмыс* „...они скончались“ (там же, стр. 29); *...jäuirmi sýñýs sýñýsmis* „...он дал двадцать сражений“ (там же, стр. 30), наряду с чем встречаются уже и ассимилированные формы, например, *Qatun joq bolmus ärti...* „(моя) жена умерла...“ (там же, стр. 63); форму прошедшего времени на *-ты*, например, *...уртым...* „...я вырезал...“ (там же, стр. 28); *...каґаны ölmí...* „...их каган умер...“ (там же, стр. 30); *...кул болты...* „...стали рабами...“ (там же, стр. 31) и т. п.; форму деепричастия на *-ып*, например, *...ilíг тутып...* „...держа племенной союз...“ (там же, стр. 29); *...табґач атын тутыпан...* „...приняв титулы правителей народа табґач...“ (там же, стр. 29) и т. д.; именные словообразовательные формы на *-лы* и *-сыз*, например, *...Böklí çöl(l)ig il...* „...народ степи Бёклийской...“ (там же, стр. 29); *...ögisiz акын бiнiп...* „...сев на белого Огсиза...“ (там же, стр. 33), наряду с чем появляются и ассимилированные формы типа *буңсуз* „без границ“ (там же, стр. 64), хотя в подавляющем количестве случаев преобладают формы *буңсыз*.

Как и в случае ассимиляции по глухости-звонкости, енисейские памятники вновь демонстрируют неравномерность развития. Отражая другую ступень в развитии губной ассимиляции, ее стабилизацию, ассимилированные формы начинают принимать господствующий характер. Ср., например, такие ассимилированные формы, как *öldýрдýм* „я убил“ (Енис. письм., стр. 33); *будунума* „моему народу“ (там же, стр. 76), *ögsüz* „без матери“ (там же, стр. 81) и др.

Обращаясь к турецкому языку, мы снова вынуждены опустить его памятники, относящиеся к прошлым векам, так как старый алфавит на арабской основе располагал всего лишь четырьмя буквами (включая сюда и *ә*) для передачи восьми турецких гласных, не считая долгих, но даже и эти буквы употреблялись на письме лишь при определенных условиях, рассматривать которые здесь не место. Таким образом, и в данном случае нам остается сравнивать современный турецкий язык с енисейско-орхонским, от которого он отделен историческим периодом в 12—14 веков. И хотя турецкий язык имеет большие расхождения с енисейским или орхонским языком, явления ассимиляции по глухости-звонкости развиты в нем в высокой степени, тем не менее в развитой фонетической системе турецкого языка мы находим остатки прошлого состояния рассматриваемой фонетической закономерности, близкого к положению вещей в енисейско-орхонских памятниках. Само наличие остатков прошлого состояния турецкого языка объясняется, как теперь мы знаем, тем, что „...переход языка от старого качества к новому происходит... путём постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путём постепенного отмирания элементов ста-

рого качества"¹. В нарушение господствующей нормы живой речи, требующей сочетания глухого согласного с глухим, звонкого со звонким, в турецком языке сохранились такие формы как *çıkıntı* „выступ“, *gezinti* „прогулка“, *gıcirtı* „скрежет“, *gürültü* „грохот“, *karaltı* „чернота“, „силуэт“, *koltuk* „подмышка“, *yelpik* „приступ астмы“, *Selçuk* „сельджук“, не говоря уж об общих многим тюркским языкам неразложимых формах, как *altı* „шесть“, *orta* „середина“, *kirpik* „ресница“ (повидимому, от *kirp-* „мигать“, т. е. *kirp-ik*), *gerçek* „истина“, *alçak* „низкий“ и многих других.

Остаточным и пережиточным является неозвончение глухой согласной корня или основы в позиции между гласными, хотя господствующая живая фонетическая норма, как мы видели, требует в таких случаях замены глухого согласного звонким. К остаточным явлениям относится, например, также сохранение глухого согласного во многих глагольных или отглагольных производных формах типа *akar* „текущий“, *çika* „выходя“, *yapınca* „бурка“, *süpürmek* „мести“, *yapışmak* „приставать“, „приклеиваться“ и т. д., не говоря уже о таких явлениях, как сохранение глухого согласного в аффиксе принадлежности, например, *atası* „его предок“, *sapı* „его ручка“ и т. п., что свойственно большинству тюркских языков, но все же не всем, например алтайскому, хакасскому, тувинскому, в которых закон озвончения конечных глухих основ между гласными почти не знает исключений.

Сопоставляя факты, подобные приведенным выше, естественно прийти к выводу об историчности действующих фонетических закономерностей турецкого языка. Современная турецкая фонетика неоднородна по своему составу, поскольку в ней наряду с господствующими нормами сосуществуют и остатки прошлого.

Сказанное выше необходимо дополнить еще указанием на то, что действующие фонетические процессы, — как об этом мимоходом было замечено выше, — развивались неравномерно, поскольку они сложились не одновременно. Те явления, которые возникли раньше других, развились относительно более полно, успев превратиться в закономерность. Сказанное полностью относится, например, к нёбно-губному сингармонизму. Этот — как его называют по традиции — закон не только достиг полного развития в турецком языке, но уже обозначились и первые признаки его ослабления, о чем будет сказано в своем месте. Признаки ослабления или отмирания нёбно-губного сингармонизма не имеют еще резкого характера, их можно было бы принять за отступления. Однако ряд важнейших фонетических закономерностей, общих тюркским языкам, развивается параллельно, в одном направлении, и то, что сегодня в одном языке только намечается, в другом успело уже

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 28.

полностью развиться. Только еще обозначившееся в турецком языке ослабление нёбно-губного сингармонизма в азербайджанском языке продвинулось дальше¹, в гагаузском и особенно в западнокараимском языках действие нёбно-губного сингармонизма заметно подорвано, в последнем уже можно говорить о распадении губного сингармонизма, на базе чего образуются палатализованные согласные фонемы. Наконец, в узбекском (исключая его сингармонистические говоры) налицо почти полное отмирание нёбно-губного сингармонизма, от которого остаются лишь некоторые следы. Так, сравнение тюркских языков по состоянию нёбно-губного сингармонизма позволяет видеть начальный, последующий и последний этапы его отмирания.

Другие фонетические явления возникли в языке позднее и не успели или не оказались в состоянии развиться в закономерность. Они образуют в языке лишь известную сумму случаев, за пределами которых остается еще большее число отступлений от них. Таково, например, явление регрессивного нёбно-губного сингармонизма (указанный выше сингармонизм имеет прогрессивный характер)², который в турецком языке не получил полного развития, как это произошло в других тюркских языках.

Естественно, что роль первых и вторых явлений в турецкой фонетике неравноценна. Однако для характеристики фонетики важны все явления, как развитые, так и недоразвитые, как нарождающиеся, так и отживающие, так как лишь взаимосвязь тех и других дает нам полную картину фонетики современного турецкого языка.

В основе современного турецкого литературного языка лежит говор бывшей столицы Оттоманской империи — Стамбула. Нельзя сказать, что литературный язык оставался чуждым влиянию турецких диалектов, особенно румелийских, или что стамбульский говор был одиноким, оторванным от других территориальных диалектов турецкого языка. Однако при всех несомненных связях и влияниях говор Стамбула занимал и продолжает занимать пока господствующее положение, и турки легко узнают по произношению стамбульца.

С другой стороны, самый состав стамбульского говора нельзя считать в фонетическом отношении однородным. Еще до сих пор в нем сохранились остатки устаревших орфоэпических приемов, характерных для верхушечных слоев населения бывшей столицы, пытавшихся навязать эти приемы в качестве норм литературного произношения. Орфо-

¹ Ср. такие формы, как *илан* „змея“, *дэйирман* „мельница“, *ишыг* „свет“ и т. п., далее формы типа *кумбулту* „грохот“, *курулту* „гром“, „раскаты“ и т. п.

² Употребляемые здесь термины „прогрессивный“ и „регрессивный“ имеют чисто лингвистическое значение и передают: первый — действие нёбно-губной гармонии на последующие слоги слова под влиянием начального слога; вторые — действие того же процесса в противоположном направлении.

эпические нормы стамбульской интеллигенции имеют свою длительную историю, восходя к речевой практике стамбульского „высшего света“ эпохи средневековья.

Устарелое манерное произношение еще можно услышать из уст старшего поколения образованных стамбульцев с характерными для них формами, наподобие *fekat* „но“, „однако“, *metbuat* „пресса“, „печать“, *ehali* „население“, *mearif* „народное просвещение“, *hal'k* „народ“ и других. Однако в своей массе население Стамбула придерживалось особых норм произношения, норм народной разговорной речи, которая, начиная с Г. Якоба, по аналогии с народно-латинским или народно-арабским обозначается на Западе термином „вульгарно-турецкий“ (*vulgär-türkisch*) в противоположность литературно-турецкому или „классически-турецкому“ языку. Нормы разговорной речи стамбульского населения оказывали все растущее воздействие на литературный язык, в результате чего еще до установления в Турции кемалистского режима ряд разговорных форм прочно утвердился в литературном языке в качестве параллельных; в дальнейшем эти формы, вытеснив старые, окончательно вошли в литературный язык в качестве норм. К числу их относятся параллельные вышеприведенным словам формы *fakat*, *matbuat*, *ahali* (*aali*), *maarif*, а также многие другие. Утвердились в качестве нормативных также все или почти все слова, начинающиеся с *taa...*, *maa...*, взамен классических *tea...*, *mea...*, не говоря уже о более ранних по времени внедрения в литературный язык народных формах, как *merdiven* взамен *nerdüban* „лестница“, *selvi* взамен *servi* „кипарис“, *çarşamba*, *perşembe* взамен *çähar-шәмбä*, *pändj-шәмбе* „среда“, „четверг“, *pelte* взамен *palûde* „желе“, „мармелад“, *beygir* взамен *bargir* „лошадь“, „мерин“, *tezgâh* взамен *destgâh* „верстак“, „станок“ (все приведенные слова заимствованы из персидского) и ряд других.

К моменту алфавитной реформы в Турции литературный язык был в весьма заметной степени насыщен элементами стамбульского разговорного языка.

После перенесения турецкой столицы в центр Анатолии — Анкару положение начало постепенно меняться. Рост экономической и политической роли Анатолии и Анкары начал сказываться и на литературном языке.

Правда, традиционное произношение на основе стамбульского говора еще сохраняет свое положение, но вместе с тем уже наметились и признаки изменения орфоэпической системы литературного языка на базе взаимодействия стамбульского говора с городскими говорами Центральной Анатолии и в первую очередь Анкары. Еще рано говорить о первых определенных результатах происходящих изменений, тем более что и сами турки в лице официальных представителей турецкой лингвистики признают пока в качестве литературной нормы традиционное произношение.

Поэтому в дальнейшем во всех случаях там, где будут делаться ссылки на литературное произношение, мы будем исходить из стамбульского произношения, притом без всякой возрастной или половой дифференциации, как то склонны делать некоторые западноевропейские тюркологи, различающие даже особое произношение у стамбульских женщин и детей.

II. ФОНЕМЫ И ИХ ПРОИЗНОШЕНИЕ

Произношение турецких фонем в сравнении их с русскими, за исключением некоторых звуков, в общем не имеет существенных качественных отличий. Сказанное, впрочем, должно быть понято условно, так как полного тождества в произношении русских и турецких фонем все же нет. С другой стороны, нельзя говорить о едином произношении одних и тех же турецких фонем, так как в нормальной речи мы произносим большей частью связные цепочки звуков и сравнительно редко — изолированные звуки. В речевом же потоке на произношение звука, кроме его начального и конечного положения в слове, кроме ударения и интонации, еще влияет и способ произношения соседних звуков; произнося данный звук, органы речи на какой-то краткий момент сохраняют положение, которое они занимали при производстве предшествующего звука, и в то же время уже начинают принимать положение для производства следующего звука. Если к сказанному добавить еще особенности индивидуального произношения тех или иных звуков, то станет ясным, что каждый звук речи имеет многообразное произношение и что, таким образом, в языке имеется значительное число разновидностей одних и тех же звуков. Фактически дело обстоит именно таким образом. И тем не менее все говорящие на данном языке отлично понимают друг друга и без труда улавливают любой вариант данного звука в чужой речи. Объясняется это тем, что механизм производства того или иного звука и его акустическое качество вырабатывались всем народом в целом, и потому они в основных своих чертах являются общими и обязательными для всех без исключения членов языкового коллектива. С другой стороны, разновидности данного звука, зависящие от влияния на него соседних звуков и от его позиции в слове, на деле сводятся к численно ограниченным типам, в свою очередь являющимися общими и обязательными для говорящих на данном языке. Как общие способы произношения какого-либо звука, так и способы произношения его типичных оттенков образуют в языке общественные, общенародные нормы произношения, и всякие индивидуальные и случайные отклонения в речи от этих норм тотчас отмечаются слушателями как неправильность или ненормальность.

Однако общность механизма производства и акустическое качество звука и его оттенков сами по себе еще недостаточны для того, чтобы

данный звук считался говорящими отдельным, особым звуком речи, отличным от остальных звуков языка. Возьмем для примера два турецких слова: *büz!* „стягивай!“ и *buz* „лед“. Первое произносится очень близко к *бүзъ* со смягченным *з*, второе как *буз*, т. е. без смягчения *з*. Отличие обоих слов между собой заключается в том, что в первом из них имеется гласный *й* и смягченный *з*, во втором — гласный *и* и не смягченный *з*. Однако для говорящих по-турецки главное отличие этих слов заключается в гласных *й* и *и*, по которым они и узнают разный смысл этих слов. Гласные *й* и *и*, таким образом, в сочетании с остальными звуками слова служат в них средствами различения смысла, т. е. являются фонемами. Что касается *з* „мягкого“ и *з* „твердого“ в конце приведенных слов, то для турок они не составляют отдельных фонем, так как в турецком языке нет таких близких по звучанию и разных по смыслу слов, которые в произношении отличались бы между собой „мягким“ и „твердым“ *з* и где, следовательно, они служили бы целям различения смысла слов, как это наблюдается, например, в русском (ср. *вяз* и *вязь*, *лаз* и *лазь* и др.). В турецком оба *з* составляют одну фонему, являясь ее разновидностями, вариантами. Употребление „мягкого“ и „твердого“ вариантов фонемы *з* в наших примерах обуславливается лишь влиянием предшествующего „мягкого“ *й* и „твердого“ *и*, т. е. причинами чисто фонетическими, откуда следует, что разновидности рассматриваемого согласного позиционно зависимы.

Таким образом, хотя артикуляция и акустическое качество вариантов *з* различны, и некоторые из говорящих по-турецки, быть может, воспринимают „мягкость“ одного и „твердость“ другого варианта, масса говорящих, тем не менее, не осознает их в качестве различных звуков.

Рассмотрим еще пример. Звук *г*, как и *з*, выступает в двух основных вариантах — „мягком“ и „твердом“. Употребление вариантов *г* в большинстве случаев обуславливается, — как и в случае с вариантами *з*, — действием предшествующего гласного, и оттенки *г*, таким образом, также фонетически зависимы. Однако в ряде случаев „мягкий“ вариант *г* появляется в слове перед „твердыми“ гласными, при которых по правилам турецкой фонетики полагался бы „твердый“ вариант *г*. К числу подобных слов относятся, например, *karargâh* (произносится *караргя́х*) „штаб“, *gûya* (произносится *гү́я*, *гё́я*) „будто“, „словно“ и т. п. В этих словах „мягкий“ согласный *г'* находится перед „твердым“ гласным *а* или *и*, явно нарушая фонетические правила турецкого языка, о которых речь пойдет дальше. „Мягкое“ *г'* здесь фонетически независимо. И тем не менее оно не является особой фонемой, так как в турецком языке нельзя найти таких близких по звучанию и разных по смыслу слов, которые отличались бы лишь „мягким“ и „твердым“ *г* и в которых, следовательно, „мягкость“ и „твердость“ согласного *г* служили бы средством различения смысла слов. Иными словами, „мягкость“ и „твердость“ согласных в турецком

языке пока не имеют фонематического значения, за исключением *k'* и *l'*, о которых говорилось во „Введении“.

В турецком литературном языке насчитывается 12 гласных и 22 согласных фонемы, хотя число буквенных обозначений в действующем алфавите меньше, а именно — 8 букв для обозначения гласных и 21 буква для обозначения согласных. Несовпадение числа букв с числом фонем, частое явление в различных языках вообще, в турецком языке объясняется тем, что некоторые фонемы выделились лишь после возникновения у турок письменности на арабском алфавите, традиции которого в известной своей части механически перешли и в новый латинизированный алфавит 1929 г. В новый алфавит перешло, в частности, и двубуквенное обозначение долгих гласных, а также некоторых согласных.

Из 12 гласных 5 фонем, а именно *a*, *e*, *i*, *o*, *u* по произношению в общем близки соответствующим фонемам *a*, *э*, *и*, *о*, *у* русского языка в подударном положении. Сравнение турецких и русских фонем в положении под ударением вызывается тем общеизвестным фактом, что „в положении под ударением гласные сохраняют наибольшую свойственную им полноту и определенность“¹.

Гласный *a* в конце слова под ударением, а в односложных словах и в начале или после согласного близок русскому *a*, например, в слове *лак*. Примеры: *kakmak* (произносится *какмак*) „стучать“, „бить“, *han* (произносится *хан*) „постоялый двор“, *otlak* (произносится *отлак*) „пастбище“. Комбинаторные варианты *a*, как и варианты остальных гласных, будут указаны дальше в разделе о взаимодействии звуков.

Гласный *e* в ударном положении близок русскому *э*, например, в словах *эра*, *эхо*, или тому же гласному после *ц*, например, в слове *цены*. Турецкие примеры: *ense* (произносится *энсэ*) „затылок“, *keke* (произносится *кэкэ*) „заика“, *seçme* (произносится *сэчмэ*) „отборный“, *çekirge* (произносится *чекиргэ*) „кузнечик“. Турецкому языку не свойственно дифтонгообразное произношение *e* (ⁱ*e*), как это наблюдается в русском или в еще большей степени в казахском и некоторых других тюркских языках. Почти все исследователи турецкой фонетики находят два варианта фонемы *e*: один более закрытый, как, например, в слове *kireç* (произносится *кирэч*) „известь“, или *değer* (произносится *дээр*) „стоимость“, „достоинство“, или в слове *sel* (произносится *сэль*) „поток“; другой более открытый (в транскрипции обозначаемый обычно через *ä* (*ε*)), как, например, в слове *güzel* (произносится *гүзэл*) „красивый“, *gel* (произносится *гэль*) „иди“. В отличие от разновидностей других гласных варианты *e* в некоторых случаях не зависят от действия окружающих фонем и имеют смыслоразличительное значение. К таким фактам относятся: *el* (произносится с более открытым гласным) „рука“ и *el* (с более закрытым гласным) „народ“, „страна“, *dev* (произносится

¹ В. А. Богородицкий. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 43.

дэф, с более открытым гласным) „дэв“ (сказочное чудовище) и *def* || *tef*¹ (произносится с более закрытым гласным) „бубен“. Впрочем такое произношение указанных слов свойственно скорее разговорному языку или некоторым территориальным диалектам, чем литературному языку. Таким образом, в турецком литературном языке разновидности *e* не развились в отдельные фонемы, как то мы наблюдаем в азербайджанском, казахском, татарском и других тюркских языках.

Гласный *i* среди остальных турецких гласных является наименее устойчивым, хотя в сравнении с тем же гласным многих тюркских языков, в первую очередь языков кыпчакской группы, он не имеет резко выраженной неустойчивости, доходящей в других языках до полного падения. Произношение турецкого *i* близко русскому *и* в слове *мир* или в слове *скидка*. Примеры: *iki* (произносится *икй*) „два“, *keçi* (произносится *кэчй*) „коза“, *gemi* (произносится *гэмй*) „корабль“.

Гласный *o* в сравнении с русским *о* имеет более открытый характер и произносится приблизительно как русское *о* в слове *белó*. В отличие от русского и в еще большей степени казахского или диалектально-узбекского *o* турецкое *o* не является дифтонгоидом, т. е. в нем отсутствует элемент *y*, с которого начинается произношение русского и казахского *о*. Примеры из турецкого: *tok* (произносится *ток*) „сытый“, *yok* (произносится *ёк*) „нет“, *moloz* (произносится *молóз*) „щебень“.

В безударном положении турецкое *o* сохраняет свое качество, например, слово *oda* „комната“ произносится *одá*, а не *адá*, которое означает „остров“; глагол *olmak* произносится *олмáк* „быть“, а не *алмáк* „брать“ и т. д. Редуцированное произношение турецкого *o* под влиянием „аканья“ наблюдается очень часто у говорящих по-русски.

Гласный *u* почти ничем не отличается от русского *у*. Примеры: *up* (произносится *ун*) „мука“, *dolu* (произносится *долý*) „полный“, „наполненный“, *kutu* (произносится *кутý*) „коробка“.

Кроме рассмотренных гласных, в общем совпадающих с соответствующими гласными русского языка, в турецком языке имеется (не считая долгих) еще три гласных, а именно *i*, *ö*, *ü*, не известных в русском языке.

Гласный *i* до некоторой степени напоминает русское *ы*, но произносится более открыто и по месту своего образования лежит глубже, чем русское *ы*. На слух он весьма близок русскому *а* или *о* в заударном положении, как они слышны, например, в словах *тряпка*, *крепко*. Можно сказать, что турецкий *i* напоминает русское *ы* в начальной фазе его произношения. Примеры: *irk* (произносится приблизительно как *ырк*) „раса“, *çakı* (произносится приблизительно как *чакý*) „перочинный нож“, *aykırı* (произносится приблизительно как *айкыры*) „противоположный“, „противный“. Фонематическое значение турецких гласных *i* и *ı*, остающееся в некоторых тюркских языках под вопросом, не вызывает никаких сомнений. Ср., например, *âri* (произносится *арй*)

¹ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка, М.—Л., 1939, стр. 7.

„нагой“ и *arı* (произносится приблизительно как *ары*) „пчела“, *ası* (произносится близко к *асы*, но без смягчения *с*) „мятежный“ и *ası* (произносится приблизительно как *асы*) „польза“, *atı* (произносится близко к *аты* без смягчения *т*) „грядущий“ и *atı* (произносится приблизительно как *аты*) „его лошадь“, *bati* (произносится приблизительно как *баты*, но без смягчения *т*) „тяжелый“, „медленный“ и *batı* (произносится приблизительно как *баты*) „запад“, *çit* (произносится *чит*) „изгородь“ и *çit* (произносится приблизительно как *чит*) звукоподражательное слово, *diş* (произносится близко к *диш*, но без смягчения *д*) „зубы“, „зуб“ и *diş* (произносится приблизительно как *дыш*) „наружная, внешняя сторона“, *kir* (произносится *кир*) „грязь“ и *kir* (произносится *кыр*) „суша“, „земля“, *kari* (произносится *кары*) „читатель“ и *kari* (произносится *кары*) „жена“ и многие другие.

Гласный ö в общем соответствует более открытому французскому *eu* или немецкому *ö*. Примеры: *kök* (произносится приблизительно как *көкь*) „корень“, *ön* (произносится *өн*) „передняя часть“, „перед“, *söz* (произносится приблизительно как *сөзь*) „слово“, *gök* (произносится приблизительно как *гөкь*) „небо“.

Гласный ü в общем соответствует более открытому варианту немецкого *ü*, например, в слове *füllen* „наполнять“¹, или французскому *u*, например, в слове *bureau* „канцелярия“, „бюро“. Примеры: *gün* (произносится приблизительно как *гүн*) „день“, „солнце“, *ütü* (произносится приблизительно как *үтү*) „утюг“, *ün* (произносится *үн*) „слава“, „известность“.

О долгих гласных *ā, ō, ū, ī* см. раздел „Долгота гласных“. Перейдем к согласным фонемам турецкого языка.

Согласные b, d, f, j, m, n, s, ş, v, z в общем произносятся как русские *б, д, ф, ж, м, н, с, ш, в, з*. Примеры: *ben* (произносится *бэн*) „я“, *aba* (произносится *абá*) „грубая шерстяная материя“, *biçim* (произносится *бичím*) „покрой“, „фасон“, *dava* (произносится *давá*) „тяжба“, „проблема“, *ada* (произносится *адá*) „остров“, *budak* (произносится *будак*) „ветка“, *fen* (произносится *фэн*) „наука“, „техника“, *kafa* (произносится *кафá*) „голова“, „башка“, *saf* (произносится *саф*) „ряд“, „строй“, *müjde* (произносится *мүждэ*) „радостная весть“, *garaj* (произносится *гараж*) „гараж“, *oksijen* (произносится *оксижэн*) „кислород“, *yem* (произносится *ем*) „корм“, *takam* (произносится *макám*) „место“, „пост“, „инстанция“, *gemî* (произносится *гемí*) „корабль“, „судно“, *on* (произносится *он*) „десять“, *namus* (произносится *намýс*) „честь“, „совесть“, *ana* (произносится *анá*) „мать“, *san* (произносится *сан*) „честь“, „почет“, *esmek* (произносится *эсмэк*) „дуть“, *kümes* (произносится *күмэс*) „курытник“, *beş* (произносится *бэш*) „пять“, *şal* (произносится *шал*) „шаль“, *beşik* (произносится *бэшйк*) „колыбель“, „люлька“.

¹ По Г. Бергштрессеру турецкое *ü* соответствует примерно немецкому *ü* в слове *amüsieren* „забавлять“, но с более передней артикуляцией и с большим округлением губ (см. G. Bergsträsser. Zur Phonetik des Türkischen nach gebildeter Konstantinopler Aussprache. ZDMG, Bd. 72, S. 243).

ova (произносится *ová*) „равнина“, *vakit* (произносится *вакѣт*) „время“, *iz* (произносится *из*) „след“, „следы“, *kaza* (произносится *казá*) „происшествие“, „авария“, *zaman* (произносится *замán*) „время“ и др.

Первые два согласных *b* и *d* в сравнении с теми же фонемами русского языка имеют менее звонкий характер, что отмечается и в других языках тюркской группы. С другой стороны, согласные *d*, *n*, *s*, *z*, *r*, *t* не смягчаются перед гласными *e* и *i*, как это наблюдается в русском языке. На это обстоятельство следует обратить внимание прежде всего из практических соображений, так как лица, говорящие по-русски, при изучении турецкого языка довольно долго не могут привыкнуть к правильному произношению сочетаний *di*, *ni*, *si*, *zi*, *ti*, как правило, произнося их в форме *d'i*, *n'i*, *s'i*, *z'i*, *t'i*. Сочетания *de*, *ne*, *se*, *ze* и *te* с „твердым“ произношением согласных усваиваются легче, поскольку в русском языке они имеют некоторое распространение (ср. произношение таких слов, как демисезонный, неокантианство, темп и др.).

Согласный *j*, мало употребительный в турецком языке, проник в последний вместе с заимствованными словами. Произносится в общем как русское *ж*, но в начале слов, заимствованных из западноевропейских языков, нередко заменяется согласным *s*, например, *caket* (произносится *джакэт*, *джэкэт*, из фр. *jaquette*) „пиджак“, „куртка“, *jurnal*, *curnal* (произносится *джурнал*, из фр. *journal*) „донесение“, „донос“, *jandarma* (произносится *джандарма*) „жандарм“¹.

Кроме согласного *n*, в некоторых диалектах сохранился еще заднеязычно-носовой тип *n* (*ŋ*), известный также в некоторых западноевропейских языках, не говоря уже о многих языках тюркской группы, где названная фонема имеет широкое распространение.

Фонемы *ç*, *p*, *t* в отличие от согласных *ч*, *п*, *т* русского языка произносятся с заметным придыханием, довольно явственным в начале слов, но все же менее рельефным, чем это наблюдается в армянском, персидском и других языках. Примеры: *üç* (произносится *үч*) „три“, *çar* (произносится *чап*) „калибр“, *çam* (произносится *чам*) „сосна“, „ель“, *top* (произносится *топ*) „пушка“, *para* (произносится *парá*) „деньги“, *pay* (произносится *пай*) „доля“, „пай“, *kat* (произносится *кат*) „слой“, „этаж“, *tut!* (произносится *тут*) „держи! лови!“

Согласный *s* в произношении напоминает слитное *д* и *ж*, т. е. *дж*, как, например, оно слышно в имени *Джамбул*. Примеры: *basa* (произносится *баджá*) „дымовая труба“, *ucuz* (произносится *уджүз*) „дешевый“, *ciğer* (произносится *джиёр*) „печень“, „легкое“.

Согласный *y* похож на русское *й* перед или между гласными, но не в конце слога и еще менее в конце слов: ср. русское *ай!* и турецкое *ay*, где турецкое *y* длилельнее, звонче и слабее, между тем как

¹ Ж. Дени находит даже, что рассматриваемый согласный вообще произносится *дж*, что является уже преувеличением (см. J. Deny. Grammaire de la langue turque (Dialecte osmanli), Paris, 1920, § 78).

русское *й* короче, глуше и напряженнее. Другие примеры: *yaş* (произносится *яш*) „возраст“, *ayak* (произносится *аяк*) „нога“, „ноги“, *yaу* (произносится *яй*) „лук“, „пружина“.

Как уже говорилось во „Введении“, в турецком языке имеются две фонемы *l*: одна того же типа, что и „твердый“ *л* в русском, например в слове *скала*; другая фонема довольно близка русскому *ль*, но произносится с меньшей „мягкостью“, напоминая больше французское или немецкое *l*, как они слышны в словах *lachen* (нем.) „смеяться“, *large* (фр.) „широкий“. Примеры: *tel* (произносится *тэль*) „нить“, *bal* (произносится *бал*) „мед“. В обоих случаях употребление *l* и *l'* обусловлено качеством предшествующего гласного. В следующих примерах *l* и *l'* фонетически независимы: *al* (произносится *ал*) „возьми!“ и *âl* (произносится *аль*) „род“, „семейство“; *kalp* (произносится *калп*) „подделка“ и *kalp* (произносится *кальп*) „сердце“; *alan* (произносится *алан*) „берущий“ и *alân* (произносится *алъян*) „прогалина“, „поляна“; *ala* (произносится *ала*) „разноцветный“ и *âlâ* (произносится *алья*) „превосходный“, „прекрасный“.

Согласные *k* и *k'* акустически и артикуляционно близки: первый — русскому *к* в слове *каток*, но с более задней артикуляцией, и второй в слове *кий*, но с более передней артикуляцией. Не повторяя сказанного во „Введении“ относительно обоих *k*, приведем примеры. Слова, в которых употребление обеих фонем связано с качеством предшествующего гласного: *ak* (произносится *ак*) „белый“, *çok* (произносится *чок*) „многие“, „много“, *gök* (произносится *гөкь*) „небо“, *tek* (произносится *тэкь*) „один“. В следующих примерах употребление *k'* не связано с действием соседнего гласного: *kap* (произносится *кап*) „сосуд“ и *kâp* (произносится *кяп*) „лодыжка“, *kanun* (произносится *канун*) „закон“ и *kânun* (произносится *кянун*) „очаг“, „жаровня“.

Согласный *g* появляется в двух вариантах, и оба они связаны в первую очередь с действием ассимиляции по нёбности. Один из вариантов, более задний, произносится близко к русскому *г* в слове *галка*. Другой, „мягкий“ вариант напоминает русское *г* в слове *снегирь*, но произносится более „мягко“. Примеры для первого варианта *g*: *gonce* (произносится *гонджэ*) „буто́н“, *gar* (произносится *гар*) „вокзал“, *bagaj* (произносится *бага́ж*) „багаж“. Примеры для второго варианта *g*: *giyim* (произносится *гиййм*) „одежда“, *sergi* (произносится *сэргй*) „выставка“, *gidiş* (произносится *гидйш*) „ход“, *gergin* (произносится *герйн*) „напряженный“, „натянутый“.

Буквой *ğ* в действующем алфавите условно обозначаются исторически сложившиеся изменения двух разных фонем. После передних гласных указанной буквой обозначаются изменения, которым подверглась фонема *g* в ее „мягком“ варианте. После гласных заднего ряда буква *ğ* обозначает исторически существовавшую фонему, изображавшуюся в арабском алфавите буквой „гайн“ (غ) и по произношению до известной степени близкую южнорусскому *г*, например, в словах *богатый*, *грубый*. Этот звук, — в транскрипции обозначаемый

буквой *γ*, — засвидетельствован в письменных памятниках, но в современном литературном языке вышел из употребления¹, сохранившись лишь в территориальных диалектах. Отчасти по традиции, отчасти по соображениям грамматического порядка обозначение этого исчезнувшего звука было перенесено из старого арабского в новый латинизированный алфавит и зафиксировано в орфографии. После гласных заднего ряда знак *ğ* фактически указывает на долготу предшествующего гласного, возникшую на почве выпадения согласного *γ*, например, *siğmak* (произносится *сѣма́к*) „вмещаться“, *yağ* (произносится *йа́*) „масло“, „жир“.

После гласных переднего ряда буквой *ğ* отмечается согласный *y*, вместо которого исторически здесь был, — а во многих тюркских языках имеется и поныне, — „мягкий“ вариант фонемы *g*, реже *γ*. Примеры: *eğri* (произносится *э́йри* — из *эгри*) „кривой“, *değirmen* (произносится *дэ́йирме́н* — из *дэирмен*) „мельница“, *çiğ* (произносится *чий* — из *чиγ*) „сырой“, „незрелый“.

Буква *ğ* в начале слов не употребляется, поскольку в данном положении указанные выше изменения фонем *g* и *γ* не наблюдаются. Фонема *γ* в начале слов и после звонких согласных не удержалась, и ее сменила фонема *g* в ее „твердом“ варианте. В частности, в арабских и персидских заимствованиях согласный *γ* в начале слов и в известной мере между гласными был заменен „твердым“ *g*, например, *galebe* (произносится *галэбэ́*) „победа“, *gam* (произносится *гам*) „горе“, „печаль“, *gayret* (произносится *га́йрэм*) „старание“, „рвение“. Дополнительно по данному вопросу см. в разделе „Взаимодействие гласных и согласных“.

Согласный *r* в сравнении с соответствующим согласным русского языка является менее напряженным и раскатистым. Артикулируется он с одной-двумя вибрациями кончика языка. По произношению турецкое *r* значительно ближе к персидскому или отчасти армянскому *r*, чем русскому *p*.

Фонема *h* не имеет соответствий в русском языке. Акустически *h* воспринимается как шум, слышимый нами при энергичном выдохе. Из европейских языков турецкое *h* в начале слов ближе стоит к немедькому *h*, как он слышится в словах *hungrig* „голодный“ и *hören* „слышать“, но произносится менее напряженно. В турецком согласном *h* исторически объединились оказавшиеся в заимствованных словах три арабских и персидских согласных *ه*, *ح*, *خ*, оттенки которых в отдельных случаях можно еще услышать в живой речи. Более по-

¹ Впрочем не все еще ясно относительно качества звука, скрытого за символом *ğ*, и прав в известной степени Г. Бергштрессер, когда он говорит, что „здесь предстает... с самого начала другой звук, задача выяснения которого принадлежит исторической грамматике“ (G. Bergsträsser. Zur Phonetik..., S. 257).

Звук *γ* не сохранился и в языке стамбульцев, оказавшем сильнейшее воздействие на литературный язык. И. Кунош, Г. Якоб и другие исследователи отмечали выпадение этого звука в разговорном языке стамбульского населения.

дробно о фонеме *h* и ее оттенках см. раздел 2 главы IV. Примеры: *halı* (произносится *халы*) „ковер“, *hoplamak* (произносится *хопламак*) „прыгать“, *hız* (произносится *хыз*) „быстрота“, „скорость“, *ahenk* (произносится *ахенк*) „гармония“, *gûnah* (произносится *гунah*) „грех“.

Еще не так давно верхушка турецкой интеллигенции, стремясь сохранить обязательное для „изящного“ стиля турецкого языка произношение арабских и персидских слов, старалась передавать специфические гортанные согласные (так называемые „айн“ и „һемзе“), не имеющие каких-либо соответствий в турецкой фонетике. Произношение этих согласных в турецком языке всегда оставалось искусственным и было свойственно лишь узкому кругу аристократической и буржуазной интеллигенции, в живой же речи народных масс оно не наблюдалось. Как правило, арабские гортанные согласные в турецком языке компенсировались вторичной долготой гласных или же заменялись гласными полного и неполного образования, иногда согласными. О некоторых заменах гортанных см. раздел 2 главы IV.

Для турецкой фонетики все же не прошло бесследно обращение в языке арабских слов с гортанными согласными. В конце слов они во всех случаях отпали, например, *semi* (ар. جميع) и некоторые другие. Таким образом, арабские гортанные не смогли внедриться в турецкую фонетическую систему. Однако тот факт, что они исторически существовали в конечных слогах многих арабских слов, вошедших в турецкий язык, и их обозначение продолжало сохраняться на письме вплоть до перехода турок на латиницу, оказал определенное воздействие на живые фонетические нормы, касающиеся аффиксов. В результате этого фонетические разновидности аффиксов, полагающиеся после основ с конечными согласными, в арабских словах вышеуказанного типа фактически оказались после гласных.

Согласно существующему правилу, имена с конечным гласным при наращении их аффиксами принадлежности принимают специальную форму для 3-го лица *-si*, *-si*, *-su*, *-sü*, в отличие от другой формы, а именно *-ı*, *-i*, *-u*, *-ü*, применяемой для имен с конечным согласным. В первых двух лицах аффикс принадлежности для имен с конечным гласным имеет формы: 1-е л. ед. ч. *-m*, 2-е л. ед. ч. *-n*, 1-е л. мн. ч. *-mız*, *-miz*, *-muz*, *-müz*, 2-е л. мн. ч. *-nız*, *-niz*, *-nuz*, *-nüz*. Для имен с конечными согласными названные аффиксы имеют соединительный узкий гласный, т. е. формы: 1-го л. ед. ч. *-ım*, *-im*, *-um*, *-üm*, 2-го л. ед. ч. *-ın*, *-in*, *-un*, *-ün*, 1-го л. мн. ч. *-ımız*, *-imiz*, *-umuz*, *-ümüz*, 2-го л. мн. ч. *-ınız*, *-iniz*, *-unuz*, *-ünüz*. Перечисленные выше имена, как оканчивающиеся на гласный, должны были бы соединяться с первым типом аффиксов принадлежности, на деле же все они употребляются со вторым типом поссесивных аффиксов, оказываясь на положении имен с конечным согласным, например, „его страдания“ передается не в форме *evcası*, а *evcaı*; „наше заседание“ будет *ic̣timamız*, но не *ic̣timamız* и т. д.

Не все имена с конечным „айном“ и „һемзе“, однако, имеют указанные здесь формы принадлежности. Многие из них, в частности боль-

шинство арабских причастий 5-й и 6-й пород с третьим коренным в виде „айн“-а, принимают аффиксы принадлежности для имен с конечным гласным. То же касается многих имен с конечным „һемзе“, например, *sefa*, *safa* „удовольствие“, „наслаждение“, *sefası*, *safası* „его удовольствие, наслаждение“, *feza*, „простор“, „ширь“, *fezası* „его простор, ширь“ и т. п.

В турецких диалектах помимо перечисленных фонем литературного языка имеются еще две другие. Первая из них уже упоминавшаяся *ʔ*; вторая фонема, распространенная в центральных и восточных диалектах, находит себе соответствие в русском *х*, но она ближе аналогичной фонеме персидского и армянского языков, в значительной мере также *ach-Laut* у немецкого языка. В диалектах фонема *х* заменяет отчасти „твердое“ *к* литературного языка, отчасти *h* и „айн“ арабских слов. Замена названных фонем через *х* наблюдается в определенных фонетических условиях.

III. КЛАССИФИКАЦИЯ ФОНЕМ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОНЕМ

1. КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ

Существующая классификация гласных турецкого языка, совпадающая с общепринятым делением их в научной фонетике, не заимствована, однако, из последней, а складывалась самостоятельно в процессе практических наблюдений над составом фонем и фонетическими явлениями в турецком языке.

Принятое ныне деление турецких гласных, как и согласных, имеет двойное обоснование. Оно, во-первых, опирается на состав турецких фонем, во-вторых — на фонетические процессы, действующие в турецком языке. Различные характеристики, применяемые для объединения фонем в группы, являются выражением этих двух сторон турецкой фонетики. Для турецкого языка нет необходимости, например, в классификационной группе гортанных гласных, как в тувинском¹, ибо в турецком языке нет гортанных гласных в отличие от не-гортанных.

Наоборот, турецкий язык не может обойтись без деления гласных на нёбные и ненёбные, так как по нёбности и ненёбности мы различаем одни гласные от других и, кроме того, с этими категориями внутренне связана важнейшая закономерность в области гласных — нёбный сингармонизм (см. ниже).

Этот классификационный признак гласных обязателен для подавляющего большинства тюркских языков, но в узбекском он не может быть проведен до конца, так как если, например, гласные *e—o* (соответствующий огубленному *a*) мы еще можем различать по примеру других тюркских языков как нёбный (*e*) и ненёбный (*o*), то применить этот признак к гласным *и, у, ё* невозможно, так как последние индифферентны к нему, и, кроме того, в литературном узбекском языке и его важнейших городских говорах сингармонизм гласных как фонетическая закономерность не наблюдается.

Гласные характеризуются, во-первых, положением наиболее активного речевого органа — языка по отношению к твердому или мягкому

¹ М. Д. Биче-Оол, Ф. Г. Исхаков. Тыва дылдын грамматиказы. 1 кезээ. Фонетика болгаш морфология, М., 1949, стр. 25, 28.

нёбу. Согласно этому признаку различают звуки, образующиеся при продвижении языка вперед и подъеме средней его части к твердому нёбу, условно называемые гласными переднего ряда или передними гласными, а также нёбными или палатальными (от латинского слова *palatum* „нёбо“). Эти гласные на практике часто называют мягкими.

Алфавит турецкого языка

Б у к в ы			
заглавные	строчные	заглавные	строчные
A	a	M	m
B	b	N	n
C	c	O	o
Ç	ç	Ö	ö
D	d	P	p
E	e	R	r
F	f	S	s
G	g	Ş	ş
	ğ	T	t
H	h	U	u
İ	ı	Ü	ü
I	i	V	v
J	j	Y	y
K	k	Z	z
L	l		

Знак ^ для обозначения долготы гласного и смягчения согласных *k, g, l*.
Знак апострофа' для обозначения перерыва в голосе и отделения аффикса при собственных именах.

Рядом с нёбными гласными различают гласные заднего ряда, образованные движением языка назад и подъемом задней его части к мягкому нёбу. Гласные заднего ряда нередко обозначаются терминами задненёбные, задние или твердые гласные.

К гласным переднего ряда принадлежат *e, i, ö, ü*; к гласным заднего ряда — *a, ı, o, u*, а также долгие *ā, ī, ō, ū*. Сравнивая оба ряда, нетрудно заметить, что гласные известным образом сопряжены между собой. Так, гласному заднего ряда *a* соответствует гласный переднего ряда *e*; гласному заднего ряда *o* соответствует гласный переднего ряда *ö*; гласному заднего ряда *ı* соответствует гласный переднего ряда *i* и, наконец, гласному заднего ряда *u* соответствует гласный переднего ряда *ü*¹.

¹ Строго говоря, отнесение турецкого *a* к задненёбным гласным в артикуляторном смысле является неточным, так как он образуется ближе к средней части нёба. Такой же условностью является отнесение *ı* к гласным того же ряда, так как и этот звук по месту своего образования находится довольно близко к средней части нёба.

Гласные характеризуются, во-вторых, активным участием губ. По этому признаку различают губные или лабиальные (от латинского слова *labrum* „губы“) гласные, образование которых возможно лишь при округленном и слегка вытянутом положении губ. Рядом с губными гласными различают негубные гласные, в образовании которых губы не принимают активного участия.

К губным гласным относятся фонемы: *о, ö, u, ü*, долгие *ō, ū*; к негубным гласным относятся *а, ı, е, і*, долгие *ā и ī*.

Третья характеристика гласных исходит из степени подъема языка по направлению к нёбу, что внешне сопровождается уменьшением раствора рта. Фонемы, образованные низким подъемом языка при относительно широком растворе рта, обозначаются термином широкие гласные; фонемы, образованные высоким подъемом языка при относительно узком растворе рта, обозначаются термином узкие гласные¹.

К широким гласным относятся *а, е, о, ö*, долгие *ā и ō*; к узким гласным относятся *ı, і, u, ü*, долгие *ī, ū*.

Некоторые тюркологи иногда относят гласные *о* и *е* к средним (полуузким), поскольку они образуются при среднем подъеме языка и при более широком растворе рта, чем узкие гласные, но при более узком растворе рта, чем широкие гласные². Однако подобное выделение *о* и *е* или их разновидностей не находит себе обоснования в фонетических явлениях.

Применяя все три характеристики к каждому из гласных, мы получаем:

- а* — широкий негубной гласный заднего ряда,
- е* — широкий негубной гласный переднего ряда,
- о* — широкий губной гласный заднего ряда,
- ö* — широкий губной гласный переднего ряда,
- ı* — узкий негубной гласный заднего ряда,
- і* — узкий негубной гласный переднего ряда,
- u* — узкий губной гласный заднего ряда,
- ü* — узкий губной гласный переднего ряда.

Эти же характеристики соответственно применяются и к долгим гласным с добавлением слова „долгий“.

Как правило, узкие гласные менее устойчивы, слабее широких, легче подвергаются изменениям и разрушению. Поэтому редукции и выпадению (см. об этом в главе IV) подвергаются преимущественно узкие гласные. Далее, узкие гласные короче широких по своей протяжен-

Однако с лингвистической точки зрения приведенное деление является совершенно законным, так как оно исходит из фонетических, следовательно, языковых, явлений, наблюдаемых в турецком языке, но отнюдь не из физиолого-анатомических характеристик, взятых самих по себе.

¹ Такое деление гласных окончательно утвердилось в тюркологии в последней четверти XIX в., хотя им пользовались значительно раньше, обозначая широкие гласные термином „тяжелые“, узкие гласные — термином „легкие“.

² N. K. Dmitriev. Étude sur la phonétique bachkire. „Journal asiatique“, t. 210, Paris, 1927, § 1.

ности¹, что, между прочим, находит свое выражение в большей стабильности вторичной долготы широких против такой же долготы узких. Все гласные в целом менее устойчивы, чем согласные, и более подвержены разнообразным изменениям в фонетических процессах.

Четвертый классификационный признак имеет количественный характер и исходит из протяженности (сонорной длительности) гласных. По признаку длительности турецкие гласные делятся на долгие и недолгие или условно краткие гласные. Долгие гласные *ā, ī, ō, ū*, краткие гласные — все остальные. Ввиду того, что протяженность турецких гласных не измерялась при помощи приборов, привести точные цифровые данные — о количественной стороне долгих и кратких гласных не представляется возможным. На основании слуховых наблюдений с учетом экспериментальных данных, полученных проф. В. А. Богородицким и его учениками для татарского языка, можно сказать, что долгие гласные примерно в полтора-два раза протяженнее кратких. Наиболее протяженными являются широкие *a* и *o*. Следует заметить, что протяженность долгих гласных меняется в зависимости от ударения: в пред- или заударном положении долгие гласные короче тех же гласных в ударном или начальном положении.

По признаку длительности среди кратких гласных можно выделить более протяженные и менее протяженные. Наиболее протяженными являются широкие гласные. Наименее протяженными являются узкие гласные, среди которых минимальную протяженность имеет гласный *i*. По некоторым наблюдениям его длительность приблизительно равна половине длительности гласного *a*. В ударном положении длительность кратких гласных возрастает, в безударном положении убывает.

Характеристика гласных по другим признакам, например, по высоте тона, по участию носовой полости в образовании звука и др., не имеет существенного значения для описания фонематического состава и ведущих фонетических закономерностей турецкого языка.

2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛАСНЫХ

Состав гласных в турецких корнях и во многих производных формах, как правило, образует известное единство, которое выражается в том, что гласные звуки ассимилируются (уподобляются) друг другу по одному из первых двух признаков, о которых говорилось выше. Это значит, что гласные в слове могут быть или все нёбными или все ненёбными. Так, например, в коренном турецком слове *iyi* „хороший“ и в производных от него *iyilik* „добро“, *iyileşmek* „улучшаться“, „правильно“ все гласные являются нёбными; наоборот, в слове *ağır* „тяжелый“ и в производных от него *ağırlık* „тяжесть“, *ağırlaşmak* „становиться тяжелым“, „трудным“ все гласные являются ненёбными. Таким образом, как гласные в исходном слове, так и гласные аффиксов

¹ Ср. данные по казанско-татарскому языку, приведенные у проф. В. А. Богородицкого в его „Этюдах по татарскому и тюркскому языкознанию“, стр. 43 и др.

-lık || -lik и -laş || -leş, при помощи которых образованы производные формы *iylilik*, *iyleşmek*, *ağırlık* и *ağırlaşmak*, соотносятся, гармонируют с гласными основы, которые в одном случае состоят из нёбных гласных, в другом — из ненёбных. Описанное здесь фонетическое явление, при котором последующий гласный ассимилируется предыдущему, гармонирует с ним по признаку нёбности-ненёбности, называется прогрессивной ассимиляцией или гармонией гласных по нёбности-ненёбности, или более кратко — нёбной гармонией. Иногда этот фонетический процесс называют еще нёбным притяжением (палатальной аттракцией).

Прогрессивная ассимиляция гласных по нёбности-ненёбности является наиболее важным и закономерным среди всех фонетических явлений в области гласных турецкого языка, хотя и не имеет абсолютного характера, как это будет видно дальше. Нёбной гармонии подчиняется подавляющая масса турецких двух- и трехсложных основ, не поддающихся разложению. Примеры: *alın* „лоб“, *ağaç* „дерево“, *boğaz* „горло“, *yaprak* „лист“, *ocak* „очаг“, *yalnız* „один“, „лишь“, *eski* „старый“, *yenі* „новый“, *çelik* „сталь“ и многие другие. Под действие нёбной ассимиляции с течением времени подпало также известное число слов, заимствованных из других языков, хотя большинство иноязычных элементов в турецком литературном языке, вообще говоря, сохранило свой первоначальный фонетический облик. Фонетически переработанными и перешедшими из разговорного в литературный язык являются, например, следующие заимствования: наряду с *acenta*, *acente* параллельно *acanta* из итальянского *agente* „агент“, „посредник“; наряду с *makina* параллельно *makine* из итальянского *macchina* „машина“, „механизм“ (в этом слове нёбной гармонии подчинился гласный последнего слога *a*); наряду с *dosye* параллельно *dosya* из французского *dossier* „дело“, „досье“; *izbe* из русского *изба* в значении „погреб“, „навес“, „развалившееся жилище“; наряду с *faide* (ар.) фонетически переработанная форма *faida* „польза“, „выгода“; наряду с *kaide* (ар.) переработанная форма *kayda* „основание“, „правило“; наряду с *sahife* ассимилированная форма *sayfa* „страница“ и ряд других.

Нёбная ассимиляция проявляется также в фонетическом оформлении словообразовательных и словоизменительных аффиксов турецкого языка. Состав гласных в аффиксах, охватываемых нёбной гармонией, каждый раз определяется качеством последнего гласного в слове: если он принадлежит нёбным, то гласные аффикса также бывают нёбными; если он принадлежит ненёбным, то гласные аффикса также ненёбные¹. Таким образом, аффиксы в отличие от значимых слов не имеют постоянного состава гласных. Каждый аффикс (об отступлениях см. ниже) может выступать по крайней мере в двух параллельных формах: с нёбными

¹ Однако, как справедливо замечает В. А. Богородицкий, „здесь мы имеем дело не с „процессом изменения“, а лишь с унаследованным чередованием звуков, причина которого лежит в более или менее отдаленном прошлом. . .“ („Введение в тюрко-татарское языкознание“, Казань, 1922, стр. 50).

гласными и ненёбными гласными. Ряд аффиксов имеет только эти две формы. К числу их относятся, аффикс мн. ч. *-lar* || *-ler*, аффикс причастия настоящего-прошедшего времени *-(y)an* || *-(y)en* и другие. Множественное число, например, от *at* „конь“ будет *atlar* с ненёбным гласным *a*, а множественное число от *it* „собака“ будет *itler* с нёбным гласным *e*.

Опираясь на приведенные факты, некоторые тюркологи считают, что явление нёбной гармонии гласных в турецком языке представляет собой чуть ли не закон, действующий с неумолимой силой. Многочисленные нарушения нёбной гармонии в корнях и наращенных формах нередко рассматриваются как исключения, не имеющие существенного значения¹. Самое явление нёбной гармонии рассматривается не как убывающая, а, наоборот, как возрастающая или стабильная фонетическая закономерность. Сторонники этого взгляда предпочитают обходить вопрос о причинах исключений. Оставаясь на указанной точке зрения, трудно найти объяснения для таких форм с нарушенной нёбной гармонией гласных, каковы, например, глагольная основа *inan-* „верить“, имена *şişman* „полный“, „тучный“, *şişko* „толстый“, „толстяк“, *yahşi*, *yakşi* „хороший“, „красивый“, *katmer* „складка“ и производные, *kaşar*, *kaşer* (сорт сыра), *ilgar*, *ilgar* „галоп“, „налет“, *irak* „удаленный“, „далекий“, *kirman* „веретено“, „укрепление“, *cidağı* „загрибок“, „лопатка“ (у лошади), *hangi* „который“, *hani* „где же“, „вот“, *atik* „ловкий“, „проворный“, *haydi!* „ну! айда! ладно!“, *elâ* „светлоголубой“, *elma* „яблоко“ и другие. Этимология приведенных слов, правда, пока не всегда ясна, но во всяком случае они не считаются заимствованными.

Нарушения нёбной гармонии в собственно турецких словах и аффиксах неоднократно отмечались разными исследователями².

В свете этих, а также других фактов, приводимых ниже, представляется более правильным рассматривать все подобные случаи как первые результаты ослабления и постепенного отмирания нёбной гармонии, наиболее общие причины чего следует искать в фонетическом обогащении турецкого языка, в выделении в нем фонем *ı*, *i*, *k'*, *l'*. Ослаблению нёбной гармонии содействует наряду со старыми заимствованиями все возрастающий поток новых заимствований, преимущественно из западноевропейских языков.

Число заимствований в турецком языке очень велико. Небольшая часть их подпала под действие нёбной гармонии. Примеры подобных слов приводились выше. Однако большая часть лексических заимствований сохранила в литературном языке свой исходный состав гласных, например: *basit* (ар.) „простой“, *itaat* (ар.) „повиновение“, *sabit* (ар.) „прочный“, „неподвижный“, *avdet* (ар.) „возвращение“, *mahiyet* (ар.) „сущность“, *sütun* (перс.) „столб“, „столбец“, *keman* (перс.) „лук“, „скрипка“, *pervane* (перс.) „мотылек“, *derman* (перс.) „средство“,

¹ T. Kowalski. Dialectes turcs-osmanlis. Encyklopédie de l'Islam, t. IV, livraison O, Leide—Paris.

² J. Deny. Grammaire..., § 136, 137.

„лекарство“, *piyasa* (ит.) „площадь“, „рынок“, *piyano* (ит.) „пианино“, *mola* (ит.) „привал“, „отдых“, *komisyon* (фр.) „комиссия“ *oksijen* (фр.) „кислород“, *konsey* (фр.) „совет“ и др.

Ослабление нёбной гармонии налицо и в „цитадели“ этой фонетической закономерности — в аффиксах. В ряде случаев на практике существуют две равноправные параллельные формы: одна в качестве нормы литературного языка, другая в качестве нормы разговорного языка. Отступлений от нёбной гармонии больше в литературном языке и меньше в разговорном. К аффиксам с нарушенной нёбной гармонией относятся: аффикс *-ki*, например, *yarıncı* „завтрашний“, *dolaptaki* „находящийся в шкафу“; аффикс *-daş* || *taş*, например, *meslektaş* „коллега“; аффикс *-leyin*, например, *akşamleyin* „вечером“, *sabahleyin* „утром“; в разговорном языке употребительны также формы *akşamlayın*, *sabahlayın*, которые одно время обращались и в литературном языке; аффикс *-ımtırak*, например, *mavımtırak* „голубоватый“, „синеватый“; аффикс *-ken* в сочетании с некоторыми временными основами изъявительного наклонения, например, *okurken*, *okumuşken*, *okuyacakken* „когда, в то время, как он читает, уже прочел, собрался было читать“; аффикс *-yor*, показатель настоящего времени, например, *düşünüyorum* „я думаю“.

Одним из показателей постепенного ослабления нёбной ассимиляции может служить все более частое появление в слове гласных *a* и *i* в соседних слогах, что отчасти можно видеть в уже приведенных выше словах турецкого корня. В определенных случаях появление *i* рядом с гласным *a* носит чисто механический характер, как это наблюдается при стечении согласных в начале слога в заимствованном слове (подробно в разделе 2 главы V). При стечении согласных в начале слога с последующим за ними гласным *a* перед согласными или между ними возникает гласный *i*. Например, в заимствованных из французского *station*, *stage*, *statistique* и т. п. в результате появления гласного *i* образуются формы *istasyon*, *sitaj*, *istatistik*, в которых нёбный гласный *i* оказывается рядом с ненёбным гласным *a*.

Явления десингармонизации в турецком слове уже налицо, и турецкий язык в этом отношении идет по тому же пути развития, что и некоторые другие языки тюркской группы (узбекский, западнокараимский, гагаузский).

Тем не менее было бы преждевременно делать выводы о полном развитии процесса распада нёбной гармонии. Разрушение последней находится в самом начале, и в некоторых случаях ассимилированные формы слов еще могут вытеснять десингармонистические формы.

Наряду с прогрессивной ассимиляцией гласных по нёбности-ненёбности действует другой вид ассимиляции, охватывающий губные гласные и соответственно называемый прогрессивной губной ассимиляцией гласных или кратко — губной гармонией (губным притяжением) гласных. Сущность этого явления заключается в том, что при наличии губного гласного в начальном слоге слова последующие гласные основы и аффиксов также бывают губными. Например,

в слове *odunluk* „дровяной сарай“ гласные его основы *odun* „дрова“ состоят из губных, в связи с чем и аффикс *-luk* имеет губной гласный. В слове *kömürlük* „угольная яма“, „сарай для угля“ основа *kömür* „уголь“ также содержит губные гласные, в связи с чем тот же аффикс *-lük* снова имеет губной гласный. Таким образом, в рамках губной гармонии параллельно действует нёбная гармония, которая выражается в том, что в слове *odunluk* губные гласные все относятся к заднему ряду, а в слове *kömürlük* губные гласные относятся к переднему ряду. Основываясь на этом, можно сказать, что прогрессивная губная ассимиляция представляет собой особую разновидность нёбной ассимиляции в области губных гласных, которую можно назвать нёбно-губной ассимиляцией или нёбно-губной гармонией¹.

Описанный выше в схематическом виде процесс нёбно-губной ассимиляции в таком чистом виде имеет ограниченное распространение.

Во-первых, губная ассимиляция недоразвита в отношении широких губных гласных; в этом отношении турецкий язык уступает другим языкам тюркской группы, например, киргизскому, алтайскому. В турецком слове широкие губные гласные *o* и *ö* возможны в первом слоге, в остальных же слогах допустимы лишь узкие губные гласные. Немногочисленные отступления объясняются заимствованным характером слов и не имеют закономерного характера. Примеры: *horoz* „петух“, *kokoz* „бедный“, „разорившийся“, *kodoman* „сердитый“, „злой“, *kokoroz* „стебель кукурузы“, *şiroz* „высушенная на солнце мелкая скумбрия“, *şirlop* (название кушанья), *lololo* „ложь“, „выдумка“ и др. Так как ряд аффиксов допускает лишь широкие гласные (например, аффиксы дательного падежа, будущего времени, долженствовательного наклонения и др.), то подобные аффиксы, присоединяясь к концу слов и оказываясь, таким образом, во втором, третьем или более дальнем слоге, не могут употребляться с широкими губными гласными *o* и *ö*. Вследствие этого нёбно-губная ассимиляция может проявляться лишь через узкие губные *u* и *ü*.

Недоразвитость нёбно-губной гармонии в отношении широких гласных является причиной того, что в турецком слове за губным гласным может следовать негубной гласный. Правда, в языке можно найти достаточное число основ с выдержанной нёбно-губной гармонией, например: *kuru* „сухой“, *kötü* „плохой“, *otuz* „тридцать“, *yokuş* „подъем“, „ухаб“, *gönül* „сердце“, *boyun* „шея“, *boynuz* „рог“, „рога“, *çopur* „веснушки“, „веснушчатый“, *düğün* „свадьба“ и др. Однако наряду с подобными словами можно привести еще большее количество других турецких основ, где губная гармония не наблюдается, как это можно видеть в нижеследующих примерах: *kulak* „ухо“, *utan* „стыд“, *duman* „дым“, *çokmar* „дубина“, *ülke* „страна“, „край“, *üvez* „рябина“, *böcek* „насекомое“, *düve* „телка“ и многие другие. В приведенных словах за губным гласным первого слога следуют негубные широкие гласные, нарушая таким образом губную гармонию.

¹ См. Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка, Л., 1939, стр. 9.

Под действие нёбно-губной гармонии не подпадают также многочисленные заимствования. Некоторая часть последних, правда, с течением времени подверглась влиянию нёбно-губной ассимиляции, например, *dürbün* „подзорная труба“, *çünkü* „так как“, „потому что“, *müdür* „директор“, „управляющий“, происходящие из персидских *durbin*, *çünke*, арабского *mudir*. Однако непропорционально большее число слов с таким же составом гласных осталось вне действия губной ассимиляции. Примеры: *müfrit* „разобщающий“, „разделяющий“, *küllü* „полный“, „многочисленный“, *mühim* „важный“, „значительный“ и т. п.

Наконец, от действия нёбно-губной гармонии свободны те же аффиксы, которые не затрагиваются нёбной гармонией.

Сравнивая теперь действие нёбной и нёбно-губной ассимиляции в основе и аффиксах, можно отметить, что названные закономерности проявляются сильнее в аффиксах и слабее в корне или основе, хотя в целом и в том и в другом случае их действие в достаточной степени ограничено.

Там, где аффикс подпадает под действие нёбной и нёбно-губной ассимиляции одновременно, он имеет четыре варианта¹. Четыре варианта имеет, например, приводившийся выше словообразовательный аффикс *-lik*. Ср. такие слова: *kulaklık* „наушники“, *terlik* „ночные туфли“, *tozluk* „гетры“, *günlük* „дневной“.

По числу чередующихся гласных аффиксы бывают двух-, четырех- и в немногих случаях шестивариантными, как например, именные словообразовательные аффиксы *-k*, *-ak*, *-ek*, *-ik*, *-ik*, *-uk*, *-ük*; *-kan*, *-ken*, *-kın*, *-kin*, *-kun*, *-kün*, аффикс причастия настоящего-будущего времени *-r*, *-ar*, *-er*, *-ır*, *-ir*, *-ur*, *-ür* и некоторые другие. Двухвариантными являются аффиксы, имеющие широкий гласный, например, аффиксы причастия будущего времени *-(y)acak* || *(y)ecek*, местного падежа *-da* || *-de*, исходного падежа *-dan* || *-den* и многие другие. Четырехвариантными являются аффиксы, имеющие узкий гласный. К ним относятся, помимо приводившегося выше *-lik*, еще аффиксы родительного падежа *-(n)in*, *-(n)in*, *-(n)un*, *-(n)ün*, винительного падежа *-(y)i*, *-(y)i*, *-(y)u*, *-(y)ü*, принадлежности *-(s)i*, *-(s)i*, *-(s)u*, *-(s)ü*, словообразовательные именные аффиксы *-lı*, *-li*, *-lu*, *-lü*; *-kı*, *-ki*, *-ku*, *-kü* и многие другие. Шестивариантными являются немногие словообразовательные аффиксы, имеющие в своем

¹ В литературном языке дело обстоит именно таким образом. Однако в диалектах, например, трапезундском и других, аффикс иногда имеет строго фиксированный губной гласный при негубном характере гласных основы, например *alup* (вместо *altıp*) „взяв“, *gelüp* (вместо *gelip*) „придя“, *delük* (вместо *delik*) „дыра“, *verdüm* (вместо *verdim*) „я дал“ и т. д. См. об этом П. М. Мелиоранский. Вторая статья о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“. Известия ОРЯС АН, том X, книжка 2-я, СПб, 1905, стр. 88. См. также М. Räsänän. Beiträge zur Frage der türkischen Vocalharmonie. „Journ. de la Soc. Fin.-Ougr.“, XLV, 3, 1932. Еще сильнее проявлялась указанная тенденция в староосманском языке, что засвидетельствовано как в старых текстах, так и в старинных грамматиках (см. F. Meninski. Linguarum orientalium turcicae etc., p. 68, 83 et passim).

составе как широкие, так и узкие гласные. Кроме уже названных, к шестивариантным относится также глаголообразующий аффикс *-sa, -se, -si, -sî, -su, -sû*¹ и некоторые другие.

Наряду с прогрессивной нёбной и нёбно-губной гармонией, при которой предшествующий гласный ассимилирует последующий гласный, действует обратный процесс, когда качество предшествующего гласного меняется под воздействием следующего за ним гласного. Описываемое фонетическое явление называется регрессивной ассимиляцией гласных, точнее — регрессивной нёбной и нёбно-губной ассимиляцией (гармонией) гласных.

В словах, подчинившихся регрессивной ассимиляции, состав гласных первоначально не носил гармоничного характера и подвергся изменениям лишь в дальнейшем, в исторически обозримое время. Громадное большинство слов подобного рода имело иноязычное происхождение, но сюда же попало некоторое число старотурецких слов, первоначально представлявших собой словосочетания. Иная картина наблюдается в турецком корне или основе и в формах, образовавшихся при помощи различных аффиксов. За вычетом незначительного числа турецких корней или основ все остальные турецкие слова появляются во всех источниках уже с готовым гармоничным составом гласных, и мы не знаем, как конкретно шел процесс ассимиляции в большинстве турецких слов: действовала ли в них лишь одна прогрессивная ассимиляция или в процессе фонетической переработки слов сыграла существенную роль также и регрессивная ассимиляция. В тюркологии больше данных относительно развития современных ассимилированных форм аффиксов: все они сложились под действием прогрессивной нёбно-губной гармонии.

Процесс регрессивной ассимиляции гласных имеет и другую особенность, отличающую его от прогрессивной. При последней нёбно-губная гармония действует до самого конца слова, как бы ни было велико число слогов (если только среди них нет каких-либо аффиксов с постоянным гласным). Так, в слове *gelemediklerinden* „так как они не могли прийти“ все слоги под влиянием гласного *e* основы *gel-* имеют нёбные гласные.

Действие регрессивной ассимиляции не простирается так далеко и проявляется обычно в двух- и реже трехсложных словах. Фактически регрессивной гармонии подвергается один гласный. Так, например, в составном по происхождению слове *bugün* (*bu* „этот“ и *gün* „день“) „сегодня“, произносимом часто в форме *bügün*, губной гласный первого слога *u* под влиянием гласного *ü* второго слога подвергся смягчению. Несколько сложнее протекала нёбно-губная ассимиляция в слове *öbür* „тот“, „другой“, восходящем к определительному словосочетанию *o bir*

¹ В связи с приведенными фактами, видимо, должно отпасть столь нередкое в устах тюркологов утверждение о том, что узкий гласный аффикс может чередоваться только с узким, широкий гласный — только с широким. См. J. Deny. *Grammaire...*, § 154, а также В. А. Богородицкий. *Этюды...*, стр. 58; см. также W. Radloff. *Phonetik...*, S. 28.

„тот“, „один“. Из этого сочетания сначала под действием регрессивной нёбной гармонии получилась форма *öbir*, а из последней под влиянием прогрессивной нёбно-губной гармонии сложилась форма *öbür*. Таким же путем из союза *çünke* (перс.) получилась форма *çünki* > *çünkü*. Иначе образовались определительные местоимения *böyle*, *şöyle*, *öyle*, переводимые по-русски „такой“, „так“. Все они восходят к сочетаниям указательных местоимений *bu* „этот“ (ближайший), *şu* „этот“, „тот“ (немного дальше) и *o* „тот“ (наиболее далекий в сравнении с первыми двумя) с послелогом *ile* „с“. Под влиянием первого гласного *i* послелога *ile* гласные местоимений смягчились, а до этого произошло расширение гласных *u* в *o*¹.

Проще протекала регрессивная нёбная ассимиляция в заимствованных словах: из персидского *seray* „дворец“, *behar* „весна“, составного слова *hempa* „спутник“, „единомышленник“ и т. д. из арабского *feal* „деятельный“, „активный“, *seadet* „блаженство“, „благополучие“, *tearruz* „наступление“, „посягательство“, *mehal* „место“, „местность“, *ehali* „население“, *zeman* „время“ и других, фонетически переработанных соответственно в формы *saray*, *bahar*, *hampa*, *faal*, *saadet*, *taarruz*, *mahal*, *ahali*, *zaman*.

Как показывают приведенные примеры, регрессивная ассимиляция может действовать самостоятельно или в сочетании с прогрессивной ассимиляцией (например, в слове *öbür*).

Однако как бы ни было значительно число фактов, относящихся к регрессивной гармонии (особенно в разговорном языке, в отличие от литературного, где рассматриваемое явление проявляется слабее), все они составляют все же лишь сумму случаев, и регрессивная ассимиляция в турецком языке остается известной тенденцией, не развившейся до значения закономерности².

Приводившиеся выше примеры арабских слов, подвергшихся регрессивной ассимиляции гласных, требуют дополнительных объяснений. Как показывают наблюдения, краткое арабское *a*, обозначавшееся на письме специальным надстрочным знаком („фатхой“), произносилось турками то как *a*, то как *э*, в зависимости от окружающих согласных. Так как регрессивная ассимиляция гласных в арабских заимствованиях наблюдается главным образом в двух-, реже трехсложных словах,

¹ Возможно, впрочем, что первоначальный гласный в указательных местоимениях представлял широкое *o*, как это показывают некоторые из диалектов современных тюркских языков.

² В этом отношении турецкий язык уступает другим тюркским языкам, например, новоуйгурскому с его диалектами. В новоуйгурском языке регрессивная ассимиляция гласных (преимущественно нёбная) в известных случаях имеет регулярный характер. Таково смягчение, точнее замена *a* гласным *e* под влиянием последующего *i* в производных формах (типа *at* „лошадь“, *eti* „его лошадь“), названная В. Радловым „умлаутом“ („Phonetik. . .“, стр. 65) — по аналогии с исторически сходными явлениями в других языках. В турецком языке не наблюдается столь резкого перехода гласного из заднего ряда в передний под действием регрессивной ассимиляции, однако в известной мере подобный переход возможен и здесь.

то для наших целей будет достаточно выяснить характер краткого арабского гласного *a* в первом слоге, гласный которого обычно и ассимилируется гласному второго слога.

Произношение краткого *a*, как было замечено, зависело от окружающих согласных. Арабские же согласные распадаются на две группы: согласные *ب, ت, ث, د, ذ, ر, ز, س, ش, ص, ط, ظ, ف, ك, ل, م, ن, ه, و*, после которых или перед которыми краткое *a* произносилось как э, и остальные согласные, т. е. *ح, خ, ج, ح, ط, غ, ع*, после которых или перед которыми оно произносилось как *a*. При столкновении согласных разных рядов, т. е. когда в начале слова оказывался согласный одного ряда, а после гласного согласный другого ряда, произношение становилось неустойчивым, поскольку согласные оказывали разнородное влияние на краткое *a*. Так, например, после *ت* краткий гласный *a* с последующим согласным второго ряда в масдарах (арабских отглагольных именах) второй породы произносился как *a*, например, *تخریب (tahrıp)* „разрушение“, „уничтожение“, *تخلیل (tahlil)* „разложение“, „анализ“, „исследование“, *تقسیم (taksim)* „деление“, „расчленение“, *تفصیل (tafsil)* „подробность“, *تحکیم (tahkim)* „укрепление“ и т. п. Однако краткий арабский *a* произносился в масдарах пятой породы уже как э, например, *تحمل (tehammül)* „терпение“, *تحرى (teharri)* „разыскивание“, „розыск“, *تقدم (tekaddüm)* „предшествование“, „опережение“, *تغنى (teganni)* „пение“, *تصرف (tesarruf)* „владение“, „экономия“, „бережливость“, *تحقق (tehakkuk)* „подтверждение“ и ряд других. В современном литературном языке большинство слов последнего типа под влиянием регрессивной ассимиляции приняло формы *tahammül, taharri, takaddüm, tasarruf, tahakkuk*, перешедшие в литературный язык из разговорного.

Другой пример. После согласного, принадлежащего к первой группе согласных, краткий гласный *a* с последующим согласным¹ той же группы произносился и произносится как э, например, *مبعوث (mebus)* „депутат“, *متانت (metanet)* „стойкость“, „твердость“, „постоянство“, *متین (metin)* „текст“, „подлинник“, *مجلس (meclis)* „собрание“, „меджлис“, „парламент“ и многие другие. Но когда за кратким *a* следовал согласный второй группы, гласный произносился как *a*, например, *محبوس (mahpus)* „заключенный“, *مخلوق (mahlûk)* „существо“, „тварь“, *محصول (mahsul)* „урожай“, „продукция“, *مصرف (masraf)* „расход“, „издержки“, *مصون (masun)* „защищенный“, „неприкосновенный“, *مقصد (maksat)* „цель“, *مطبعة (matbaa)* „типография“ и др. Если же далее за согласным второй группы следовал долгий гласный (в пятой и шестой породах, во множественном числе), то краткий *a* в большинстве случаев произносился как э. Таким образом, и в случае с согласным *م* получалась та же фонетическая картина, что и с согласным *ت*.

¹ Звук *ع* („айн“) после краткого *a* турками произносился во многих случаях как *a*, сам же краткий гласный произносился как э, например, *تعصب (teasup)* „фанатизм“, *تعین (teayyün)* „проявление“, „обнаружение“, *تعشق (teaşşuk)* „влюбленность“ и др. В современном литературном языке под влиянием разговорного почти все подобные слова подверглись действию регрессивной ассимиляции.

Приведем примеры с другими согласными второй группы, кроме خ: مصائب (*mesaip* мн. ч. от *musibet*) „несчастья“, „бедствия“, مطالب (*met-alip* мн. ч. от *taleb*) „требования“, مظالم (*mezalim* мн. ч. от *zulûm*) „насилия“, „притеснения“, مقابر (*mekabir* мн. ч. от *kabir*) „могилы“ и др. Большая часть рассматриваемого разряда слов в разговорном языке подпала под действие регрессивной ассимиляции и в таком виде перешла в литературный язык, где и закрепилась в качестве нормы. К ассимилированным формам принадлежат *makal* (из *mekal* مقال) „слово“, „речь“, *takale* (из *mekale* مقالة) „статья“, *maarif* (из *mearif* معارف) „просвещение“, „министерство просвещения“, *maali* (из *meali* معالي) „высокие качества“, „высокие идеи“, *mazarrat* (из *mezarrat* مضرت) „вред“, „изъян“, „ущерб“ и некоторые другие.

Приведенные здесь и выше примеры показывают, что регрессивная ассимиляция имеет в количественном смысле достаточное проявление в турецком языке. Однако, как уже говорилось, она охватывает лишь частные случаи, объединяющиеся в отдельные разряды.

Эти примеры, с другой стороны, показывают, что старое „утонченное“ произношение верхушечных слоев стамбульцев, на которое иногда ссылаются в грамматиках, находит известную опору в специфическом турецком восприятии фонетического строя арабского языка.

При всей справедливости сказанного далеко не все в истории арабо-персидских заимствований может считаться выясненным. Много ценного может дать изучение названных заимствований в свете явлений разговорного арабского и персидского языков¹.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Деление согласных на группы отражает фонематический состав и фонетические закономерности в области согласных турецкого языка.

В турецком языке нельзя выделить классификационную группу для мягких согласных, образующих систему, и рубрику твердых согласных, также объединяющуюся в систему, как то наблюдается, например, в русском или западнокараимском языках, хотя позиционная мягкость согласных в турецком языке развита достаточно, а процесс выделения мягких согласных не чужд тем турецким диалектам, где наблюдается депалатализация *ö* и *ü*, наподобие того, что мы видим в ногайских диалектах, где депалатализация *e* и *y* в анлауте, а также после *k*, *g* и *b* в начальных слогах явилась исходным пунктом начавшегося процесса образования мягких согласных фонем.

В турецком языке различают следующие группы согласных: 1) звонкие и глухие согласные, характеризующиеся действием или покоем головных связок при производстве звука; 2) губные, губно-зубные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и фарингальные согласные, характеризующиеся местом образования и ролью наиболее активного рече-

¹ J. Németh. Zur Kenntnis der Mischsprachen (Das doppelte Sprachsystem des Osmanischen), Acta linguistica Academiae Hungaricae, t. III, fasc. 1—2, Budapest, 1953, S. 167.

вого органа, участвующего в их образовании; 3) сонорные (иначе сонанты) и шумные согласные, характеризующиеся меньшим или большим присутствием шума при образовании; 4) смычные (иначе — затворные, взрывные, эксплозивные, мгновенные) и щелевые (иначе — проточные, фрикативные, спиранты), характеризующиеся способом образования преграды и шума.

Деление согласных на первые две группы представляет собой характеристику их как с точки зрения фонетических процессов в области турецких согласных, так и по месту образования, а также по роли речевого органа (голосовых связок, губ, передней, средней, задней части языка, язычка, глотки), участвующего в образовании согласного. Так, при произношении одних согласных голосовые связки участвуют, а при произношении других не принимают активного участия. Первые (с участием голосовых связок) называются звонкими, вторые (без участия голосовых связок) — глухими.

Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие
b	p	l*	—
c	ç	m	—
d	t	n	—
g	k	r	—
—	k'*	v	f
—	h	y	—
j	ş	z	s
l	—		

* Знаки k' и l' являются условными обозначениями фонем: смягченных, k и l.

Как показывает таблица, большинство звонких согласных имеет соответствующие парные согласные в ряду глухих. Исключение составляют *y, l, l', m, n, r*, не имеющие соответствующих фонематических пар среди глухих. В свою очередь, глухой согласный *h* не имеет соответственной пары среди звонких.

Губными являются согласные *b, p, m*, губно-зубными *v, f*, переднеязычными *d, t, z, s, j, ş, c, ç*, среднеязычными *k', l', y*, заднеязычными *k, g*.

Фонема *h* является фарингальным согласным.

Деление согласных на сонорные и шумные основано на том, что сонорные в фонетических процессах во многом сходны с гласными, и шум воздушной струи при их образовании заметно слабее, чем при остальных (шумных) согласных, что также до известной степени сближает сонорные с гласными. Сонорными согласными (от латинского *sonorus* „звучный“, „звонкий“) являются *l, l', r, m, n, y*, шумными — остальные.

Сонорные согласные делятся на: а) губно-губной смычный носовой сонорный *m*, образующийся так же, как и губно-губной смычный шум-

ный *b*, но с выходом воздушной струи через носовую полость; б) переднеязычный смычный носовой сонорный *n*, образующийся так же, как и *d*, но также с выходом воздушной струи через носовую полость; в) боковой или латеральный (от латинского *latus* „бок“, „сторона“) щелевой сонорный *l*, при производстве которого кончик языка упирается в основание верхних зубов, бока языка опускаются, и воздушная струя проходит по бокам языка; г) дрожащий щелевой сонорный *r*, образующийся вибрацией кончика языка; д) среднеязычный сонорный *y*, образующийся подъемом средней части языка к твердому нёбу.

Деление согласных на смычные и щелевые основано на том, что образование первых согласных достигается путем замыкания и последующего мгновенного размыкания преграды с одновременным проталкиванием воздушной струи, что акустически создает впечатление своеобразного взрыва. Отсюда названия смычные и взрывные. При произношении щелевых согласных преграда замыкается не полностью, образуется щель (у щелевых сонорных она больше, чем у прочих щелевых), и струя выдыхаемого воздуха трется о края щели. Отсюда названия щелевые, проточные.

Смычные и щелевые делятся на глухие и звонкие:

Смычные		Щелевые	
глухие	звонкие	глухие	звонкие
k	g	f	v
k'	—	h	—
p	b	s	z
t	d	ʃ	j

Сложные по способу образования смычнощелевые согласные *c* и *ç* называются аффрикатами.

Приведенная классификация может быть дополнена еще делением согласных на смычные—щелевые, предложенным проф. В. А. Богородицким¹. Согласно этому делению из состава согласных выделяются пары, распадающиеся на смычный и щелевой, а именно: *p—f*, *b—v*, *ç—ʃ*, *c—j*, а с учетом диалектов и *k—x*. Такое деление согласных имеет существенное значение, поскольку оно отражает переходы между согласными, наблюдаемые не только в диалектах, но в известной своей части также и в литературном языке.

Другое попарное деление согласных на носовые и неносовые (*m—b*, *n—d*) при сходстве остальных произносительных приемов для турецкого языка менее существенно, так как оно не находит основания в фонетических явлениях, наблюдающихся в нем. Выделение носовых согласных является целесообразным, если иметь в виду так называемую носовую (назальную) ассимиляцию согласных.

¹ В. А. Богородицкий. Введение..., стр. 20.

Применяя приведенные выше классификационные признаки к какому-нибудь согласному, мы получаем, например, для *b* следующую характеристику: звонкий смычный губной согласный; для *d* — звонкий смычный переднеязычный согласный; для *s* — глухой щелевой переднеязычный согласный; для *n* — смычный носовой сонорный или смычный носовой сонант; для *j* — звонкий щелевой переднеязычный согласный и т. д.

Среди согласных наименее устойчивыми являются сонорные. Они легко ослабляются и даже полностью выпадают, напоминая в этом отношении гласные. Наиболее устойчивыми являются глухие согласные. Среднее положение между теми и другими занимают звонкие согласные. Присоединяя сюда сказанное в разделе 1 данной главы относительно степени устойчивости гласных, можно все фонемы турецкого языка расположить по признаку устойчивости в следующем убывающем порядке: наиболее устойчивые — глухие, далее идут звонкие согласные (кроме сонорных), затем сонорные, широкие гласные и наименее устойчивые — узкие гласные.

4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОГЛАСНЫХ

Сравнивая приведенные в предыдущем разделе деления согласных, следует сказать, что наиболее важным из них является деление на звонкие и глухие, поскольку оно связано с действием прогрессивной и регрессивной ассимиляции согласных.

Ассимиляция (гармония) согласных представляет собой фонетический процесс, в некоторых случаях параллельный ассимиляции гласных и сходный с ней в том отношении, что здесь также происходит уподобление одного звука другому по определенному признаку как в прогрессивном, так и регрессивном направлении. Уподобление согласных может происходить по признаку звонкости-глухости, т. е. по степени участия голосовых связок, а также и по положению губ при произношении звука. Оба эти процесса соответственно называются прогрессивной и регрессивной ассимиляцией (гармонией) согласных по звонкости-глухости и регрессивной губной ассимиляцией согласных (прогрессивная губная ассимиляция согласных не играет существенной роли в турецком языке).

Помимо указанных типов уподобления согласных, свойственных турецкому языку и его территориальным диалектам, в диалектах в заметной степени наблюдается также прогрессивная (реже регрессивная) носовая ассимиляция, т. е. уподобление согласного носовым сонантам *m* и *n*.

В отличие от нёбно-губной ассимиляции гласных, действию которой, за вычетом заимствований и некоторых аффиксов, подвергаются все гласные, входящие в состав слова, ассимиляция согласных действует лишь в пределах двух соседних согласных, не оказывая — за единичными исключениями — влияния на остальные согласные слова и напоминая в этом случае регрессивную гармонию гласных.

По своей роли в языке все три вида ассимиляции согласных далеко не пропорциональны между собой. В то время как прогрессивная и регрессивная ассимиляция по глухости-звонкости представляет собой последовательную закономерность, губная и носовая ассимиляция не имеет регулярного характера и охватывает ограниченную область явлений.

Сравнивая ассимиляцию согласных по звонкости-глухости с ассимиляцией гласных, следует сказать, что первая закономерность действует с большей последовательностью, допуская меньше отступлений, чего нельзя сказать — как это уже выяснено — о гармонии гласных. Вместе с тем некоторая часть согласных подпадает под действие гармонии гласных, о чем специально будет сказано ниже (5В). Отсюда мы вправе заключить, что ассимиляция гласных представляет, хотя и непоследовательную, но более широкую закономерность, чем ассимиляция согласных по звонкости-глухости.

Ассимиляция согласных по звонкости-глухости действует при непосредственном соседстве согласных, проявляясь как в основе, так и в производных формах, при этом безотносительно к происхождению слова, например, *ekşi* (произносится *экиши*) „кислый“, *istemek* (произносится *истэмек*) „желать“, „хотеть“, „требовать“, *eski* (произносится *эски*) „старый“, „ветхий“, *özge* (произносится *өзге*) „странный“, „чужой“, *gövde* (произносится *гөвде*) „туловище“, „ствол“ и др. Встречающиеся в примерах соседние согласные *-kş-*, *-st-*, *-sk-*, *-zg-*, *-vd-* или оба звонкие или оба глухие. Сонорные *r*, *l*, *m*, *n*, *y*, не имеющие соответствующих глухих пар, могут сочетаться как со звонкими, так и с глухими согласными. Они похожи в этом отношении отчасти на гласные, которые могут сочетаться с любым согласным. Примеры: *esnemek* „зевать“, *tekne* „корыто“, *saplak* „ковш“, *taşra* „провинция“, *serçe* „воробей“, *külte* „низкий“, „низкорослый“, *ıslak* „мокрый“, *kamcı* „нагайка“, *kuytu* „защищенный от ветра“, *karga* „ворона“, *gölge* „тень“, *katran* „деготь“, „смола“, *kendi* „сам“, *kısrak* „кобыла“, *dombay* „буйволица“ и др.

Оставляя пока в стороне примеры с сонорными согласными, обратимся к приведенным в начале. Все эти слова считаются старотурецкими. Мы не можем пока судить о более древнем соотношении согласных по звонкости-глухости в этих и подобных словах. И потому, строго говоря, мы не можем категорически утверждать, что в них действовала лишь прогрессивная ассимиляция. Теоретически не исключено, что в некоторых корнях действовала, наоборот, регрессивная ассимиляция согласных.

Гораздо легче выяснить направление ассимиляции в заимствованиях, так как их исходный фонетический состав по большей части установить нетрудно. В частности, это касается арабских слов. Все арабские слова, не считая редких исключений, подпали под действие ассимиляции согласных по звонкости-глухости, но в большей своей части оказались вне действия ассимиляции гласных, что было показано выше. Из области прогрессивной ассимиляции согласных в заимствованиях можно

привести следующие примеры: *ispat* или *isbat* (произносится *испат*) „доказательство“, *rehber* (произносится *рэхбер*) „руководитель“, „главарь“, *rütbe* (произносится *рүтбе*) „звание“, „чин“, *tasdik* (произносится *тастик*) „подтверждение“, *ahbar*¹ (произносится *аһбар*) „друзья“ и др.

Сравнительно регулярно действует прогрессивная ассимиляция согласных в аффиксах. Большинство аффиксов, как словообразовательных, так и словоизменительных, за исключением начинающихся с сонорных и гласных, имеют звонкий и глухой начальный согласный. Это прямо следует из явления ассимиляции согласных по звонкости и глухости: поскольку конечный согласный звук основы может быть либо глухим либо звонким (например, полувзвонное *d*, полувзвонные щелевые *v*, *j*, *z* и сонорные), то следующий за основой аффикс должен начинаться соответственно с глухого или звонкого согласного. Подобные аффиксы, следовательно, являются двухвариантными относительно начального согласного. Из сказанного следует также, что аффиксы с начальным сонорным могут следовать за любым конечным согласным основы. Поскольку, с другой стороны, аффиксы могут иметь, как это мы уже знаем, до шести вариантов с гласным, то, присоединяя сюда также варианты со звонким и глухим, мы получаем значительное число вариантов аффиксов, удовлетворяющих одновременно прогрессивной ассимиляции гласных и прогрессивной ассимиляции согласных. Практически аффиксы бывают: двухвариантными (с передними и задними широкими негубными гласными), четырехвариантными (с начальным звонким согласным и широкими негубными гласными, с начальным глухим согласным и теми же гласными); шестивариантными (со всеми узкими и негубными широкими гласными); восьмивариантными (с начальным звонким и всеми узкими гласными, с начальным глухим и теми же гласными); двенадцативариантными (с начальным звонким согласным и со всеми гласными, кроме широких губных, с начальным глухим согласным и с теми же гласными).

Пример на двухвариантный аффикс: глаголообразующий аффикс *-la* || *-le*, например, *başlamak* „начинать“, *gözlemek* „поджидать“.

¹ Турецкая орфография после частичных изменений, внесенных в 1942 г., отказалась как будто от принципа фонетического написания основ, хотя и до указанного времени этот принцип на практике соблюдался далеко не всегда, в результате чего обозначение основ на письме, особенно основ арабо-персидского происхождения, подчас становилось делом личного вкуса.

После 1942 г. положение в отношении написания основ несколько не изменилось. Попрежнему основы и корни передаются на письме то в этимологической форме, то в фонетической, т. е. с соблюдением явлений ассимиляции. Часто невозможно понять, почему в одних и тех же фонетических условиях орфографический словарь устанавливает то этимологическое, то фонетическое написание основ. Составители словаря никаких принципиальных указаний на этот счет не дают.

Легче установить написание составных основ. Последние передаются, как правило, в этимологической форме, без соблюдения ассимиляции согласных, например, *akbaba* (произносится *агбаба*) „гриф“ (зоол.), *akciğer* (произносится *агджер*) „легкое“, *akgünlük* (произносится *агнлүк*) „можевеловая смола“ и др.

Пример на четырехвариантный аффикс: аффикс исходного падежа $\frac{-dan \parallel -den}{-tan \parallel -ten}$, например, *attan* „от лошади“, *itten* „от собаки“, *oddan* „от огня“, *gölden* „от озера“.

Пример на шестивариантный аффикс: отглагольно-именной словообразовательный аффикс $-ak \parallel -ek \parallel -ık \parallel -ik \parallel -uk \parallel -ük$, например, *kapak* „крышка“, *döşek* „тюфяк“, *yatık* „лежащий“, *kertik* „зарубка“, *donuk* „застывший“, *sönük* „угасший“.

Пример на восьмивариантный аффикс: словообразовательный именной аффикс $\frac{-cı \parallel -ci \parallel -cu \parallel -cü}{-çı \parallel -çi \parallel -çu \parallel -çü}$, например, *yabancı* „чужой“, *şekerci* „кондитер“, *kuyumcu* „ювелир“, *öncü* „авангард“, *saatçi* „часовщик“, *işçi* „рабочий“, *kuşçu* „продавец птиц“, *sütçü* „продавец молока“.

Пример на двенадцативариантный аффикс: отглагольно-именной словообразовательный аффикс $\frac{-kan \parallel -ken \parallel -kın \parallel -kin \parallel -kun \parallel -kün}{-gan \parallel -gen \parallel -gın \parallel -gin \parallel -gun \parallel -gün}$, например, *alınan* „мнительный“, *çekingen* „застенчивый“, „робкий“, *baygın* „обморочный“, „бессильный“, *gergin* „напряженный“, *solgun* „увядший“, „вылинявший“, *düzgün* „приведенный в порядок“, „устроенный“, *çalışkan* „трудолюбивый“, „прилежный“, *konuşkan* „словоохотливый“, „говорливый“, *baskın* „нападение“, „налет“, *geçkin* „прошлый“, „пожилой“, *ıçkun* „искра“, *düşkün* „падший“, „падкий“.

Как уже говорилось раньше, сонорные согласные, не имеющие глухих пар, могут сочетаться как со звонкими, так и с глухими согласными. Однако это верно главным образом для тех случаев, когда сонорный согласный следует за другим согласным. Но если сонорный предшествует другому согласному, то картина меняется. Так как *г, л, м, н, у* являются звонкими согласными, то следующие за ними согласные в принципе также должны быть звонкими. В большинстве случаев дело обстоит именно таким образом. Имеется много основ, в которых после сонорных согласных следуют звонкие, например, *aldatmak* „обманывать“, *sandık* „сундук“, *bardak* „стакан“, *çengel* „крюк“, *yenge* „жена брата или дяди“, *ölgün* „захиревший“, „увядший“, *yonda* „птичий пух“ и др.

Еще больше таких случаев в наращенных формах, в которых аффиксы после конечного сонорного звука основы начинаются со звонкого согласного. Подобных аффиксов в турецком языке большинство. Приведем некоторые из них:

а) аффиксы местного и исходного падежей $\frac{-da \parallel -de}{-ta \parallel -te}$, $\frac{-dan \parallel -den}{-tan \parallel -ten}$, например, *çayda* „в реке“, *çaydan* „из реки“;

б) словообразовательный именной аффикс $\frac{-gan \parallel -gen \parallel -gın \parallel -gin}{-kan \parallel -ken \parallel -kın \parallel -kin}$, $\frac{-gun \parallel -gün}{-kun \parallel -kün}$, например, *yangın* „пожар“, *kurgan* „крепость“, „укрепление“;

в) залоговой аффикс $\frac{-dır \parallel -dir \parallel -dur \parallel -dür}{-tır \parallel -tir \parallel -tur \parallel -tür}$, например, *aldırmak* „заставить брать“, *attirmek* „заставить бросить“, „дать бросить“;

г) словообразовательный именной аффикс $\frac{-cı \parallel -ci \parallel -cu \parallel -cü}{-çi \parallel -ci \parallel -çu \parallel -çü}$, например, *tesviyeci* „слесарь“, *yazıcı* „писатель“;

д) аффикс прошедшего категорического времени $\frac{-dı \parallel -di \parallel -du \parallel -dü}{-tı \parallel -ti \parallel -tu \parallel -tü}$, например, *attı* „он бросил“, *yoruldum* „я устал“ и др.

Вместе с тем ассимиляция согласных по глухости-звонкости в отношении сонорных имеет ряд отступлений. Прежде всего необходимо отметить значительное число нарушений ассимиляции в исконно турецких коренных словах, сохраняющих свой древний фонетический тип, например, *altı* „шесть“, *balta* „топор“, *silmek* „трясти“, „выколачивать“, *erken* „ранний“, *erkek* „мужчина“, „самец“, *körpe* „молодой“, „свежий“, *gerçek* „истина“, *kaytan* „шнур“, „веревка“, *pinti* „скупой“, „грязный“, „жалкий“. Сюда же необходимо присоединить часть примеров, приведенных на стр. 47 (*serçe*, *külte*, *kamçı*, *kuytu*), в которых за сонорными согласными следуют глухие согласные.

Далее можно выделить ряд аффиксов, отклоняющихся от ассимиляции и также принадлежащих более старым фонетическим формам турецкого языка:

а) отглагольно-именной аффикс *-ıntı*, *-inti*, *-untu*, *-üntü*, например, *sarsıntı* „дрожь“, *çıkıntı* „выступ“ и др.;

б) именной аффикс *-ki*, например, *akşamki* „вечерний“, *yarınki* „завтрашний“ и др.;

в) аффикс условного наклонения *-sa* || *se*, например, *alsa* „если он берет, возьмет, если бы он брал“, *dönse* „если он возвращается, вернется, если бы он вернулся“, *derse* „если он собирает, соберет, если бы он собрал“ и т. п.

г) аффикс 3-го лица повелительного наклонения *-sin* || *sin* || *-sun* || *-sün*, например, *alsın* „пусть он берет, возьмет“, *dönsün* „пусть он вернется“, *dersin* „пусть он соберет“, *yansın* „пусть он сгорит“;

д) словообразовательный именной аффикс *-tı* || *-ti* || *-tu* || *-tü*, например, *hışirtı* „шелест“, „шуршание“, *diriltı* „болтовня“, *vıziltı* „жужжание“, *fısıltı* „шопот“ и др.;

е) аффикс *-siz* || *-siz* || *suz* || *-süz* для образования отрицательных прилагательных, например, *arsız* „бесстыдный“, *ansız* „внезапный“ и некоторые другие аффиксы.

К случаям нарушения ассимиляции следует также отнести употребление глухих согласных после сонорных в абсолютном конце слова, о чем попутно говорится в разделе 5В настоящей главы. Примеры: *kurt* „волк“, *sirt* „спина“, „задняя сторона“, *tunç* „бронза“, *dinç* „здоровый“, „сильный“, *genç* „молодой“, *dört* „четыре“, *kart* „старый“ и др.

Сравнивая между собой в количественном отношении случаи прогрессивной ассимиляции по звонкости-глухости, можно установить,

что ассимиляция по глухости действует чаще, чем ассимиляция по звонкости, о чем говорят также приводившиеся примеры. Преимущественное положение ассимиляции по глухости объясняется большей стойкостью глухих в турецком языке по сравнению со звонкими, на что уже указывалось в своем месте. Поэтому в языке нередки случаи оглушения в заимствованных словах первоначально звонких согласных — особенно смычных, например, *aptal* (из *abdāl*) „глупый“, „юродивый“, *tedbir* (произносится с оглушением, близко к *tembir*) „мероприятие“ и др.

Не все еще, впрочем, ясно относительно условий ассимиляции согласных, так как помимо сонорных с глухими могут сочетаться и некоторые щелевые, как, например, *v*, правда, в определенной последовательности: глухой + *v*, например, *işve* (ар.) „кокетливый взгляд“, „кокетство“, *kişver* (перс.) „страна“, „область“, *etvar* (ар.) „приемы“, „манеры“, „поведение“, *takvim* (ар.) „календарь“, соответственно произносимые *ишвэ, кишвэр, этвар, таквим; tasvîr* (ар.) „одобрение“ (ср. с *tasfiye* „очищение“, „чистка“ — произносится *масфиё*) и др. Однако при обратной последовательности, т. е. *v* + глухой согласный, может происходить оглушение *v* в *f*, хотя и необязательно. Ср., например, *tavsiye* (ар.) „рекомендация“, „совет“ — произносится *таўсие || тафсие; tavşan* „заяц“ — произносится *таўшан || тафшан; tevkîf* (ар.) „арест“, „задержание“ — произносится *тэўкиф || тэфкиф* и т. п. Таким образом, согласный *v* в данном случае напоминает сонорный, который, как это мы уже знаем, может сочетаться с любым согласным. Возможно, что в приведенных и других примерах произношение *v* близко сонанту *w* (*û*), т. е. что согласный является не губно-зубным, а губно-губным.

Ассимиляция согласных по глухости-звонкости может иметь и регрессивное направление. Такую ассимиляцию также удобнее наблюдать в заимствованиях, поскольку первоначальный состав согласных в них нам известен, а в древнейших турецких словах соседние согласные звуки мы застаем уже ассимилированными.

Следует сказать, что и в заимствованиях, равно как и в собственно турецких словах, регрессивная ассимиляция по глухости проявляется значительно чаще, чем ассимиляция по звонкости.

Регрессивная ассимиляция хорошо известна и в русском языке, где она получила отражение и в орфографии. Ср., например, *рассказать* (из *раз-сказать*), *искоренить* (из *из-коренить*), *надставить* (произносится почти как *наутавить*).

При регрессивной ассимиляции согласных ассимиляция по глухости занимает такое же господствующее положение, что и при действии прогрессивной ассимиляции. Примеры: *teçhîz* (из ар. تجهيز) „снаряжение“, „оснащение“, „оборудование“, *istîrap* (из ар. اضطراب) „тревога“, „страдание“, „мучение“, *izhar* (произносится *ичар*) „проявление“, „обнаружение“, *teçsim* (из ар. تجسم) „воплощение“, *gîpta* (из ар. غبطة) „зависть“, „желание чего-либо“, *iptilâ* (из ар. ابتلا) „страсть“, *ithal* (из ар. ادخال) „ввоз“, *ibtida* (произносится *иптида*) „начало“, *içtima* (из ар. اجتماع) „собрание“, „заседание“ и др.

Регрессивная ассимиляция по звонкости-глухости не действует при сонорном согласном.

Значительно распространена в турецком языке прогрессивная, реже регрессивная носовая (назальная) ассимиляция. Она выражается в том, что сонорный *l* ассимилируется предшествующему (и реже последующему) *n*. Носовая ассимиляция согласных широко распространена в большинстве территориальных диалектов, а также в разговорном языке городского населения. Примеры: *оннар* (из *onlar*) „они“, *аннамак* (из *anlamak*) „понимать“, *диннемек* (из *dinlemek*) „слушать“, *янныйз* (из *yalnız*) „один“, „лишь“, *сабаннар* (из *sabanlar*) „сохи“, „плуги“ и др.

Менее распространена регрессивная губная ассимиляция согласных, которая выражается в том, что носовой согласный *n* ассимилируется последующему губному согласному *m* или *b*, из коих первый также является носовым.

Губная ассимиляция согласных свойственна как литературному языку, так и территориальным диалектам. Примеры: *Istanbul* (произносится *Иста́мбул*, *Иста́мбол*), *çember* (из перс. چنبر) „обруч“, „обод“; *kambur* (из *kanbur*) „горб“, „горбатый“, *donmak* (произносится *доммак*) „стынуть“, „замерзать“, „зябнуть“, *yonmak* (произносится *ёммак*) „тесать“, „строгать“, „очинивать“, *amber* (из ар. عنبر) „амбра“, „благовоние“, *kümbet* (из перс. گنبد) „купол“, „выступ“, *temba* (из ар. منبع) „источник“, перенос. „начало“, *sümbül* (из ар. سنبل) „гиацинт“, *zambak* (из ар. ذنبق) „лилия“ и др.¹

Губная ассимиляция описанного типа действует весьма последовательно, и сочетания *-нб-*, а также *-нм-* механически ассимилируются в *-мб-*, соответственно в *-мм-*, в результате чего комбинации согласных *-нб-* и *-нм-* в турецком языке встречаются редко.

Менее характерна для литературного языка регрессивная ассимиляция сонорного *r* сонорному *l*, например, *алылар* (из *alirlar*) „они берут, возьмут“, *давранылар* (из *davranirlar*) „они собираются“, „соберутся“ и т. п. Особенно неустойчиво данное явление, когда *r* следует за широким гласным, например, *açarlar* (произносится *ачарлар*, а не *ачаллар*) „они открывают, откроют“.

Заметное место в турецком языке занимает регрессивная свистящая ассимиляция. Она состоит в том, что шипящий глухой согласный *ş* ассимилируется последующему глухому свистящему *s*. Это явление, как и все перечисленные выше, хорошо известно и в других тюркских языках, в частности в азербайджанском, где для литературного языка оно имеет нормативный характер. Свистящая ассимиляция проявляется более четко при наличии узкого гласного в ассимилирующем слоге и менее четко, когда гласный ассимилирующего слога бывает широким. Примеры: *алмыссын* (из *almışsın*) „ты, видно, взял“, *гөрмүссүн* (из *görmüşsün*) „ты, кажется, видел“, *almışsa* (произносится близко к *алмысса*)

¹ Ср. также диалектальные *окунмаз* > *окуммаз* „он не прочтет“, *тавшан бајыры* > *таушам баири*. Н. К. Дмитриев. Заметки по болгарско-турецким говорам. Докл. Акад. Наук СССР, серия филологическая, 1927, № 10, стр. 214.

„если он брал, взял“, *görmüşse* (произносится близко к *гөрмүссе*) „если он видел, увидал“ и т. д.

Единичный характер носит другой вид регрессивной свистящей ассимиляции — типа *эззанэ* (из *eczane*) „аптека“.

Довольно регулярна регрессивная ассимиляция *t* под влиянием последующего *ç*. По своему составу оба согласных отличаются между собой наличием в глухой аффрикате *ç* щелевого элемента *ç*, которым заканчивается артикуляция этого звука, на основании чего рассматриваемую ассимиляцию можно было бы назвать шипящей. Примеры: *atçık* (произносится приблизительно как *аччык*) „лошадка“, *cömertçe* (произносится приблизительно как *джемерчче*) „великодушно“, „щедро“, *atçı* (произносится близко к *аччы*) „конеvod“, *inatçı* (произносится близко к *иначчы*) „упорный“ и др.

Упомянем еще об ассимиляции *t* последующему *s*, при которой получающийся звук близок к *ss*, например, *yatsı* (произносится близко к *яссы*) „время сна“, *rahatsızlık* (произносится близко к *раасслык*) „беспокойство“ и т. п.¹

Явления диссимиляции в турецком языке имеют меньшее распространение, чем ассимиляция. К явлениям диссимиляции относится разложение аффрикат *s* и *ç* и переход их из разряда смычно-щелевых в щелевые. Глухая аффриката перед некоторыми согласными теряет свой смычный элемент *t* и заменяется глухим щелевым *ç*; звонкая аффриката *s* перед согласными *d*, *l*, *n*, *b* также теряет свой смычный элемент *d* и заменяется звонким щелевым *j*.

Примеры на диссимиляцию *ç*: *geçmek* (произносится *гешмек*) „проходить“, *kaçtı* (произносится *кашты*) „он убежал“, *uçkun* (произносится *ушкун*) „искра“, *uçkur* (произносится *ушкур*) „гашник“, „шнурок“ и др.

Примеры на диссимиляцию *s*: *ecdad* (произносится *эждад*) „предки“, „прадеды“, *tecdit* (произносится *тэждит*) „обновление“, *esnas* (произносится *эжнас*) „сорты“, „породы“, „виды“ и др.²

Отмечаемое явление имеет широкое распространение в разговорном языке городского населения, а также в территориальных диалектах.

5. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ. ПОЗИЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТЕХ И ДРУГИХ

В предшествующих разделах были рассмотрены различные процессы ассимиляции, действующие в рядах однородных фонем — гласных или согласных. Не менее важное место в турецком языке занимают процессы взаимодействия между разнородными рядами, т. е. между глас-

¹ G. Bergsträsser. Zur Phonetik..., S. 260.

² Примеры на диссимиляцию согласных в турецком языке приводятся у Ж. Дени в его труде, цитированном выше. Примеры эти следующие: старотурецкие *tempe* > *tekme* „пинок“, *kırpmak* > *kırmak* „стричь“, заимствованные: *attar* (ар.) > *aktar* „торговец мелочью“, *muşamma* (ар.) > *muşamba* „клеенка“, *tannur* (перс.) > *tandır* (род жаровни), *pürkür* (перс.) > *pergel* „циркуль“, *batista* (ит.) > *patiska* „батист“ (§ 191).

ными и согласными. Многие из этих процессов имеют фонетические причины, общие ряду языков (ряд позиционных и комбинаторных вариантов гласных и согласных, недопустимость большинства звонких согласных в конце слов, некоторые типичные случаи замены глухих согласных звонкими в определенных фонетических условиях и другие явления). Но, кроме перечисленных явлений в области взаимодействия гласных и согласных, происходят другие фонетические процессы, специфичные (хотя и не уникальные) для турецкого языка. Как первая, так и вторая группы явлений в совокупности составляют характеристику турецкого языка по рассматриваемому разделу фонетики.

Мы остановимся вначале на позиционных и комбинаторных изменениях гласных, а затем на изменениях в области согласных¹.

А. Позиционные и комбинаторные изменения гласных

Как уже говорилось в главе II, наибольшая количественная и качественная полнота турецких гласных наблюдается в положении под ударением. Правда, и в подобном положении гласные не свободны от влияния соседних звуков, от строения слога (открытого или закрытого), интонации. Так, например, ударные гласные, как это экспериментально установлено на материале казанско-татарского языка, в закрытом слоге несколько короче, чем в открытом. В обращении с его характерной интонацией гласный ударного слога несколько длиннее, чем в обычном положении. Ср., например, *Mehmét* и *Mèhmet*, где гласный *e* во втором случае заметно длиннее, чем в первом.

Ударные гласные более устойчивы и в общем сохраняют свои особенности².

Сравнивая гласные по месту образования, можно отметить большее полнозвучие ненёбных гласных против нёбных.

В безударной позиции турецкие гласные претерпевают существенные изменения количественного и качественного характера, зависящие от силы ударения на исследуемом гласном, от длительности гласного в ударном положении, открытого или закрытого строения слога, от соседнего или соседних согласных, места гласного в слове и отдаления его ударного слога.

Научная фонетика турецкого языка еще не располагает систематическими и детальными исследованиями в области безударного вокализма, хотя благодаря наблюдениям отдельных ученых уже добыт ценный материал для дальнейших, более углубленных занятий в данной области.

Безударные гласные короче тех же гласных в ударном положении: имеющие в ударном положении самостоятельную долготу в безударной позиции сохраняют лишь среднюю или краткую длительность,

¹ Все варианты фонем здесь даются так, как они воспринимаются на слух. Артикуляционные характеристики вариантов, т. е. положение органов речи при их произношении, мы опускаем за отсутствием точных данных.

² См. В. А. Богородицкий. Этюды... стр. 43. Об отдельных случаях качественного изменения ударных гласных см. главу V, раздел 1В.

а краткие становятся весьма краткими, нередко беглыми и способны даже исчезать¹.

Позиция гласных, т. е. нахождение их в начале или конце слова (средняя позиция в данном случае не учитывается, поскольку в этом положении гласные в наибольшей степени подвержены влиянию окружающих звуков), играет заметную роль в полнозвучии гласных, как это наблюдается и в области согласных.

Все турецкие гласные с разной степенью частоты могут употребляться в начале слова.

При этом во многих случаях слова, входящие в основной словарный фонд турецкого языка и начинающиеся с узкого гласного, не имеют начального *й*, который (или соответствия которого *ж || ж || дь || ч || н*) мы видим в тех же словах других тюркских языков. Ср., например, тур. *irin* „гной“, узб. *йиринг*²; тур. *iri* „крупный“, узб. *йирик*; тур. *irak* „далекий“, узб. *йирок*; тур. *ılı, ılık* „теплый“, узб. *илиқ*, кирг. *жылуу*; тур. *iğ, iği* „прялка“, узб. *йиширмоқ* „прясть“, тур. *ağlamak* „плакать“, узб. *йиғламоқ*; тур. *ip* „веревка“, кир. *жип*; тур. *ipek* „шелк“, кирг. *жибек*; тур. *iğrenmek* „брезговать“, кирг. *жийиркен*; тур. *ilik* „костный мозг“, кирг. *жилик* „трубчатая кость“, тур. *ağaç* „дерево“, кирг. *жыгач* и т. д.

Однако в ряде случаев начальный согласный оказывается в турецком языке в большей сохранности, чем в узбекском или, например, азербайджанском. Ср. такие примеры, как тур. *yıldırım* „молния“, аз. *илдирим*; тур. *yıl* „год“, аз. *ил*; тур. *ylan* „змея“, аз. *илан*, узб. *илон* и др.³

Вместе с тем можно выделить известное число слов, имеющих в некоторых тюркских языках начальный гласный, в то время как в турецком эти слова имеют начальное *h*. К числу их относятся: тур. *hıçkırmak* „рыдать“, кирг. *эчкир*; тур. *hırlamak || hirıldamak* „ворчать“, „рычать“, кирг. *ырылда*; тур. *haydil* „ну!“, „айда!“, кирг. *айдала* — „кричать „айда! айда!“ и др. Число подобных слов в турецком языке в общем невелико.

На изменение гласных в слове, как было замечено выше, существенное влияние оказывает ударение. Однако действие последнего в чистом виде по понятным причинам изучать трудно. В этом отношении наиболее доступны для наблюдения гласные конечных слогов.

Насколько позволяют судить имеющиеся наблюдения, узкие гласные конечных слогов под ударением имеют тенденцию к расширению, широкие в безударном положении — к сужению.

¹ В. А. Богородицкий. Введение... стр. 48.

² Все параллели из узбекского и киргизского приведены по Узбекско-русскому словарю, составленному под редакцией проф. Т. Кары-Ниязова и проф. А. К. Боровакова, Ташкент, 1941, и Киргизско-русскому словарю, составленному проф. К. К. Юдахиным, Москва, 1940.

³ При всем этом турецкий язык не идет ни в какое сравнение с гагаузским, с его почти регулярным начальным *й*, который во многих случаях имеет вторичное происхождение. Ср. N. K. Dmitryev. Gagausische Lautlehre, II, Archiv Orientalni, vol. IV, № 3, S. 353—356.

В связи с этим процессом, а также воздействием на гласные окружающих согласных, в языке образуется целая гамма переходов между широкими и узкими гласными как заднего ряда, так и переднего.

После сказанного обратимся к примерам.

Варианты фонемы *a*. Варианты *a* зависят как от предшествующих, так и от последующих согласных, в зависимости от чего оттенки этого гласного образуют довольно длинный ряд, начиная от глубоко заднеязычного лабиализованного (огубленного) *a* и, по некоторым наблюдениям, кончая открытым *e* (ɛ), где *a* заменяется уже другими гласными. Перед губными согласными, оглушенным *l*, а также согласными *d*, *t*, *z*, *s*, *r* фонема *a* имеет по сравнению с русским более задний характер и произносится как немецкое *a* в слове *aber* „но“, если только этому гласному не предшествуют согласные *ç*, *ş*, *y*, *k'*.

Перед согласными *ç*, *ş*, *k'*, а также смягченным *l* гласный *a* имеет более передний характер. Еще более переднюю артикуляцию имеет *a* перед *y*. После *ç* гласный *a* имеет закрытое произношение, но менее закрытое, чем русское *a*, что объясняется вообще меньшей палатализованностью турецкого *ç* по сравнению его с русским.

Наиболее задний характер произношения *a* наблюдается после или впереди заднеязычных *k*, *g*, фарингального *h*, а также несмягченного *l*, если только гласному *a* не предшествуют переднеязычные согласные. Наиболее четко слышны задние варианты *a* перед или после заднеязычных в односложных словах типа *hak* (ар.) „право“, *kal* „оставайся“, *ak* „белый“ или в конце слов, например, *yonga* „щепка“, *daha* „еще“, *yaka* „воротник“ и т. п. Гласные *a* (и *o*) перед *n*, если только за последним следует согласный, становятся назализованными (носовыми), например, *anlatak* (произносится *аннамак*) „понимать“, *ormanlık* (произносится *орманлык*) „роща“, *onlar* (произносится *онлар, оннар*) „они“, *sonra* (произносится *сонра, со́ра*) „затем“ и другие. Если *n* замыкает собой слово или за ним следует гласный, то *a* не назализуется, например, *an* (произносится *ан*) „мгновенье“, *pape* (произносится *нанэ*) „мята“ и др.

Как уже говорилось в главе II, гласный *e*, по мнению почти всех исследователей, имеет два варианта: более закрытый и более открытый (ɛ), которые иногда могут и не иметь комбинаторного происхождения. На самом деле число главнейших вариантов *e* больше двух, и его наиболее открытая разновидность приближается к самому закрытому варианту *a*, наиболее же закрытый оттенок гласного *e* приближается к открытому варианту *i*, и таким образом мы получаем гамму комбинаторных переходов от *a* до *i*, в которой умещаются все оттенки гласных *a* и *e*. При специальном изучении стамбульского произношения были установлены три отличных друг от друга варианта гласного *e*: закрытый, обычно открытый (ɛ) и сильно открытый. Последний вариант произносится в конечном открытом слоге, а также в конечном слоге перед *n*, как, например, в слове *tren* (фр.) „поезд“ или в арабском окончании женского рода *-et*, в отдельных случаях в конечном слоге перед *n* в безударном положении, например, *benzemezn* (пишется *benzeteyen*)

„не похожий“, а также в середине слова перед *h*, например, *dehşetli* „ужасный“. *E* является закрытым прежде всего перед *y*, который между передними гласными может редуцироваться. Закрытый *e* встречается также в конце арабских слов женского рода, имеющих показатель персидского изафета *i*, или на стыке двух слов вроде *işide-işide* „слушая“. Произносится этот вариант приблизительно как немецкое *e* в слове *Theater* „театр“, или французское *é*, причем ударение не оказывает существенного влияния на его артикуляцию. Между описанными двумя вариантами находится обычный вариант открытого *e* (*ε*), напоминающий азербайджанский *ə*.

Менее отчетливы по сравнению с *e* варианты гласного *i*, хотя в отношении его также можно говорить о трех разновидностях. Сильно закрытый вариант, напоминающий французское *i* в слове *fini* „оконченный“, произносится перед *n*, например, *bin* „тысяча“, *insan* (ар.) „человек“, *indim* „я сошел“, перед *ğ*, например, в аффиксе глагольного имени *-diği* и в некоторых других случаях. Наиболее открытый вариант *i* встречается в открытом ударном слоге в конце слов, например, в формах прошедшего времени на *-di*, в словах вроде *sezgi* „ощущение“, *ilgi* „интерес“, *iki* „два“, *gibi* „подобно“, „как“ и т. п. Между этими двумя вариантами лежит третий вариант *i*, слышимый в безударных слогах, например, *gelmedi* „он не пришел“.

Комбинаторные варианты *i* менее отчетливы, чем варианты *i*, но и здесь можно различить по крайней мере два оттенка. Наиболее открытая разновидность этого гласного встречается в конце слов, и подчас *i* произносится с оттенком, напоминающим *a*, например, *buralı* „здешний“, „местный“, *haklı* „правый“. Гласный *i* имеет открытый характер, когда он сочетается с *l*, часто с *n*, например, *kalabalık* „толпа“, „давка“, „суматоха“, *kılmak* „делать“, *siğmak* „вмешаться“, *dalgaların* „волн“, *yorgunluklarını* „их усталость“ (в винительном падеже). В сочетании с другими согласными в ударном положении образуется второй, более распространенный вариант *i*. Турецкое *i* отличается от русского *ы* более задней артикуляцией и отсутствием элемента *ĩ*, который слышится к концу артикуляции русского *ы*.

Перед *y* часто слышен наиболее закрытый вариант *i*, близкий по произношению русскому *ы*, например, в словах *vaziyet* „наложение руки“, „вмешательство“, *siyirtmak* „сдирать“, „снимать“, *çıyan* „скорпион“, *siyirtti* (звукоподражание треску разрываемой бумаги или материи), *bıyık* „усы“ и др.

Губной ненёбный гласный *o*, как правило, имеет более открытый характер, чем в русском языке. Перед *v* (чередующимся с *ğ*), а также *u* в следующем слоге, *o* приобретает закрытый характер, как это слышно в словах *soğan* (произносится приблизительно, как *so^van¹*) „лук“, *soğuk* (произносится *soyk* или *sozyuk*) „холодный“.

Комбинаторные варианты *ö* так же мало отличаются между собой, как и *y* ненёбного *o*.

¹ Буква, выступающая над строкой, обозначает ослабленную гласную фонему.

То же можно сказать относительно вариантов ненёбного узкого губного *u*. Например, в слове *suyu* „воду“ имеется два варианта *u*: более передний и закрытый в первом слоге, более задний и открытый — во втором. Наиболее задние гласные, каковыми являются *o* и *u*, вообще менее подвержены позиционным изменениям.

Гласный *ü* имеет также два оттенка, более или менее отличных между собой: более закрытый, который слышен перед *ğ*, часто исчезающим в интервокальной позиции, например, *gördüğü* „то, что он видел“, а также очень часто в закрытых ударных слогах или односложных словах типа *üç* „три“, *yüz* „сто“. Более открытый вариант *ü* слышен в открытом ударном слоге в конце слова, например, *ütü* „утюг“, *görgü* „опыт“, „опытность“. По некоторым наблюдениям, имеется ряд переходов от *u* к *ü*. Среднее положение здесь занимает вариант, который слышен в первых слогах арабских слов типа *lüzum* „надобность“, *nüfuz* „влияние“, „авторитет“, *hücum* „атака“, а также в арабском префиксе *mü-*, например, *müsait* „благоприятный“.

Кроме описанных выше вариантов гласных, в турецком языке имеются промежуточные варианты *i—ü* и *ı—u*. Промежуточный вариант *i—ü* имеет слабое огубление и произносится в литературно устаревших или диалектальных формах с губным гласным в аффиксах типа *-ür*, *-сүн*, *-үн*, например, *гэлүр* „он приходит“, „придет“, *бээнүр* „ему нравится“, „понравится“, *идилүр* „ходят“, „можно ходить“, *гэльсүн* „пусть придет“, *иддүн* „идя“, „пойдя“ (в современном литературном языке *gelir*, *beğenir*, *gidilir*, *gelsin*, *gidip*), а также вместо *i* в аффиксе настоящего времени после *ö* и *ü*, например, *дүшүөр* (пишется *düşüyor*) „он падает“, *гөрүлүорду* (пишется *görülüyor*) „казалось“, „было видно“.

Промежуточный гласный *ı—u* является слабо огубленным и произносится в тех же устаревших формах, например, *капанур* (пишется *kanır*) „он закрывается“, „закроется“, *ачылсун* (пишется *açılın*) „пусть откроется“¹.

В некоторых случаях влияние соседнего согласного может привести к замене в основе данного гласного другим. Согласный может влиять на качество гласного также и в аффиксе. Как будет видно из дальнейшего изложения, в обоих случаях происходит ассимиляция, на этот раз гласного согласному.

Замена наблюдается прежде всего в области широких негубных гласных *a* и *e*. Они заменяются, во-первых, под влиянием сонорного *y*, когда последний следует за названными гласными, и реже, когда он предшествует им. Поскольку сонорный *y* по месту и условиям образования близок гласному *i* и *ı*, т. е. узкому негубному гласному, а в огромном числе случаев представляет собой полугласный звук, то этот „консонантный“ *i*, как его нередко называют в фонетических работах по тюркским языкам, ассимилирует гласный *a* или *e*, в результате чего

¹ В цитированной уже статье М. Ресенена о губных формах аффиксов не учтены все старые формы со стабильными губными гласными.

их места заступают узкие *i* и *ı*, например, *yayka* > *yıyka* „мыть“, *yene* > *yıne* „снова“, „опять“, *gey* > *gıy* „одевать“, „надевать“, *çeğne* > *çiğne* (произносится *чэйнэ*, *чийнэ*) „жевать“, „мять“, „раздавливать“, *değnek* > *diğnek* (произносится *дэйнэк*, *дийнэк*) „палка“, „трость“; на стыке слов — *не яз* > *ни яз* „какое лето“¹.

Рассматриваемое явление, известное вообще в тюркских языках (ср., например, в казанско-татарском и других *бэйлэ* из *байла* > *байля* „связывать“), действует также при наращении основ аффиксами, начинающимися с *y*, а именно: при показателе причастия настоящего-прошедшего времени у глаголов с исходом на гласный, например, *dinleyen* > *dinliyen* „слушающий“, „слушавший“, *almayan* > *almıyan* „не берущий“, „не бравший“; при аффиксе временного деепричастия на *-(y)alı*, *-(y)eli* у таких же глаголов, например, *başlayalı* > *başlıyalı* „с тех пор, как начал“; при аффиксе 1-го лица мн. ч. желательного и повелительного наклонений, образованных на базе только что указанного деепричастия, после таких же глагольных основ, например, *başlayalım* > *başlıyalım* „начнем-ка!“, *uzatmayalım* > *uzatmıyalım* „не будем затягивать“; при аффиксе причастия будущего времени у таких же глагольных основ, например, *dinleyecek* > *dinliyecek* „тот, который будет слушать“, *almayacak* > *almıyacak* „тот, который не возьмет“; при аффиксе настоящего времени на *-yor*, например, *bulmayor* > *bulmuyor* „он не находит“, *görmeyor* > *görmüyor*² „он не видит“. Однако в описанном случае процесс ассимиляции не носит последовательного характера и в большинстве случаев перестает действовать, когда за *y* следует узкий гласный (во всех приводившихся выше случаях за ассимилирующим *y* следовал широкий гласный). Ср., например, имя действующего лица с показателем *-yıcı*, *-yici*, *-yısı*, *-yücü*, например, *başlayıcı* вместо ожидавшегося *başlıyıcı* „начинатель“, „зачинатель“, *dinleyici* вместо ожидавшегося *dinliyici* „слушатель“ и т. п.; винительный падеж после именных основ с конечным гласным, например, *yongayı* вместо ожидавшегося *yongıyı* „щепку“, *tepeyi* вместо ожидавшегося *tepiyi* „вершину“ и т. п.; форма 2-го лица мн. ч. повелительного наклонения при глаголах с конечным гласным, например, *başlayınız* вместо более закономерного *başlıyınız* „начинайте“, *dinleyiniz* вместо ожидавшегося *dinliyiniz* „слушайте“ и т. п. В отдельных случаях сужение широкого гласного не наблюдается даже при наличии широкого гласного после *y*. Ср., например, форму дательного падежа от основ с конечным гласным: *yongaya* вместо полагающегося *yongıya* „щепке“, *dereye* вместо *deriye* „ущелью“ и т. п. И все же при всех этих оговорках тенденция к замене широкого гласного узким перед *y* остается весьма сильной. При быстрой речи можно наблюдать ассимиляцию *a* и *e* иногда даже в тех случаях, когда после *y* следует узкий гласный; ср. такие формы, как *бакыйым* из *бакайт* „погляжу-ка я“, *алыйым* из *алайт* „возьму-ка я“.

¹ Н. К. Дмитриев. Заметки по болгарско-турецким говорам. Докл. Акад. Наук СССР, серия филологическая, № 10, 1927, стр. 212.

² Вместо *i* и *ı* в данных формах под влиянием губных *u* и *ö* появляются *u* и *ü*.

Описываемый тип ассимиляции распространен больше в аффиксах, меньше — в корнях. Ср. с вышеприведенными примерами следующие корни, свободные от ассимиляции: *değmek* „касаться“, *saymak* „считать“, „считаться“, *tay* „жеребенок“, *kaymak* „сливки“, *kalay* „олово“ и др.¹

Значительно шире распространено в сравнении с описанными выше процессами смягчение гласных под влиянием некоторых согласных в заимствованиях.

В разделе о нёбно-губной ассимиляции уже указывалось что арабские согласные воспринимались турками одни как смягченные, другие как несмягченные; в результате этого арабские и персидские *k* (ك), *l*, а также персидское *g* были отнесены к смягченным согласным, что находило свое обоснование в наличии аналогичных позиционно обусловленных звуков в самом турецком языке. Во многих случаях гласные заднего ряда подверглись смягчению (палатализации) под действием соседнего смягченного согласного, и этот процесс продолжается в языке и дальше.

Палатализация нёбных гласных проявилась в разной степени и более всего отразилась на губных *o* и *u*. Из довольно значительных по числу примеров этого рода можно привести: *köhne* (из перс. كهنه) „старый“, „изношенный“, *kör* (из перс. كور) „слепой“, *köşe* (из перс. گوشه) „угол“, *köfte* (из перс. كوفته) „фрикадельки“, *günah* (из перс. گناه) „вина“, „грех“, *güne* (из перс. گونا) „вид“, „род“, „сорт“, *güruh* (из перс. گروه) „компания“, „толпа“, „банда“, *lütfe* (ар., произносится почти как лүтфэн) „пожалуйста“, *lûstrin* (фр., произносится лүстрин) „люстрин“ (название материи); *mahlûl* (ар., произносится почти как махлүль) „растворенный“, *malûl* (ар., произносится почти как малүль) „немогущий“, „увечный“, „инвалид“ и некоторые другие, в числе которых мы видим, между прочим, заимствования из западноевропейских языков типа *kulup* || *kulüp* (из англ. club) „клуб“.

Из явлений регрессивной ассимиляции необходимо отметить так называемый „умлаут“, возникающий в том случае, когда *î*, происходящему из *i*, предшествует узкий негубной гласный заднего ряда *ı*. Так, при слитном сочетании послелога *ile* (соответствующего по значению русскому творительному падежу и некоторым предлогам) с possessивной формой 3-го лица от имен с негубными задненёбными гласными показатель possessивности *-ı* или *-sı* смягчается и заменяется формой *-i* или *-si*, например, из *alması ıle* „с его взятием“, „взяв“, через ступени *almasıyle* > *almasiyle* с последующей редукцией полугласного, изображенного в данном случае буквой *y* (о редукции звуков см. в следующей главе), и стяжением гласного *i* получилась распространенная в языке форма *almasile*. Тем же путем из *babası ıle* „с его отцом“ получилась форма *babasile*, а также составные послелоги *vasıtasile* „посредством“, „при помощи“, *sıfatile* „в качестве“, *yolile* „путем“, точно так же наречие *dolayısile* „вследствие этого“ и другие

¹ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка, стр. 14.

сходные образования. Все подобные смягченные формы имеют тенденцию окончательно утвердиться в языке как норма.

Рассматриваемое явление имеет, однако, в целом ограниченный характер и не наблюдается при других сочетаниях конечного гласного *i* (в корнях и наращенных формах) с послелогом *ile*. Ср., например, *sargıyla* (но не *sargile*) „с повязкой“, *baskıyla* (но не *baskile*) „с прес-сом“, *yazıyla* (но не *yazile*) „со статьей“, *atlıyla* (но не *atlile*) „с всадником“ и т. д. С другой стороны, описываемая ассимиляция перестает действовать, когда possessивная форма сочетается с другими служебными словами (помимо *ile*), начинающимися с гласного; например, *babasıymış* (а не *babasiymış* или *babasıymış*) „он мол, его отец“, *babasıyken* (а не *babasiyken* или *babasiken*, „будучи его отцом“) и т. д. Отсюда можно заключить, что переход ненёбного *i* в нёбный *i* в *babasıyle* и *babasıle* связан со всем комплексом *-siyle*.

Ср. с вышеприведенными примерами также следующие основы, свободные от ассимиляции: *kıy-* „крошить“, „убивать“, „не жалеть“, *biyik* „усы“, *kayık* „лодка“, *ayıklamak* „чистить“, „отбирать по-одному“, *kıyı* „берег“, *yıl* „год“ и др.

Достаточно заметную роль в смягчении ненёбного негубного узкого гласного *i* играют также переднеязычные аффрикаты *s* и *ş*. После этих согласных гласный *i* в литературном произношении довольно часто (но не всегда) палатализуется, заменяясь гласным *i̇*, как это более последовательно наблюдается в других тюркских языках, например, шорском (в котором палатализация *y* происходит и после *ш*¹), азербайджанском и других. Отмечаемое явление наблюдается в разговорном языке значительно шире, чем в литературном. Ср., например, *малын ejici алт'ајда чікар* (вместо *чыкар*) „хороший товар получается за шесть месяцев“, *міјанджінін* (вместо *миянджынын*) *кесеси бол олур* „карман кабатчика бывает полным“².

Несколько меньшую, но тем не менее заметную роль играет в турецком языке замена негубных гласных губными под действием предыдущего или последующего губно-зубного (*v*) или губного (*b*, *p*, *m*) согласного как в корне (в некоторых случаях также и в заимствованном), так и в аффиксе. Рассматриваемое явление в целом носит уже пережиточный характер, поскольку оно наблюдается лишь в старых лексических формах, а в новых не обнаруживается. И в данном случае речь идет об особом виде прогрессивной или регрессивной губной ассимиляции, активным фактором которой является не гласный, как это было в случае губной ассимиляции гласных, а согласный. В большинстве случаев губной ассимиляции исторически подвергался узкий негубной гласный заднего ряда *i*, меньше подвергался ассимиляции

¹ См. Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка, М.—Л., 1941, стр. 18. Ср. также в казанско-татарском языке смягчение *a* после *дж*: *джай* „лето“, *джайш* „молодой“ (В. А. Богородицкий. Этюды..., стр. 43).

² В. Гордлевский. Образцы османского народного творчества, ч. 1, тексты, М., 1916, стр. 40.

широкий передний *e*. Замена узкого негубного *i* узким губным гласным была возможна как при этимологическом *u*, так и при *u*, чередующемся с *γ* и *g*. Примеры: *tavuk* (из *тавык*) „курица“, *yavuz* (из *яғыз*) „суровый“, „жестокий“, *avuç* (из *авыч*) „горсть“, *karpuz* (из *карпыз*) „арбуз“, *yağmur* (из *яғмыр*) „дождь“, *çatır* (из *чамыр*) „грязь“, *çabuk* (из *чабык*) „быстрый“, *kapi* (из *капы*) „дверь“ и др.

Замена переднего широкого негубного *e*, как говорилось, встречается реже и наблюдается в заимствованиях, например, *töve* (из ар. *teve*) „раскаianie“, *tömbeki* (из перс. *tenbakü*) (особый сорт табака), *nöbet* (из ар. *nevbet*) „очередь“ и некоторые другие.

Сопоставляя случаи замены негубных узких и широких гласных, нетрудно заметить, что гласный *i* заменялся гласным *u*, как правило, в конечном слоге после губного, широкий же *e* — в первом слоге перед губным согласным. Гласный *i* и гласный *a* губной ассимиляции согласных не подвергались, чем и следует объяснить огромное число негубных форм, как, например, *çevirmek* „вращать“, *devirmek* „опрокидывать“, „перевертывать“, *gevirmek* „вводить“, „вкладывать“, *kemik* „кость“, *demir* „железо“, *tepinmek* „бить“, „колотить“, „топать ногами“, *sepici* „кожевник“, *dip* „дно“, „основание“, „низ“; заимствованные *ceviz* (ар.) „грецкий орех“, *devir* (ар.) „вращение“, „эпоха“, *Ceneviz* „генуэзец“ и многие другие, имеющие в своем составе согласные *b*, *p*, *m*, *u* перед *i*. Да и при наличии указанных выше условий нередко замена гласных *e*, *i* не наступала, как это можно видеть в словах *devlet* (ар.) „счастье“, „богатство“, *sevmek* „любить“, *ev* „дом“, *çevik* „проворный“, „быстрый“, *deve* „верблюд“ и т. д., где широкий негубной *e* предшествует согласному *u*; *yarı* „строение“, *tapınmak* „поклоняться“, *kamış* „камыш“, „тростник“, *çarpişmak* „сталкиваться“, „биться“ и др., где узкий негубной гласный следует за губными согласными *b*, *p*, *m*. Во всех приведенных и подобных словах можно было ожидать огубления *e* и *i*, т. е. формы *дөвлет*, *сөзмек*, *өв*, *чөзик*, *дөзе*, *япу*, *тапунмак*, *сабур*, *камуш* и т. п. В других языках это проводится более последовательно, чем в турецком, и мы находим, например, в азербайджанском языке закономерные формы *дөвләт*, *дөвр* (из ар. *дезр*) „эпоха“, „круг“, „тур“, *чөзһер* (из ар. *джевһер*) „драгоценный камень“, „эссенция“, „суть“, *көвдә* (из *кезде*) „тело“, „остов“, „ствол“, *көзшәк* (из *кезшек*) „жвачка“, „жвачный“ и т. п.; даже огубление заднерядного *a*, например, *довшан* (из *давшан*) „заяц“, *һовуз* (из *һавуз*) „бассейн“, „водоем“, *говун* (из *гавун*) „дыня“, *говурмаг* (из *гавурмаг*) „жарить“, *товла* (из *тавла*) „конюшня“, *тоюг* (из *тавуг*) „курица“, *бузов* (из *бузав*) „теленка“, *охлоз* (из *охлаза*) „скалка“ и многие другие. Ср. также примеры из татарского и киргизского: тат. *өй* „дом“, кирг. *үй* (из *эб* || *эв*, ср., впрочем, хак. *иб*); тат. *сөй*- „любить“, кирг. *сүй*- (из *сэв*); тат. *дөя* „верблюд“, кирг. *төө* (из *тэвэ*) и др.

Рассмотренные случаи не следует смешивать со старыми формами турецкого языка, в которых ряд аффиксов имеет строго фиксированный узкий губной гласный, что уже отмечалось выше, например, *rah-*

metlû „покойный“, *devletû* „могущественный“, *varup* „дойдя“, *gelüp* „придя“, *gelürüz* „мы приходим, придем“ и некоторые другие формы, часть которых пережиточно сохранилась в литературном языке и регулярно в северо-восточных диалектах турецкого языка. Ср., например, *ne idügi* (вместо *ne idiği*) *belirsiz bir adam* „человек, неизвестно что представляющий собой“.

Весьма регулярно проявляется действие согласного на состав гласных аффикса. Помимо рассмотренного выше согласного *y*, на состав гласных аффикса влияют также *k*, *k'*, *l'* и частично *t* (в арабских словах с исходным *ك*) заимствованных слов. При наличии в конце слова заднеязычного *k* (в арабских словах исходное *ق*) гласные аффикса также должны быть задними, при наличии среднеязычного *k'* (в арабских словах исходное *ك*), *l'*, а также довольно часто *t*, реже *d* (в арабских словах исходное *د*) гласные аффикса должны быть передними. Таким образом, и в этом случае мы имеем дело с особым выражением все той же ассимиляции звуков по месту образования, но определяющим фактором на этот раз выступает не гласный последнего слога, а конечный согласный.

Наиболее регулярно действие ассимиляции проявляется при согласных *k'*, *k* (*ك*, *ق*) и *l'*, менее последовательно при *t* (*ت*) и эпизодически при *d* (*د*). Изредка нёбные гласные в аффиксе проявляются после губно-зубных *b* и *f*.

Примеры с конечным *l*: *usul* „метод“, то же слово с аффиксом принадлежности 1-го лица *usulüm* „мой метод“; *hal* „положение“ — *halim* „мое положение“; *ihimal* „допущение“ — *ihimalim* „мое допущение“; *duhul* „вход“, „вхождение“ — *duhulüm* „мое вхождение“; *kabul* „прием“, „принятие“ — *kabulüm* „мой прием“; *hayal* „воображение“, „мечта“ — *hayalim* „мое воображение“; *mareşal* „маршал“ — *mareşaller* „маршалы“; *inisyal* „инициал“ — *inisyaller* „инициалы“; *ampuller* „электрические лампочки“ и др.

Примеры с *k'* (*ك*): *eflâk* „небосвод“, винительный падеж *eflâki*; *emlâk* „недвижимое имущество“, „государственные земли“, винительный падеж *emlâki*; *hak* „резьба“, „гравировка“, винительный падеж *hakki*; *helâk* „гибель“, „смерть“, винительный падеж *helâki*; *idrak* „понимание“, „постижение“, винительный падеж *idraki*; *iştirak* „участие“, винительный падеж *iştiraki*; *istihlâk* „расходование“, „потребление“, винительный падеж *istihlâki* и др.

Наоборот, слова с конечным *k* (*ك*), вне зависимости от предшествующего гласного, в аффиксах будут иметь ненёбные гласные, например, *tazyik* „давление“, с аффиксом принадлежности *tazyiki*; *tatbik* „применение“ с аффиксом принадлежности *tatbiki*; *tefrik* „отделение“, „различие“, с аффиксом принадлежности *tefriki*; *saik* „фактор“, „стимул“, дательный падеж *saika*; *sevk* „побуждение“, „отправление“, с аффиксом принадлежности *sevki*, но во мн. ч. *sevkler* и др.

Как показывают примеры, ненёбные гласные появляются не во всех аффиксах: показатель множественного числа, например, имеет гласный, соответствующий гласному конечного слога.

Передние гласные в аффиксах после конечного *t* основы появляются при арабских существительных женского рода, хотя и не во всех случаях. Примеры: *dikkat* „внимание“, то же слово во мн. ч. *dikkatler*; *hilkat* „творение“, „природа“, „характер“, винительный падеж *hilkati*; *itaat* „повиновение“ — *itaatsiz* „непокорный“, „ослушник“; *kanaat* „удовлетворенность“, „убеждение“ — *kanaatim* „мое убеждение“; *saat* „часы“ — *saatçı* „часовщик“; *seyahat* „путешествие“, мн. ч. *seyahatler*; *sürat* „быстрота“, „скорость“, с аффиксом принадлежности *sürati* „его скорость“; *takat* „сила“, „мощь“, во мн. ч. *takatler* и др.

Отдельные примеры на грамматические формы от слов с конечным (удвоенным) *d* (>): *add* „счет“, „число“, с аффиксом принадлежности *addi* „их число“; *hadd* „предел“, „мера“, в дательном падеже *hadde* и некоторые другие.

Такой же единичный характер носит нёбная аффиксация при конечных губно-зубных *b* (*p*) и *f*; например, *kalp* „сердце“, мн. ч. *kalpler*¹; *harf* „буква“, мн. ч. *harfler*; *harp* „война“, мн. ч. *harpler* и некоторые другие.

Б. Позиционные изменения согласных

В числе фонетических признаков, характерных для различных групп тюркских языков, часто указывают на качество начального согласного в слове. В этом отношении различают группы тюркских языков, в которых начальные согласные в словах бывают преимущественно глухими, и языки, в которых начальные согласные бывают звонкими.

Говоря о звонком или глухом согласном в начале слова, обычно имеют в виду только смычные согласные *g—k*, *d—t*. Остальные звонкие и глухие могут встречаться в начале огромного большинства слов указанных языков и потому они при фонетической характеристике не учитываются.

В турецком языке характерными для начала слова из приведенных пар будут согласные *g* и *d*. Большинство слов, имеющих в других языках начальное среднеязычное *k'*, в турецком начинается с *g*, например, *göl* „озеро“, *gün* „день“, *gelmek* „приходить“, *geçmek* „проходить“, „переходить“, *gerek* „нужный“ и т. п. Многие из слов, имеющих в других тюркских языках в начале *t*, в турецком языке имеют *d*, например, *derin* „глубокий“, *dört* „четыре“, *dolmak* „наполняться“, *dik* „ровный“, „прямой“, *döşemek* „устилать“ и др.

¹ Возможно, что и в этом случае мягкость гласного обусловлена наличием *l'*, как это мы видим в слове *sulh* „мир“, *sulhü* „его мир“.

В свете описанных фактов ассимиляции гласных под действием определенных согласных представляется натянутым и искусственным объяснение Г. Бергштрессера, по которому нёбный характер гласного в аффиксе обусловлен якобы переходным характером коренного гласного конечного слога в словах вышеприведенного типа. При таком объяснении остаются загадочными обратные случаи, когда после конечного заднеязычного *k* (ق) с предшествующим ему нёбным гласным следует аффикс с нёбным гласным (G. Bergsträsser. Zur Phonetik..., S. 246).

Сказанное о звонких начальных согласных *g* и *d* нельзя толковать слишком широко, так как в турецком языке имеется достаточное число слов, начинающихся со среднеязычного *k'*, а также *t*, например, *keçe* „войлок“, *kendi* „сам“, *kesmek* „резать“, *kişi* „человек“, *kim* „кто“, *kilit* „замок“, „ключ“, *tekin* „несравненный“, *ter* „пот“, *terzi* „портной“, *tepe* „вершина“, „холм“, *teprenmek* „колыхаться“, „шевелиться“, хотя *deprem* „колебание“, „землетрясение“, *tirmanmak* „карабкаться“, „взбираться“ и др.¹

Все остальные согласные в начальной позиции не имеют ограничений в употреблении.

В коренных турецких словах употребление некоторых согласных в начальной позиции исторически было весьма ограничено или даже невозможно. К таким согласным относились сонорные *r*, *l*, щелевой *j*, частично носовой *n* и щелевой *f*. Сонорный *l* в начале собственно турецких слов встречался лишь в звукоподражательных словах. К последним относятся: *lıkır-lıkır* (звукоподражание питью), *lop-lop*, *lopur-lopur* (звукоподражание чавканью) и другие. Кроме них, остается небольшое число слов, турецкое происхождение которых находится под сомнением. Слова эти следующие: *leylek* (*leklek*, ср. с ар. и перс. لکک, لعلق) „ант“, *lop* (нечто мягкое, бесформенное; ср. ар. لُب „сердцевина“), *lök* (верблюд до шести лет, ср. перс. لوك „короткошерстый вьючный верблюд“), *lolo* „ложь“ (ср. перс. لولو „бука“) и несколько других.

Согласный *n* появляется в немногих словах. К ним относятся просительное местоимение *ne* „что“ и производные от него, устаревшее *nesne* „вещь“, „что-нибудь“, *nene* || *nine* „мать“, „родительница“ и некоторые другие.

Остальные слова имеют иноязычное происхождение.

Начальное *f* появляется преимущественно в звукоподражательных словах, например, *fıkırdamak* „бурлить“, „клокотать“, *fıldırıldır* (звукоподражание шуму вращения); в том же значении слово *fırfır*; *fışkırmak* „бить ключом“, „быстро расти“ и т. п. Остальные слова с начальным *f* представляют заимствования, например, *firtına* „буря“, *funya* „запал“ (у пушки), *foroz* „улов“, *funda* „густой кустарник“, *fakfon* „никель“, *fita* „лодка“ и другие.

Состав слов с начальным *m* пока не выяснен во всех своих частях. Некоторые из них (в том числе подражательные слова) относятся к собственно турецким, например, *mangal* „жаровня“, *mani* (особая форма народной песни), *marsık* „головешка“, *mırmır* (звукоподражание лепету,

¹ „Глухие согласные в начале таких слов, как *türlü* „разный“, *titremek* „дрожать“, *tilki* „лисица“, *tezgâh* „верстак“, „станок“, *tane* „штука“, *pazar* „рынок“, *put* „идол“, *poğraz* „северный ветер“, появились, — говорит Ж. Дени, — вероятно, под влиянием живых говоров Анатолии“ (Grammaire. . . , § 82). Ввиду многочисленных случаев появления глухого *t* в начале турецких слов следует считать несомненно преувеличенным мнение В. Радлова, по которому „в южных диалектах *d* становится господствующим начальным согласным“ („Phonetik. . .“, S. 144—145).

бормотанью, шопоту), *miyavlamak* „мяукать“, *melemek* „блеять“, *mirnav* „мяуканье“ и некоторые другие. Остальные слова, например, *manda* „буйвол“, *mandal* „защелка“, „задвижка“, *marsama* „тысячелистник“, *marti* „чайка“ и другие в этимологическом отношении пока не ясны.

Несколько особое положение занимает начальное *s* заимствованных слов. Как показывают наблюдения, этот согласный в разговорном языке исторически имеет тенденцию к озвончению, например, *zanat* || *zanaat* || *zenaat* из *san'at* (ар.) „ремесло“, „профессия“, „занятие“, *zarzavat* || *zerzevat* из *sebzevat* (перс.-ар.) „зелень“, „овощи“ и ряд других, новейшую сводку которых можно найти в статье Ю. Немета¹.

Конец турецких слов с исходом на согласный характеризуется тем, что в этом положении многие звонкие согласные заменяются глухими. В некоторых тюркских языках замена звонких глухими в конце слов имеет ограниченное проявление (азербайджанский, отчасти туркменский).

В турецких словах конечный согласный в произношении большей частью бывает глухим, хотя этот факт не всегда отмечается на письме.

Наиболее полно подвергаются оглушению звонкие смычные *b*, *c*, *d*, *g*. Недопустимость звонких согласных в конце слов представляет собой не изначальный процесс, а продукт последующего фонетического развития, что доказывается, между прочим, фактом неполного оглушения ряда звонких согласных в одних языках и замены их глухими в других, а также колебаниями в озвончении глухих согласных в позиции между гласными.

Звонкий *b* оглушается в конце слов полностью и заменяется глухим, например, *kasap* „мясник“, *şarap* „вино“, *kebab* „жареное (на вертеле) мясо“ и др. Все приведенные слова первоначально имели на конце звонкий *b*, о чем мы можем судить, зная иноязычное их происхождение.

В отношении турецких корней первоначальная звонкость конечного *b* в ряде случаев засвидетельствована старым правописанием на арабской основе. Так, например, из старых начертаний *قاب* (в современном написании *kap*) „сосуд“, „покрышка“ и пр.; *ديب* (в современном написании *dip*) „дно“, „основание“, „низ“ и пр. мы узнаем, что конечные согласные в этих словах первоначально были звонкими. Наоборот, по другим написаниям, например, *قولپ* (в современном написании *kulp*) „ушко“, „ручка“, *صاپ* (в современном написании *sap*) „ручка“, „рукоятка“, „черенок“ можно заключить, что конечным согласным в этих словах был глухой *p*.

Согласный *d* в конце слов заменяется глухим *t*, например, *kurt* (из *kurd*) „волк“, *art* (из *ard*) „задняя сторона“, *söğüt* (из *söğüd*) „ива“, *but* (из *bud*) „ляжка“, *yoğurt* (из *yoğurd*) „кислое молоко“ и др. Не во всех словах конечный *d* доходит до полного оглушения. Можно

¹ J. Németh. Zur Kenntnis der Mischsprachen (Das doppelte Sprachsystem des Osmanischen), Acta linguistica Academiae Hungaricae, t. III, fasc. 1—2, Budapest, 1953, S. 190—198.

выделить небольшое число турецких корней, в которых *d* звучит ослабленно, находясь по степени звонкости между *d* и *t*. Эта особенность, не всегда четко улавливаемая на слух, находит себе объективное выражение в том, что аффиксы с начальными согласными при подобных словах выступают в звонкой форме (см. об этом немного дальше), что и отражается на письме. В связи с этим, а с другой стороны ввиду достаточного количества омонимов в языке, на письме стремятся отмечать в подобных словах согласный в зависимости от значения слова, и таким образом глухое *t* и звонкое *d*, а также *ç* и *c* (эпизодически) в этих случаях являются графическими признаками значения слов; например, *ad* „имя“ и *at* „лошадь“; *bat* „погружайся“ и *bad* „ветер“ (перс.); *kab* (наряду с *kap*) „сосуд“, „покрышка“, „обложка“ и *kap* „плащ“ (фр.); *kanad* „крыло“ и *kanat* „подземный канал“, „водопровод“, „бамбук“ (ар.); *od* „огонь“ и *ot* „травя“; *öd* „желчь“ и *öt* „пой“; *had* (ар.) „граница“, „мера“ и *hat* (ар.) „линия“, „почерк“; *verid* „дарение“, „жертвование“ и *verit* „вена“, „жила“; *uc* „конец“ и *uç* „лети“ и др. Нельзя, правда, сказать, что отмечаемый орфографический прием применяется с должной последовательностью: в некоторых случаях конечные *b*, *c*, *d* на письме встречаются и в словах, не имеющих омонимической пары, например, *esbab* (ар.) „причины“, *ös* „месть“, „пари“ и др.

Для выяснения первоначального положения *d* — *t* в конце слов, как и в случае с конечным *b* — *p*, также можно обращаться к старому написанию турецких слов. Однако в этом случае требуется известная осторожность, так как старые начертания слов, оканчивавшихся на *d*||*t*, менялись и потому не имели устойчивого характера. Так, например, вместо более старого начертания *سود*, *سد* (в современном написании *süt*) „молоко“ в более позднее время стали писать также *سوت* наряду со старой графической формой; наряду со старым начертанием *قورد* (в современном написании *kurt*) „волк“ писали уже и *قورت*; слово *dört* „четыре“ обозначали уже в виде *دورت* || *دورت*, отражая, таким образом, на письме фактическое произношение *t* в конечной позиции.

Звонкая аффриката *c* в конце слов заменяется глухой аффрикатой *ç*, что и отмечается на письме. Примеры: *sevinç* (из *sevinc*) „радость“, *kireç* (из *kirec*) „известь“, *havuç* (из *havuc*) „морковь“, *taç* (из ар. *tac*) „корона“, *kerpiç* (из *kerpic*) „кирпич-сырец“, *kılıç* (из *kilic*) „меч“ и др. Обозначение звонкого *c* на письме отмечалось выше.

При изучении истории конечных *c*||*s* также требуется известная осторожность в пользовании памятниками. Известно, что в наиболее ранних памятниках турецкой письменности (XIV и отчасти XV вв.) обозначение *c* и *ç*, равно как *b* и *p*, не всегда дифференцировано: *ç* (*c*) часто пишется вместо *ç* (*ç*) и наоборот; *ب* (*b*) часто пишется вместо *پ* (*p*) и наоборот. Однако более поздние памятники, хотя и не всегда свободные от указанного недостатка, могут принести известную пользу для выяснения истории конечных *c*||*ç*. Поэтому, встречая, например, начертания *آغاچ* (в современном написании *ağaç*) „дерево“,

بورج (в современном написании *borç*) „долг“, ياماج || يماج (в современном написании *yamaç*) „склон“ (горы), چكيج (в современном написании *çekiç*) „молот“, اوج (в современном написании *uç*) „конец“ и т. п., мы отсюда заключаем, что в приведенных словах конечный согласный первоначально был звонким.

Звонкий среднеязычный *g* в конечной позиции давно вышел из употребления. Вместо него под влиянием предшествующего переднего гласного развился сонорный *y* (см. стр. 27—28), на письме условно обозначаемый знаком $\bar{g}$. С другой стороны, буквой $\bar{g}$ в конце слов часто обозначается глубоко заднеязычный звонкий *g* в словах арабского и отчасти персидского происхождения, произносимый с заметным оглушением. Таким образом, и в этом случае турецкая орфография обнаруживает непоследовательность, изменяя принятому фонетическому принципу написания корней и основ.

Примеры на конечное $\bar{g}$ после *i* в арабских словах: *balig̃* (произносится *бали²_к*) „достигший“, *fariḡ* (произносится *фару²_к*) „освободившийся“, „незанятый“, „избавившийся“, *diriḡ* (произносится *диру²_к*) „отказ“, *tebliḡ* (произносится *тэбли²_к*) „сообщение“, „оповещение“, „сводка“, *tig* (произносится *ту²_к*) „меч“ и др.¹ Примеры на конечное *g* после *a* в заимствованиях из арабского см. на стр. 78.

Звонкие щелевые *v*, *j*, *z* в отличие от смычных в конце слов не доходят до полного оглушения, хотя здесь можно наблюдать колебания в зависимости от качества предшествующего гласного и еще больше в связи с качеством начального звука следующего слова в речи. Однако поскольку конечное положение согласных здесь рассматривается во всех случаях в пределах слова, т. е. в изоляции, то мы не учитываем вариаций звонкости конечного согласного, обусловленных влиянием на него качества начального звука в следующем слове.

Губно-зубной звонкий щелевой *v* подвергается оглушению частично, при этом оглушение будет сильнее, если предшествующий гласный является узким, и слабее, если предшествующий гласный широкий. В первом случае иногда может меняться само качество звонкого щелевого, который тогда переходит в губно-губной сонорный *w*. Примеры на частичное оглушение *v* после широких негубных гласных: *av* (произносится *ав*) „охота“, „дичь“, *ev* (произносится близко к *эв*) „дом“, *cau* (произносится *джав*) „спица“, *ödev* (неологизм, произносится *өдэв*) „долг“, „обязанность“, *sinav* (неологизм, произносится

¹ В свете приведенных выше данных становится ясным, что В. Радлов был неправ, когда на основании хамаданского и тебризского диалектов азербайджанского языка и данных крымско-татарского (фактически караимского) языка он заключал о наличии в южной группе языков тюркской семьи в конце слов звонких согласных *g*, *b*, *c*, отчасти *d*, наряду с глухими.

Турецким языком В. Радлов, как известно, специально не занимался. О конечном положении согласных см. „Фонетику“, стр. 173—177.

сынав) „испытание“, *pertev* (перс., произносится *пертэв*) „свет“, „блеск“, *cıdav* (произносится *джыдав*) „лопатка“ (плечевая кость), *kılav* (произносится *кылав*) (болезнь овец) и др.

В этих и в подобных словах конечное *v* имеет слегка приглушенный характер. Гораздо заметнее оглушенность *v* в следующих словах, где ему предшествует узкий гласный; в них *v* звучит как среднее между *v* и *ф*: *cıvcıv* (произносится *дживджив^в_ф*) „чирикание“, „писк“, „птенчик“, *hicıv* (ар., произносится *хиджи^в_ф*) „сатира“, „сарказм“, *lâ-gıv* (ар., произносится *ляв^в_ф*) „отмена“, „упразднение“, *lâksatıv* (из фр., произносится *ляксатив^в_ф*) название слабительного, *mahıv* (ар., произносится *махив^в_ф*) „уничтожение“, „гибель“, *nahıv* (ар., произносится *нахив^в_ф*) „синтаксис“ и др.

Поскольку оглушение рассматриваемых согласных при всех своих колебаниях все же не имеет столь четко выраженного характера, как при смычных, оно не учитывается орфографией и не находит отражения на письме.

Переднеязычный звонкий щелевой *j* встречается в конце немногочисленных звукоподражательных слов и некоторых заимствований. В сравнении с губно-зубным *v* фонема *j* оглушается сильнее, но в общем оба согласных в конечном положении остаются больше звонкими, чем глухими, объективным выражением чего является тот факт, что начальный согласный аффикса после конечного *j* или *v* выступает в звонкой форме и так фиксируется на письме.

Примеры на конечное *j*: *mesaj* (из фр., произносится *меса^ж_ш*) „послание“, *staj* (из фр., произносится *сита^ж_ш*) „стаж“, *bagaj* (из фр., произносится *бага^ж_ш*) „багаж“, *jüj* (из фр., произносится *жү^ж_ш*) „судья“, „третейский судья“, *plaj* (из фр., произносится *пля^ж_ш*) „пляж“, *jaj* (из перс., произносится *жа^ж_ш*) „болтовня“, „вздор“ и др.

Переднеязычный звонкий щелевой *z* по степени оглушения в общем не отличается от *j*. Подобно *v* и *j*, согласный *z* в конце слов остается скорее звонким, чем глухим, что выявляется в фонетических процессах и отражается на письме. После узких гласных конечное *z* оглушается сильнее, после широких слабее. В наибольшей степени сохраняется звонкость *z* после широких губных *o* и *ö*. Примеры: *bız* (произносится *би^з_с*) „мы“, *dız* (произносится *ди^з_с*) „колено“, *semiz* (произносится *семи^з_с*) „жирный“, *gürbüz* (произносится близко к *гюрбюзь*) „здоровый“, „крепкий“, *tuz* (произносится *туз*) „соль“, *kaz* (произносится *каз*) „гусь“, *saz* (произносится *саз*) (название музыкального инструмента),

koz (произносится *коз*) „орех“, *boz* (произносится *боз*) „серый“, „сивый“ и др.

Сказанное об оглушении смычных и отчасти щелевых согласных в конце слов необходимо дополнить указанием на то, что описанное явление имеет определенные фонетические основания.

В турецком языке полнозвучие звонких согласных, в первую очередь смычных, зависит от их положения в слове. Звонкие согласные звучат наиболее полно, когда они находятся в начале слова, т. е. когда за ними следует гласный, или же между гласными.

Наоборот, после гласного и особенно в конце слова звонкие согласные ослабляются и даже теряют, как мы видели, свою звонкость.

При всем значении этого обстоятельства его все же не следует переоценивать, так как оно не является универсальным для тюркских языков, на что указывалось выше со ссылкой на азербайджанский и туркменский языки, к которым можно присоединить в этом пункте и отдельные языки иных семейств (французский, английский).

В. Влияние гласных на согласные (комбинаторные изменения согласных)

Гласные влияют на согласные в различных направлениях, но степень и границы их влияния в разных фонетических процессах оказываются разными. Наиболее широкий характер имеет процесс палатализации согласных под влиянием соседних нёбных гласных. Этому процессу подвергаются многие согласные, но в разной степени. Сильнее всего подвергаются палатализации согласные *k* и *l*. Как уже известно из глав I и II, палатализованные и непалатализованные разновидности названных согласных выделились в турецком языке в самостоятельные фонемы. Ввиду этого *k*, *k'* и *l*, *l'* осознаются в качестве фонем в любой позиции, следовательно, и в тех случаях, когда употребление их в слове исторически обусловлено фонетическими причинами. Таким образом, можно сказать, что фонемы *k*, *k'* и *l*, *l'* употребляются в турецком языке как в фонетически связанном, так и в фонетически свободном положении.

Фонетически связанное положение названных согласных выступает рельефнее после гласных, особенно в абсолютном конце слова, где они свободны от влияния последующего гласного, и менее рельефно перед гласными. Примеры: *orak* (произносится *орак*) „серп“, *sirik* (произносится *сырик*) „жердь“, *yük* (произносится *йүк*) „ноша“, „груз“, *bükük* (произносится *бүкүк*) „сгорбленный“, *dal* (произносится *дал*) „ветвь“, *bal* (произносится *бал*) „мед“, *yel* (произносится *ель*) „ветер“, *bel* (произносится *бэль*) „поясница“ и т. п.

Некоторые исследователи считают, что после гласных заднего ряда *l* имеет глухой характер (Б. Коллиндер и др.).

Довольно близко к описанному явлению стоит палатализация *l* под влиянием сонорного *y*, что встречается, однако, в отдельных случаях, вроде *yaylâ* (произносится *яйля*) „летнее пастбище“.

Варианты звонкого смычного *g* можно наблюдать в коренных турецких словах лишь перед гласными или после согласных (за исключением смычных и глухих), так как после гласных оба варианта *g* претерпевают качественные изменения. Заднеязычный вариант *g* встречается в начале собственно турецких слов сравнительно редко, например, *gaga* (произносится *ɣaɣa*) „клюв“, *gıdak* (произносится *ɣɯɖak*) „кудахтанье“, *gırtlak* (произносится *ɣɯɾtlak*) „дыхательное горло“, *guguk* (произносится *ɣuɣuk*) „кукушка“ и некоторые другие. Чаше заднеязычный вариант *g* встречается в аффиксах, если только аффикс не следует за гласным (о нарушениях этого принципиального условия см. дальше), например, *dalgin* (произносится *dalɣɯn*) „задумчивый“, „рассеянный“, *olgun* (произносится *olɣun*) „зрелый“, *sıkılğan* (произносится *sɯkɯlɣan*) „застенчивый“, *utangaç* (произносится *utɑnɣɑç*) „застенчивый“, „робкий“, „стыдливый“ и др. Учитывая, что в других тюркских языках в тех же фонетических условиях, а также после гласных и между ними, вместо заднеязычного *g* появляется увулярный (язычковый) сонорный *ɣ*, можно допустить, что в турецком языке заднеязычное *g* представляет собой более древнее состояние сонанта *ɣ*.

Во всех примерах, приведенных выше, появление заднеязычного варианта *g* обусловлено ненёбным характером гласных основы (*dal-*, *utan-* и др.).

Что касается заимствований, то употребление заднеязычного *g* до некоторой степени дифференцировано: оно более свободно в западноевропейских заимствованиях и менее свободно в арабо-персидских.

В турецком заднеязычном *g* объединились две фонемы: арабский и персидский увулярный сонорный согласный *ɣ* того же типа, что и указанный выше, и заднеязычный звонкий смычный *g* западноевропейских языков. Это обстоятельство имело некоторые последствия. Так, в заимствованиях из западноевропейских языков заднеязычное *g* сохранилось во всех позициях: в начале, например, *garaj* (из фр.) „гараж“, *gol* (из англ.) „гол“ и др.; после гласных в середине слов, а также в интервокальной позиции, например, *wagon* (из фр.) „вагон“, *program* (из фр.) „программа“ и др. В арабских и персидских заимствованиях *g* (заменившее собой *ɣ*) также сохранилось в начале слов, например, *galebe* (из ар., произносится *ɣalebe*) „победа“, *gazap* (из ар., произносится *ɣazap*) „гнев“, „ярость“, *gonce* (из перс., произносится *ɣondʒe* или *ɣondʒa*) „бутон“, *gulgule* (из перс., произносится *ɣulɣule*) „бульканье“, „шум“ и многие другие. Однако после и между гласными внутри слова, а также в конце его рассматриваемый согласный оказался в положении турецкого *ɣ*, который в литературном языке повсюду подвергся ассимиляции предшествующего гласного и редуцировался (об этом см. ниже в главе IV), например, *meblâg* (произносится *meblâ*) „сумма“, *mubalâğa* (из ар., произносится *muɓalâa*) „преувеличение“, „гипербола“, *dimâg* (из ар., произносится *dimâ*) „мозг“ и др.

Впрочем этот процесс все же не охватил всех арабских или персидских заимствований, и в современном литературном языке можно встретить слова, в которых заднеязычное *g* произносится после и между гласными. Примеры см. ниже.

Среднеязычный вариант звонкого смычного *g* употребляется в тех же положениях, что и его задний вариант, однако с тем отличием, что в словах тюркского корня он может находиться лишь перед нёбными гласными, которые и определяют возможность употребления этого варианта смычного *g*. Примеры: *güneş* (произносится *гүнэш*) „солнце“, *gölge* (произносится *гөлле*) „тень“, *düzgün* (произносится *дүзгүн*) „приведенный в порядок“, „устроенный“, „исправленный“, *bezgin* (произносится *безгин*) „скучающий“ и др.

После нёбных гласных и между ними среднеязычный *g* подвергается качественным изменениям и в известных условиях редуцируется.

По некоторым наблюдениям после палатализованных согласных среднеязычный вариант *g* произносится близко к сонорному *y*, например, *bilgi* „знание“, *rüzgâr* „ветер“ (произносятся иногда близко к *бильи* и *рүзьяр*).

Не менее четко проявляется влияние гласного на звонкий щелевой *z*, особенно внутри и в конце слова после гласного. После гласных заднего ряда *z* произносится без смягчения, после губных гласных переднего ряда со смягчением, после негубных передних палатализация *z* незначительна. Примеры: *daz* (произносится *даэ*) „лысина“, *hız* (произносится *хыз*) „быстрота“, „стремительность“, *iz* (произносится *из*) „след“, *tez* (произносится *тэз*) „быстрый“, *toz* (произносится *тоз*) „пыль“, *söz* (произносится *сөз*) „слово“, *öz* (произносится *өз*) „сам“, „свой“, *güz* (произносится *гүз*) „осень“, *süzmeek* (произносится *сүзьмек*) „процеживать“ и др.

Довольно ясно различаются также несмягченный и смягченный варианты глухой аффрикаты *ç* в середине и в конце слова после тех же задних и передних (губных) гласных; например, *aç* (произносится *ач*) „голодный“, *koç* (произносится *коч*) „баран“, *suç* (произносится *суч*) „грех“, „вина“, „преступление“, *geç* (произносится близко к *гечь*) „поздний“, *göç* (произносится *гөчь*) „переселение“, „кочевка“, *güçlü* (произносится *гүчльү*) „сильный“, „мощный“, *üçgen* (произносится *үчькен*) „треугольник“, *göçmen* (произносится *гөчмен*) „переселенец“ и др.

Помимо указанных выше, более или менее ясно наблюдаются палатализованные и непалатализованные варианты согласных *r*, *ş*, *s*.

Согласный *r*: *kürsü* (произносится *күрьсү*) „кафедра“, *görmek* (произносится *гөрмекь*) „видеть“, *dar* (произносится *дар*) „тесный“, „узкий“, *sır* (произносится *сыр*) „тайна“, „секрет“, *çamur* (произносится *чамур*) „грязь“ и др.

Согласный *ş*: *düşkün* (произносится *дүшькүн*) „падший“, „падкий на что-либо“, *görüş* (произносится *гөрүшь*) „видение“, „взгляд“, *düş* (произносится *дүшь*) „сон“, „сновидение“, *taş* (произносится *таш*)

„камень“, *boş* (произносится *бош*) „пустой“, „не занятый“, *buluş* (произносится *булуш*) „находка“, „изобретение“ и др.

Согласный *s*: *büsbütün* (произносится *бүсьбүтүн*) „целиком“, „полностью“, *püskül* (произносится *пүськүль*) „бахрома“, „кисточка“, *as* (произносится *ас*) „вешай“ и др.

Сравнительно меньше палатализуются согласные после негубных *e* и *i*. Сонорные *m*, *r* и щелевые *s*, *ş*, *v*, *f* после указанных гласных палатализуются в незначительной степени. Примеры: *eş* (произносится *эш*) „друг“, *hem* (произносится *хэм*) „и“, „также“, *kim* (произносится *ким*) „кто“, *er* (произносится *эр*) „мужчина“, *kir* (произносится *кир*) „грязь“, *bir* (произносится *бир*) „один“, *iş* (произносится *иш*) „дело“, „работа“, *alev* (произносится *алев*) „пламя“, *ev* (произносится *эв*) „дом“, *sis* (произносится *сис*) „туман“, *herkes* (произносится *херкес*) „каждый“ и др.

Сонорный *n* не палатализуется вообще, в частности после нёбных губных, например, *dön* (произносится *дөн*) „вернись“, *dün* (произносится *дүн*) „вчера“, *gön* (произносится *гөн*) „кожа“ (выделанная), *düğün* (произносится *дүүн*) „свадьба“ и др.

Согласные, следующие за палатализованными согласными, смягчаются слабо. Примеры: *üst* (произносится *үсьт*) „верх“, *bürç* (произносится *бүрьч*) „башня замка“, *Türk* (произносится *түрьк*) „турок“, *gürz* (произносится *гүрьз*) „булава“, *köşk* (произносится *көшьк*) „вилла“, *kürk* (произносится *күрьк*) „мех“ и др.

Суммируя все сказанное об изменении согласных по нёбности-ненёбности, а также присоединяя сюда сказанное о нёбно-губной ассимиляции гласных, можно заключить, что нёбная ассимиляция охватывает не только гласные, но распространяется также на слог и слово в целом. Иными словами, в отношении турецкого слога и слова можно говорить о нёбном сингармонизме гласных и согласных в слове. Однако это положение нуждается в серьезных поправках. Слабая палатализация или ее отсутствие у многих согласных после негубных *e* и *i*, а у сонорных *m* и *n* даже после *ö* и *ü* является показателем разрушений, происшедших в турецком сингармонизме, причины чего отчасти следует искать в фонематическом развитии турецкого языка, в выделении в нем новых фонем. Известную роль в процессе депалатализации (потере согласными мягкости) сыграли заимствования из других языков.

Как известно, в арабском и персидском языках нёбно-губная гармония не существует, и гласные сочетаются с согласными безотносительно к месту их образования. Вместе с общим потоком слов, заимствованных из арабского и персидского языков, в турецкий язык вошли и такие, в которых смягченные согласные *k'* и *l'* встречались перед ненёбными гласными. В дальнейшем *k'* и *l'* выделились в отдельные фонемы, о чем специально говорилось раньше.

Действующая орфография отмечает смягченный характер фонем *k'*, *l'*, а также смягченный вариант *g* значком [^], который ставится над последующим гласным, например, *hulâsa* (из ар., произносится

hуляса) „суть“, „резюме“, *emlâk* (из ар., произносится *эмляк*) „недвижимое имущество“, „государственные земли“, *plâj* (из фр., произносится *пиляж*) „пляж“, *lâstik* (из фр., произносится *лястик*) „резина“, „калоши“, „шина“, *flûrya, filûrya* (из ит., произносится *филюрья*) „канарейка“ и др., *kâinat* (из ар., произносится *кяинат*) „вселенная“, *kâfur* (произносится *кяфур*) „камфара“, *gûnagûn* (из перс., произносится *гюнаюн*) „разноцветный“, „разнообразный“ и др.

В разговорном языке и в территориальных диалектах после гласных заднего ряда согласный *l* в словах иноязычного происхождения весьма нередко теряет свою мягкость, в связи с чем гласные аффиксов также приобретают ненёбный характер. Ср., например, произношение таких слов, как *fasil, mal, peştamal, marul, general* и т. д. с несмягченным *l*. Известная часть разговорных форм с подобным *l* внедрилась и в литературный язык. Таковы: *akıl* (произносится *акыл*) „ум“, *halk* (произносится *халк*, редко *хальк*) „народ“, *asil* (произносится *асыл*) „сущность“, *nal* (произносится *нал*) „подкова“, *nalın* (произносится *налын*) „деревянные сандалии“, *hamal* (произносится *хамал*) „носильщик“, *hardal* (произносится *хардал*) „абсолютный“, *masal* (произносится *масал*) „сказка“, „небылица“, *molla* (произносится *молла*) „мулла“, *peştamal* (из перс., произносится *пештамал*) „купальная простыня“, *rol* (произносится *рол*) „роль“, *liberal* (произносится *либерал*) „либерал“, *jurnal* (произносится *джурнал, журнал*) „донос“ и др.

В конце арабских слов после *i* сонорный *l* имеет и в литературном и в разговорном языке твердое произношение; например, *hasil* (произносится *хасыл*) „являющийся результатом“, „следствие“, *vasıl* (произносится *васыл*) „соединение“ и т. д. Начальное *l* с последующим *o* в заимствованиях, как правило, также произносится без смягчения, например, *loca* (из ит., произносится *лоджа*) „ложа“, *lodos* (из гр., произносится *лодос*) „южный ветер“, „юг“, *lokanta* (из ит., произносится *локанта*, реже *лөканта*) „ресторан“, *lokavt* (из англ., произносится *локавт*) „локаут“, *lokta* (из ар., произносится *локма*) „кусок“, „глоток“ и др.

Из отдельных фактов влияния окружающих звуков на согласные можно отметить следующие.

Губно-зубной звонкий щелевой *v* после широких губных гласных, а также после *e* может переходить в губно-губное *w*, подвергаясь, таким образом, ослаблению; например, *kovdurmak* (произносится нередко как *коўдурмак*) „заставить гнать“, *dövdürmek* (произносится нередко как *доўдүрмек*) „заставить побить“, *kov!* (произносится нередко как *коў!*) „гони!“, *ödev* (произносится близко к *өдэў*) „долг“, „обязательство“, *Tevfik* (произносится *тэўфик*) „Тэвфик“ (имя); *tevkif* (произносится нередко *тэўкиф*) „арест“ и т. п.

В положении между узким губным и широким негубным гласным согласный *v* может редудироваться, о чем специально говорится в следующей главе. Безусловно сохраняется *v*, происходящий из геминированного (удвоенного) *v*, например, *kuvet* (произносится *кувет, куввет*)

„сила“, *tecavüz* (произносится *теджавүз*) „переход границы“, „посвяительство“, *tahavül* (произносится *таһавүль*) „изменение“, „превращение“ и т. п.

Комбинаторные изменения согласных *h, r, l, y, v, n*, влекущие за собой их ослабление или полное выпадение, будут рассмотрены в следующей главе.

Для фонетической характеристики турецкого языка представляют особую важность качественные изменения согласных под влиянием гласных.

Наиболее значительными из них являются озвончение глухих согласных между гласными (в интервокальной позиции), редукция (ослабление) и полное выпадение некоторых согласных после или между гласными, что в определенных случаях связано с первым явлением.

Замена глухих согласных звонкими в положении между гласными обычна в тюркских языках Алтая и Сибири. В турецком этот процесс ограничивается, как правило, смычными и, кроме того, допускает ряд отступлений. Далеко не всегда при этом можно установить с достоверностью, имеем ли мы дело с действительным озвончением глухого согласного или с восстановлением его первоначальной звонкости. Такой вопрос неизбежно возникает в связи с тем, что в ряде типичных случаев глухие смычные не озвончаются, о чем будет сказано ниже.

Легче ответить на поставленный вопрос в отношении заимствованных слов. Так, например, обстоит дело с арабскими словами. В арабском языке, как известно, отсутствуют согласные *ч* и *п*. Поэтому во всех случаях озвончения названных согласных в арабских словах фактически происходит восстановление на границе основы и аффикса звонких *с* и *б*, которые в турецком языке оказались замененными глухими вследствие своего положения в конце слова или в середине его после глухого согласного (см. разделы 4 и 5 настоящей главы). Например, в словах, заимствованных из арабского: *baş* (произносится *бап*) „глава“, *garb* (произносится *гарп*) „запад“, *intaç* (произносится *интач*) „причинение“, *bürç* (произносится *бүрч*) „башня замка“, *ihrac* (произносится *иһрач*) „экспорт“ конечные согласные основы *р* и *с* появились взамен первоначально звонких *б* и *с*. При наращении этих и аналогичных слов аффиксами, имеющими начальный гласный, конечные глухие согласные попадают в интервокальную позицию, и их первоначальная звонкость восстанавливается; например, *baba* (произносится *баба*) „главе“ (дательный падеж), *garbe* (произносится *гарбе*) „западу“, *intaca* (произносится *интаджа*) „причинению“, *bürce* (произносится *бүрдже*) „башне“, *ihraca* (произносится *иһраджа*) „вывозу“, „экспорту“.

Так же обстоит дело с восстановлением звонкости смычного *d* в заимствованиях из арабского и из других языков. Ср. *bad* (из перс., произносится *бат*) „ветер“ и *badı semum* (произносится *бадысемум*) „самум“; *bed* (из перс., произносится *бэт*) „плохой“ и *bedava* (из *bed hava*, произносится *бедава*) „бесплатно“, „за бесценок“; *azad* (из перс., произносится *азат*) „свободный“ и *azade* (произносится *азадэ*)

„свободный“, „вольный“; *inad* (из ар., произносится *инад*) „упрямство“ и *inadi* (произносится *инады*) „его упрямство“; *aded* (из ар., произносится *адэт*) „число“ и *adedi* (произносится *адэди*) „его число“ и т. п. Приведем еще примеры восстановления звонкости смычных в словах, заимствованных из европейских языков: *kulüp* (произносится *кулуп*) „клуб“ и *kulübü* (произносится *кулубү*) — то же слово в винительном падеже, *Norveç* (из фр., произносится *норвеч*) „Норвегия“ и *Norveci* (произносится *норведжи*) — то же слово в винительном падеже и т. п.

Гораздо труднее судить об исходном характере глухого согласного в словах турецкого корня. На это в другой связи уже указывалось выше.

Не исключено, что первоначально турецкие корни и основы могли иметь в конце и звонкие смычные, замененные глухими лишь позднее. Однако для более конкретного решения этого вопроса мы должны обратиться к истории турецких согласных, сведения о которых могут доставить памятники турецкой письменности, как это нами выяснялось выше при рассмотрении процесса оглушения конечных смычных *b, d, c* (стр. 68—70). Но специальное изучение затронутого вопроса неизбежно уведет в сторону от задач данной работы, и потому в нижеперечисленных примерах мы рассматриваем лишь замену конечных глухих звонкими, оставляя открытым вопрос об их первоначальном качестве. Примеры: *apaç* (произносится *анач*) „хитрец“, *apacı* (произносится *анаджи*) то же слово в винительном падеже; *kıskaç* (произносится *кыскач*) „тиски“, *kıskaçı* (произносится *кыскаджи*) „его тиски“; *çepiç* (произносится *чепич*) „козленок“ (годовалый), *çepici* (произносится *чепиджи*) „его козленок“; *güç* (произносится *гүч*) „сила“, *gücü* (произносится *гүджү*) „силу“; *öğüt* (произносится *өйүт*) „наставление“, *öğüde* (произносится *өйүдэ*) „наставлению“; *geçit* (произносится *гечит*) „проход“, *geçide* (произносится *гечидэ*) „проходу“ и др.

Замена глухих *k, k'* звонкими звуками в интервокальной позиции в современном турецком языке уже не наблюдается¹, так как звонкие соответствия указанных фонем в интервокальной позиции и после гласных вообще подвергаются редукции. Это освещается в следующих разделах.

Замена глухих согласных звонкими на границе основы и аффикса с не меньшей регулярностью наблюдается также после сонорных. Глухой согласный в этом случае находится, следовательно, между сонорным и гласным; например, *sırp* „серб“, *sırba* (произносится *сырба*) „сербу“; *Kulp* „Кулб“ (название города), *Kulba* (произносится *Кулба*) — то же слово в дательном падеже; *dört* „четыре“, *dörde* (произносится *дөрдэ*) „четырем“ и др.

Частным случаем замены глухих смычных звонкими между сонорным и гласным является то, что преобладающее большинство аффиксов

¹ Если не считать таких редких случаев, как *olagan* (произносится *олаган*) „возможный“, „бывающий“, *guguk* (произносится *гугук*) „кукушка“.

с начальным согласным в описанных условиях имеет звонкое начало; это уже рассматривалось раньше в связи с явлением ассимиляции согласных по глухости-звонкости. Совпадение обоих процессов, естественно, говорит о том, что замена глухих согласных звонкими между сонорными и гласными представляет собой другое проявление ассимиляции по звонкости-глухости.

Озвончение относится к числу недоразвитых фонетических процессов в турецком языке и не распространяется на некоторые разряды слов.

Прежде всего озвончение на границе основы и аффикса не действует в отношении большинства турецких односложных именных корней, хотя, правда, не всех.

Примеры: *at* „лошадь“ и *atı* „его лошадь“; *et* „мясо“ и *eti* „его мясо“; *it* „собака“ и *iti* „его собака“; *kat* „слой“, „этаж“ и *katı* — то же слово в винительном падеже; *aç* „голодный“ и *aça* „голодному“; *iç* „внутренность“ и *içi* „его внутренность“; *üç* „три“ и *üçü* „трое из них“; *ip* „веревка“ и *ipi* „его веревка“; *sap* „рукоять“ и *sapı* „его рукоять“; *turp* „репа“, „редиска“ и *turpu* „его репа“, „редиска“ и др.

Озвончению не подвергаются, далее, за малыми исключениями, глухие согласные в наращенных глагольных корнях и основах, как первообразных, так и производных, независимо от количества слогов в тех и других, а также в отглагольных именах; например, *at-* „бросать“, *atıyor* „он бросает“; *dinlet-* „заставить слушать“, *dinletiyor* „он заставляет слушать“; *otar-* (от именного корня *ot* „трава“) „пасти“; *kap-* „хватать“, *kapın* „хватаящий“; *öp-* „целовать“, *öpüş* „поцелуй“; *sap-* „сворачивать“, *saparak* „свернув“; *kapa-* (от именного корня *kap* „сосуд“, „покрышка“, „верх“) „закрывать“, но *kabı* „его сосуд“; *aç-* „открывать“, *açıyor* „он открывает“, *açık* „открытый“; *biç-* „кроить“, „резать“, „косить“, *biçecek* „он скроит“, *biçim* „покрой“; *uç-* „летать“, *uçan* „летающий“, *uçak* „самолет“; *ak-* „течь“, *akıyor* „он течет“, *akar* „проточный“; *bak-* „смотреть“, *bakıyor* „он смотрит“, *bakan* „министр“; *yık-* „валить“, „разрушать“, *yıkacak* „он разрушит“, *yıkıntı* „развалины“ и многие другие. Однако ср. *et-* „делать“ (вспомогат. глагол), *ediyor* „он делает“; *git-* „идти“, *gidiyor* „он идет“; *işit-* „слышать“, *işitil-*, но также *işidil-* „быть услышанным“; *ağar-* (от именного корня *ak* „белый“) „белеть“; *çoğal-* (от именного корня *çok* „многий“, „много“) „возрастать“, „умножаться“; *acık-* (от именного корня *aç-* „голодный“) „проголодаться“; *gecik-* (от именного корня *geç* „поздний“, „поздно“) „опаздывать“ и некоторые другие. То же при некоторых именных корнях, что было замечено выше: *art* „задняя сторона“, *arda* „задней стороне“; *dip* „дно“, *dibi* „его дно“; *uc* „конец“, *ucu* „его конец“ и другие.

Третий разряд слов, в которых не наблюдается замены глухих согласных звонкими, представляет собой заимствования. Если глухость конечного смычного в таких словах является исторически унаследованной, то в интервокальной позиции они, как правило, не заменяются звонкими. Примеры: *nebat* (из ар.) „растение“, *nebata* „растению“; *dest*

(из перс.) „рука“, *desti* „его рука“; *dürüst* (из перс.) „правильный“, *dürüste* „правильному“; *dinamit* (из фр.) „динамит“, *dinamite* „динамиту“; *krep* (из фр.) „креп“, *krepî* — то же слово в винительном падеже; *step* (из русск.) „степь“, *stepî* — то же слово в винительном падеже; *mikroskop* (из фр.) „микроскоп“, *mikroskopi* „его микроскоп“; *çark* (из перс.) „колесо“, *çarka* „колесу“; *ufuk* (из ар.) „горизонт“, *ufka* „горизонту“; *misak* (из ар.) „договор“, „хартия“, *misaka* „договору“ и многие другие.

В озвончении глухого *k* наблюдаются колебания. Под влиянием разговорного языка конечный глухой *k* в литературном языке перед гласным аффикса часто озвончается; наряду с этим нередко сохраняется и неозвонченная форма, однако первый процесс имеет тенденцию к дальнейшему развитию. Например, приведенное выше слово *çark* „колесо“ имеет рядом с формой *çarkî* также и *çarğî*, что может объясняться, правда, тем, что в своей исходной форме данное слово оканчивается на „х“ (خ).

Такую же параллельную форму имеет также заимствованное из персидского *senk* (سنگ — *sāng* с конечным „г“) „камень“, *senki* или *sengi* „его камень“. Однако заимствованные из арабского *berrak* „чистый“, *berraka* или *berrağa* „чистому“; *merak* „интерес“, *meraka* или *merağa* „интересу“; *hunnak* „ангина“, *hunnaka* или *hunnağa* „ангине“ и др. имеют на конце „к“ (ق).

Колебания в замене конечного глухого основы звонким перед гласным аффикса наблюдаются и в других случаях, например, *barut* (из ар.) „порох“, *baruta* или *baruda* „пороху“; *ekip* (из фр.) „команда“, *ekipi* или *ekibi* „команду“; *süt* „молоко“, *sütü* или *südü* „его молоко“; *gök* „небо“, *göke* или *göğe* „небу“; *grup* (из фр.) „группа“, *grupu* или *grubu* „группу“; *prensip* (из фр.) „принцип“, *prensipi* или *prensibi* „его принцип“ и др.

Сильнее всего обнаруживается тенденция к озвончению и последующей редукции (см. следующий раздел) конечного *k*, когда он попадает в интервокальную позицию между двумя *i*. Во всех почти западноевропейских и некоторых арабо-персидских заимствованиях *k* в подобных случаях заменяется *ğ* (*y*) и далее исчезает; например, *tekniği* и *тэжнии* „его техника“ (от *teknik*, фр.); *pratiği* и *пратии* „его практика“ (от *pratik*, фр.); *(i)statistiği* и *истатистии* „его статистика“ (от *(i)statistik*, фр.); *tebriği* и *тэбрии* „его поздравление“ (из ар. تبریک) и др.

Суммируя сказанное относительно озвончения конечного глухого смычного основы в интервокальной позиции, можно в качестве общих выдвинуть следующие положения.

В преобладающем большинстве случаев в интервокальной позиции происходит не озвончение конечного глухого смычного основы, а восстановление звонкости, исторически утерянной смычным согласным вследствие его конечной позиции в слове. Этимологически глухие смычные согласные между гласными или сонорным и гласным исторически не озвончались. В таком положении остались многие категории соб-

ственно турецких слов и некоторые аффиксы, равно как и большинство заимствований с конечными глухими из арабского и персидского. Однако наряду с этим в турецком языке развился и процесс озвончения этимологически глухих смычных конечных согласных основ, распространившийся и на новейшие заимствования из западноевропейских языков. Наиболее ясно проявилась тенденция к озвончению в отношении среднеязычного *k'*. Озвончение *p* и *t* в интервокальной позиции носит пока спорадический характер, и рассматриваемое явление в турецком, как и в остальных огузских языках, развито слабее, чем в кыпчакских, в которых озвончение охватило также и конечные глухие в односложных глагольных корнях при наращении их аффиксами с начальным гласным (типа *чыҫа* „он выходит“ — от *чық-*, *сыҫа* „он жмет“ — от *сық-*, *яба* „он закрывает“ — от *яп-*, *чаба* „он косит“ — от *чап-*¹), что вообще весьма показательно для развитости процесса озвончения глухих согласных между гласными.

¹ Примеры приводятся из татарского языка.

IV. ОСЛАБЛЕНИЕ И ВЫПАДЕНИЕ ФОНЕМ

1. ОСЛАБЛЕНИЕ И ВЫПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Ослабление (редукция) и выпадение (элизия) гласных принадлежат к числу недоразвитых фонетических явлений в литературном языке и более характерны для турецкого разговорного языка. Как уже неоднократно указывалось раньше, в наибольшей мере подвержены редукции и элизии самые слабые из звуков — узкие гласные. Ослабление узких гласных имеет разную степень проявления, и здесь можно наблюдать целую нисходящую гамму переходов, вплоть до полного выпадения гласного. Редуцированный (ослабленный) гласный имеет нечеткое и неустойчивое, более краткое и открытое, чем обычно, произношение, приближаясь, например, для *i* и *ı* к закрытому варианту *e*. Ср., например, *yani* (произносится *ян^u_э*) „то есть“, *belki* (произносится *бэльк^u_е*) „может быть“, „возможно“, *haydi* (произносится *háйд^u_э*) „ну-ка!“, „пошли!“, *artık* (произносится *áрт^{bi}_э-к*) „уже“ и другие, частично приводившиеся в разделе 5А. Ср. также слова с выпавшими гласными: *ilerle-* из *ilerilé-* „идти“, „двигаться вперед“, „успевать“, „преуспевать“ и др.; *ayrıl-* из *ayırıl-* „отделяться“, „разлучаться“, „расставаться“, „быть отделенным“; *burda* из *búrada* „здесь“; *orda* из *órada* „там“; *nerde* из *nèrede* „где?“ и др.

Непременным условием ослабления и выпадения гласного является его безударное, чаще всего предударное, реже заударное, положение (в приведенных примерах гласные даны и в том и в другом положении). Ослабление узких безударных гласных больше наблюдается в области негубных. Редукция чаще всего происходит перед или по соседству с сонорными и щелевыми. При ослаблении и выпадении гласных имеет значение и строение редуцирующегося слога: редукция чаще всего происходит в открытом кратком слоге (в слоге, оканчивающемся на гласный). Впрочем последнее условие для ослабления гласного играет второстепенную роль. Примеры: *sarımsak* (произносится *сар^{bi}мсáк* с беглым *ı*) „чеснок“, *sarılmak* (произносится *сар^{bi}лмáк* с беглым *ı*) „быть окруженным“, *yanılmak* (произносится *ян^{bi}лмáк* с беглым *ı*) „ошибаться“,

kalırcı (произносится *кал^ипч^и* с беглым *ы*) „формовщик“, „литейщик“, *babasına* (произносится *бабас^ина* с беглым *ы*) „его отцу“, *açılacak* (произносится *ач^иладж^ак* с беглым *ы*) „он откроется“, *verilecek* (произносится *вер^иледж^ек* с беглым *и*) „он будет отдан“, *kilidi* (произносится *кил^ид^и* с беглым *и*) „его замок“, *gerisinden* (произносится *гер^исинд^ин* с беглым *и*) „сзади него“, *düşürülmek* (произносится *душ^ур^ульм^ек* с беглым *у*) „быть оброненным“ и др. При прочих равных условиях ослабление узких безударных гласных, прежде всего негубных, протекает сильнее перед сонорными согласными и слабее после таковых, хотя в отдельных случаях возможно сильное ослабление и после сонорных.

Регулярно редуцируется начальный в различных формах вспомогательного глагола *i-*, а именно *idi*, *imiş*, *ise*, *iken*, участвующих в образовании модальных, временных и деепричастных форм. Начальный *i* во всех подобных формах ослабляется и переходит в полугласный, обозначаемый на письме буквой *y* — знак среднеязычного сонорного. Примеры: *yazıcıydı* (из *yazıcı idi*, произносится *языдж^ийды*) „он был писателем“, *yazıcıymış* (из *yazıcı imiş*, произносится *языдж^иймыш*) „он де писатель“, *yazıcıysa* (из *yazıcı ise*, произносится *языдж^ийса*) „если он писатель“, *yazıcıyken* (из *yazıcı iken*, произносится *языдж^ийкен*) „будучи писателем“, *çalışmaktaydı* (из *çalışmakta idi*, произносится *чалышмакт^ийды*) „он (в то время) работал“, *çalışmaktaymış* (из *çalışmakta imiş*, произносится *чалышмакт^иймыш*) „он, мол, работал, работает“, *çalışmaktaysa* (из *çalışmakta ise*, произносится *чалышмакт^ийса*) „если он работает“, *çalışmaktayken* (из *çalışmakta iken*, произносится *чалышмакт^ийкен*) „когда (он) работает, работал“ и т. п.

Более значительна редукция полугласного, происходящего из *i*, на стыке поссесивных форм 3-го лица и последующего послелого орудийного значения *ile*. Об этом попутно говорилось уже в связи со смягчением нёбных гласных под влиянием *y*. Редукция полугласного *i* в послеложных формах с *ile* проявляется в разной степени, в зависимости от качества конечного гласного основы: чем ближе он к гласному *i* (начальному гласному послелого), тем полнее редукция. Поэтому редукция начального *i* нашего послелого будет полной, или почти полной, когда основа оканчивается на *i* или *ı*, и неполной, когда она оканчивается на узкие губные *u* и *ü*. К примерам с конечным ненёбным *ı*, приведенным в предыдущей главе, здесь можно присоединить редуцированные формы при основах с конечным *i*, например, *gelmesile* „с его приходом“, происходящее из *gelmesi ile* исторически через ступени *gelmesiyle* > *gelmesile* с исчезновением вторичной долготы *i*; *askerlerile* „с его войсками“, которое может произноситься и в форме *аскерлер^ийле* и в форме *аскерлер^иле*, через ступень *аскерлер^иле*; *vesilesile* „по поводу“, происходящее из *vesesi ile* через ступени *vesesiyle* > *vesilesile* с последующим исчезновением вторичной долготы *i*; *münasebetile* „в связи“, происходящее тем же путем из *münasebeti ile* и т. п.

Во всех приведенных примерах редукция гласных происходит внутри слова. В начальном слоге ослабление гласного в турецком языке относится к числу сравнительно редких явлений, не в пример территориальным диалектам турецкого или азербайджанского языка и некоторым кыпчакским и другим языкам (например, новоуйгурскому), где ослабление и полное выпадение преимущественно узких гласных в определенных фонетических условиях является типичным. Ср., например, в ногайском *крёрмен* (из *кирёрмен*) „я войду, вхожу“, *брев* (из *бирев*) „некто“, „кто-то“, *блёмен* (из *билёмен*) „я знаю“, *траман* (из *тураман*) „я стою“ и др.

Полное выпадение гласного происходит при наличии тех же условий, что и при его редукции, но с более фиксированным составом окружающих согласных и при следующих дополнительных условиях: при наращении слова аффиксом с начальным гласным и возникающем отсюда перераспределении последних слогов, в результате чего конечный закрытый слог основы, наращиваясь аффиксом, становится открытым. Например, присоединяя к слову *kouun* „грудь“ аффикс принадлежности 3-го лица, мы получаем форму *kouuni*, где выпадающий коренной гласный *u* оказывается в открытом слоге (*ko-yu-ni*) с минимальным ударением, в результате чего этот гласный выпадает, и в итоге получается форма *kouni* „его грудь“.

В словах турецкого корня выпадение узких гласных внутри слова возможно при следующих сочетаниях предшествующего и последующего согласных, между которыми происходит выпадение: щелевой со щелевым, сонорный с сонорным, щелевой с сонорным и щелевой со смычным, например, *ağız* „рот“ — *ağza* „рту“; *alın* „лоб“ — *alrı* „его лоб“; *kouun* „пазуха“, „грудь“ — *kouni* „его пазуха“, „его грудь“; *oğul* „сын“ — *oğlu* „его сын“ и некоторые другие. Однако далеко не всегда в существительных приведенного типа происходит механическое выпадение узкого гласного. При тех же фонетических условиях несравненно большее число имен существительных не теряет предупредного узкого гласного, и, таким образом, число редуцированных форм в литературном языке в общем невелико. К именам, сохраняющим узкий гласный, принадлежат: *omuz* „плечо“, *domuz* „свинья“, *deniz* „море“, *gelin* „невеста“, *dilim* „ломоть“, *ağıl* „скотный двор“ и многие другие. Если изменять все эти имена по образцу приведенных выше, то узкий гласный во втором слоге не выпадает; например, *omuz* „плечу“ (а не *omza*, как можно было бы ожидать); *domuzu* „его свинья“ (а не *domzu*) и т. д. Таким образом, выпадение узких гласных в именах не носит более или менее регулярного характера, как в туркменском языке, в котором выпадение узких гласных имеет распространенный характер.

Точно так же обстоит дело в глагольных и отглагольных формах (некоторая часть их приведена выше). И здесь мы снова имеем дело с суммой случаев. К ним относятся:

1) все составные глагольные формы, исторически образовавшиеся при помощи прошедшего объективного времени глагола *i-* „быть“ — *idi*

„он был“, т. е. формы *alıyordum* (из *alıyor idim*) „я (тогда) брал“; *alırdım* (из *alır idim*) „я (вообще) брал“, „я взял бы“ и т. п.;

2) формы условной модальности глагола, образованные при помощи условной формы того же вспомогательного глагола, например, *alıyorsam* (из *alıyor isem*) „если я беру“, *alacaksam* (из *alacak isem*) „если я возьму“ и т. п.;

3) формы модальности на *-miş*, образованные при помощи причастия прошедшего времени от того же вспомогательного глагола, например, *alıyormuş* (из *alıyor imiş*) „он де (кажется, говорят) берет, брал“, *alacakmış* (из *alacak imiş*) „он де (кажется, говорят) возьмет“ и т. п.;

4) временное дееспричастие, образованное из причастия того же вспомогательного глагола, т. е. формы типа *alıırken* (из *alır iken*) „когда он берет, брал, будет брать“ и т. п.

Исторически редуцированными, далее, являются следующие отдельные глагольные и именные (в числе их также и отглагольные) формы: *ayrı* (из *ayırı*) „отдельный“, *çevre* (из *çevire*) „круг“, „контур“, *kıvrak* (из *kıvırak*) „скрученный“, „завитой“, *çığırış* (из *çığırış*) „крик“, „шум“, *sivri* (из *siviri*) „остроконечный“, *uyku* (из *uyuku*) „сон“, *dernek* (из *derinek*) „кружок“, *oynamak* (из *oynamak*) „играть“, *çağırılmak* (из *çağırılmak*) „быть позванным“, „быть созванным“, *doğrulmak* (из *doğrulmak*) „быть рожденным“, *yanlış* (из *yanılış*) „ошибка“, *komşu* (из *konuşu* с последующим переходом *n* в *m* под влиянием *o* и *u*) „сосед“, *süprüntü* (из *süpürüntü*) „сор“, „мусор“, *ilerde* (из *ileride*) „впереди“, „в дальнейшем“, *içerde* (из *içeride*) „внутри“, *dışarda* (из *dışarıda*) „снаружи“, *yukarda* (из *yukarıda*) „наверху“, *dirlik* (из *dirilik*) „жизнь“ и некоторые другие.

Кроме перечисленных форм, давно закрепившихся в языке, в речи часто происходит выпадение заднего *i* в указанных выше условиях, например, *ачладжак* (пишется *açılacak*) „он откроется“, *байлмак* (пишется *bayılmak*) „упасть в обморок“, *насл* (пишется *nasıl*) „какой“, „как“ и т. п. Исчезнувший гласный повсюду окружен согласными вышеуказанного состава.

Наконец, выпадение узкого гласного внутри слова наблюдается и в некоторых заимствованиях, например, *dakka* (из ар. *dakika*) „минута“, *pişman* (из перс. *peşiman*) „раскаивающийся“, *harta* (из ар. *harita*) „географическая карта“, *hazne* (из ар. *hazine*) „казна“, „сокровищница“ и др.

Выпадение безударных гласных в начальном положении относится к числу столь же редких явлений, что и ослабление гласного в том же положении. Чаще всего выпадает или слог, состоящий из одного гласного, или же узкий гласный в закрытом первом слоге, находящийся перед щелевыми; например, *Стámбул*, *Стámбол* (из *İstanbul*) „Стамбул“, *штé* (из *işte*) „вот“, *стасьён* (из *istasyon*) „станция“, „вокзал“ и др.

Выпадение широких гласных исторически происходило в отдельных изолированных случаях. Сюда относятся сложившиеся еще в старосманском языке: *üzre* (из *üzere*) — послелог со многими значениями,

nasıl (из *ne asıl*) „какой“, *burda* (из *burada*) „здесь“, *orda* (из *orada*) „там“, *nerde* (из *nerede*) „где“, *niçin* (из *ne için*) „для чего“, „почему“, *yalvaç* (из *yalavaç*) „пророк“, „посланец“ и др.

Многочисленные случаи выпадения узких негубных гласных в заимствованиях наблюдаются лишь в тех словах, в которых узкий гласный является вторичным. Так, например, в персидском по происхождению существительном *şehir* „город“ гласный второго слога возник впоследствии, между тем как в исходной форме это слово произносилось как *šehr*, без гласного. При наращении его аффиксом с начальным гласным в слове *şehir* вторичный гласный выпадает, и, таким образом, восстанавливается исходная форма слова, например, *şehirimiz* „наш город“, *şehir* „городу“ и т. п. Другие примеры арабских по происхождению слов: *akıl* „ум“, *aklına* „его уму“; *vakit* „время“, *vaktimiz* „наше время“; *nehir* „река“, *nehrimiz* „наша река“; *akit* „заклучение“ (договора и пр.), *akte* — то же слово в дательном падеже; *fetih* „завоевание“, *fethi* „его завоевание“; *akis* „эхо“, „отражение“, *akse* — то же слово в дательном падеже; *resim* „рисунок“, *resmi* „его рисунок“ и т. д.

В разговорном языке и в территориальных диалектах многие из арабских слов, давно освоенных в речевой практике народа, часто сохраняют вторичный узкий гласный, возникший на почве турецкой фонетики; например, *sınıf* „класс“, *sınıfı* (а не *sinfi* как полагалось бы) „его класс“; *ömür* „жизнь“, *ömürü* (а не *ömrü*) „его жизнь“ и т. п. То же наблюдается даже в турецких по происхождению словах. Ср., например, *boyunu* вместо *boynu* „его шея“ и др.

Узкий этимологический гласный (долгий или краткий) в арабских словах сохраняется во всех положениях. Примеры: *seyit* „господин“, „потомок пророка Мухаммеда“, *seyide* — то же слово в дательном падеже; *şerit* „тесьма“, „галун“, *şeridi* „его тесьма“; *tabir* „выражение“, „термин“, *tabirimiz* „наше выражение“; *talik* „откладывание“, „отсрочка“, *talike* — то же слово в дательном падеже; *talim* „обучение“, „упражнение“, *talimi* „его упражнение“; *tamir* „исправление“, „ремонт“, *tamire* — то же слово в дательном падеже; *vüsuk* „достоверность“, „надежность“, *vüsuku* „его достоверность“, „надежность“ и т. д.

2. ОСЛАБЛЕНИЕ И ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Редукция согласных в турецком языке развита меньше, чем редукция гласных. Однако это верно лишь для случаев полного выпадения согласных. Ослабление же последних распространено в языке не меньше, чем у гласных. В разговорном языке и в территориальных диалектах ослабление согласных наблюдается шире, чем в литературном.

Ослаблению и выпадению подвергаются преимущественно щелевой *h* и щелевой *ğ* (как происходящий из *γ*, так и из *g*), *y*, частично *v*, до известной степени сонорные *r*, *l* и отчасти *n*.

Как правило, полностью редуцируются гортанные согласные в заимствованиях из арабского языка. В определенных фонетических условиях полной редукции подвергаются смычные *t* и *k*.

Среди перечисленных согласных губно-зубной щелевой *v* подвергается полной редукции относительно реже других. Чаше наблюдается его ослабление, что выражается в замене *v* узким губным гласным *u* (называемым в фонетических работах по тюркским языкам иногда „гласным“ *u*). Примеры на ослабление согласного *v* попутно приводились в разделе 5Б предыдущей главы. К ним следует добавить случаи ослабления *v* между согласными и широкими гласными, особенно сонорными, например, *evli* („произносится близко к *эүли*“) „женатый“, *avlu* (произносится близко к *аүлу*) „двор“, *yavru* (произносится близко к *яүру*) „детеныш“, „птенец“ и др. Наиболее сильному ослаблению подвергается *v* между гласными. Если один из них является узким губным, то *v* может выпадать. Ср., например, *sovuk* || *soğuk* (часто произносится *соук*) „холодный“, *tavuk* (часто произносится *таук*) „курица“, *suvarmak* (нередко произносится *суармак*) „орошать“, *dövüş* (произносится часто *дөүш*) „драка“, „потасовка“, *sövüş* (произносится нередко *сөүш*) „брань“, „оскорбление“ и т. п.

Как уже неоднократно отмечалось, смычные *k* и *k'* в литературном языке между гласными редуцируются. При этом согласный *k* выпадает полностью, ассимилируясь предшествующему ненёбному гласному, откуда возникает вторичная, комбинаторная (или, как еще иногда называют, заместительная) долгота предшествующего гласного, например, *karak* „крышка“, *karaği* „его крышка“, *karağa* „крышке“; *ouuk* „углубление“, „дыра“, „пещера“, *ouuği* „его пещера“, *ouuğa* „пещере“; *sirik* „жердь“, *siriği* „его жердь“, *siriğa* — то же слово в дательном падеже и т. п. В приведенных и подобных им словах заднеязычный глухой смычный между гласными редуцируется полностью, и эти слова произносятся соответственно: *капаы* (точнее, как среднее между *капаа* и *капай*), *капаа*, *оюу*, *оюа*, *сырыы*, *сырыа*. Исторически полному выпадению заднеязычного *k* предшествовало его озвончение в форме *ɣ*, как это наблюдается в известной части турецких территориальных диалектов и в других тюркских языках.

Кроме полного выпадения заднеязычного *k* на стыке основы и аффикса, такой же редукции механически подвергся и корневой увулярный звонкий сонант *ɣ* в собственно турецких словах, притом в любом положении этого согласного, за исключением лишь абсолютного начала слова. Говоря о корневом (этимологическом) характере увулярного звонкого *ɣ*, обычно имеют в виду его не комбинаторное происхождение, хотя исторически корневой *ɣ*, разумеется, также имел свой путь образования, независимый от комбинаторного *ɣ* (см. выше), и вместе с последним в дальнейшем подвергся полной редукции на общих основаниях. Ср., например, следующие формы: *bar-bar bağırmaк* произносится *барбар бармак* (из *bağır-bağır bağırmaк*) „орать во всю глотку“, *barsak* наряду с *bağırsak* „кишки“, „внутренности“, *ayol!* (из

ay oğul) „эй, милый!“, „эй, паренек!“ и др. В приведенных формах исчез даже след первоначального *ğ*, т. е. заместительная долгота предшествующего гласного. Однако в большинстве случаев комбинаторная долгота сохраняется, что можно видеть в примерах типа *yağ* (произносится *я̄*) „масло“, „жир“, *sağ* (произносится *cā*) „живой“, „здоровый“, *ağ* (произносится *ā*) „сеть“, *buğ* (произносится *bū*) „вождь“, „начальник“, *siğ* (произносится *çī*) „мель“, „отмель“ и др.

Этимологический *γ* в словах арабского и персидского происхождения не обнаруживает тенденции к механической редукции. В нарушение изложенного выше правила арабский и персидский „гайн“ *ğ* (*γ*) в окружении гласных заднего ряда иногда заменяется заднеязычным звонким смычным *g*. Примеры: *lûgat* (произносится *люgam*) „словарь“, *belâgat* (произносится *беляgam*) „красноречие“, *taganni* (произносится *таганни*) „пение“, *tegafûl* (произносится *тегафүль*) „недосмотр“, „невнимательность“, *mugalebe* (произносится *мугалебе*) „соперничество“, „состязание“, *mugayır* (произносится *мугайыр*) „противоположный“, „противоречащий“, *muganni* (произносится *муганни*) „певец“ и др.

Вместе с тем еще большее число слов, имеющих в своем составе „гайн“, в произношении уже его утратило, и эти разговорные формы утвердились в литературном языке. Ср., например, *tağara* (произносится *māra* или *маара*) „пещера“, *tağaza* (произносится *māza* или *мааза*) „магазин“, *tubalağa* (произносится *мубалая*) „преувеличение“ и т. д. Как правило, *ğ* (*γ*) редуцируется перед согласными, например, *taglûr* (произносится почти как *māлюr*) „побежденный“, *tagyır* (произносится близко к *та'йыр*) „изменение“, „порча“, *mağdur* (произносится близко к *māдур*) „обманутый“, „потерпевший“, *istiğrak* (произносится близко к *исти'рак*, *истй'рак*) „погружение“, „сосредоточенность“ и т. п. Иногда при редукции *ğ* в указанном положении от него остается слабый след, который в произношении может выявляться с разной степенью четкости, как, например, в слове *та'йыр* и аналогичных.

Редукция среднеязычного *k'* выражается в том, что в интервокальной позиции он вместо ожидаемого *g* заменяется сонорным *y*, который в свою очередь может подвергаться полной редукции. Последнее чаще всего наступает между *e* и *i*, а также одинаковыми гласными переднего ряда. Исторически редукции и полному выпадению среднеязычного *k'* предшествовало его озвончение в форме среднеязычного *g'*, что наблюдается в других языках, например в большинстве кыпчакских.

В турецком языке звонкий *g'* в интервокальной позиции относится к крайне редким явлениям и наблюдается в нововведенных словах вроде *egemen* „суверен“, *egemenlik* „суверенитет“, которые наряду с произношением *эгемен* и *эгеменлик* употребляются уже и в более закономерной для турецкой фонетики форме *эмен*, *эменлик*. Примеры на редукцию и выпадение среднеязычного *k'* в интервокальной позиции: *bilek* „запястье“, *bileği* (произносится *билейи* и даже *билей* с полной редукцией *g*) „его запястье“; *gelmek* „приходить“, *gelmeği* — то же слово в винительном падеже (произносится *гельмейи* и даже *гельмей*

с полной редукцией *g*), *gelmeğe* — то же в дательном падеже (произносится *гельмеэ* и даже *гельмеэ́* с полной редукцией *g*); *kemik* „кость“, *kemiği* (произносится *кемийи́* и *кемий* с полной редукцией *g*) „его кость“, *kemiğe* (произносится *кемиэ́*, нередко *кемиэ́* с полной редукцией *g*) „кости“ (дательный падеж); *gözlük* „очки“, *gözlüğe* (произносится *гөзльүэ́*, иногда *гөзльүэ́* — с полной редукцией *g*) „очкам“, *gözlüğü* (произносится *гөзльүйү́*, часто *гөзльүйү́* с полной редукцией *g*) „его очки“ и т. д.

Отдельные случаи полной редукции среднеязычного смычного *g* (через ступень *y*): *yirmi* „двадцать“ (исторически из *yigirmi* через ступени *yigirmi* > *yirmi* > *yirmi*), *yigit* (произносится *йиит*) „молодец“, „храбрый“; *değirmen* (произносится *дэйирмен* и *дэирмен*) „мельница“, *değişmek* (произносится *дэйишмек* и *дэишмек*) „меняться“, *seğirmek* (произносится *сейирмек* и *сеирмек*) „двигаться“, „подергиваться“, *ciğer* (из перс., произносится *джиер* и *джиэр*) „печень“, „легкое“; *dîğer* (из перс., произносится *диер* и *диэр*) „другой“, *eğe* (произносится *эе* и *ээ*) „напильник“, *eğer* (из перс., произносится *эер* и *ээр*) „если“, *iği* (произносится *ийи* и *ии*) „веретено“, *iğilmek* (произносится *ийильмек* и *иильмек*) „наклоняться“, „сгибаться“, *üğü* (произносится *үйү* и *үү*) „сова“, *çöğür* (произносится *чөйүр*, *чөүр*) „чертополох“, *döğüş* (произносится *дөйүш* и *дөүш*, а также *дөвүш*) „драка“, „сражение“, *düğün* (произносится часто *дүүн*) „свадьба“, *göğüs* (произносится *гөйүс* и *гөүс*) „грудь“, *öğüt* (произносится *өйүт* и *өүт*) „наставление“, „совет“, *yeğen* (произносится *еен* и часто *еэн*) „племянник“, „племянница“, *züğürt* (произносится часто *зүүрт*) „бедный“, „безденежный“ и др.

Среднеязычный смычный *g'* редуцируется вообще после нёбных гласных, а также в конце слова. Случаи вроде *tig* (из перс., произносится *тиг*) „меч“ единичны.

Примеры: *değmek* (произносится *деймек*) „касаться“, „трогать“, *eğdirmek* (произносится *эйдирмек*) „заставить гнуть“, *değnek* (произносится *дейнек*) „палка“, „посох“, *öğle* (произносится *өйле*) „полдень“, *öğrenmek* (произносится *өйренмек*) „учиться“, „приучаться“, *seyrek* || *seğrek* (произносится *сейрек*) „редкий“, „редко“, *iğne* (произносится *ийне* и *йне*) „иголка“, *iğrenç* (произносится *ийренч* и *йренч*) „отвращение“, „отвратительный“, *iğri* (произносится *ийри* и *йри*) „кривой“, *bey* (из *beg*) „бей“, „господин“, *değ!* (произносится *дей*) „трогай!“, *eğ!* (произносится *эй*) „гни!“ и др.

Среднеязычный сонорный *y* во всех его вариантах в отношении редукции находится в таком же положении, что и *g* после и между гласными переднего ряда. Если согласному *y* предшествует другой согласный, то редукции вообще не происходит, например, *tezyit* (произносится *тэзыйит*) „увеличение“, *isyap* (произносится *исьян*) „восстание“, *üryan* (произносится *урьян*) „нагой“, „голый“ и т. д. В отдельных случаях в разговорном языке возможно выпадение сонорного *y* в окружении широкого с узким или одних широких нёбных гласных; например, *böyk* (*böyük*, *büyük*, пишется так же) „большой“, *kөэ* (из *köye*,

пишется так же) „деревне“, *гельмеэ* (из *gelmeğe*, пишется так же) „чтобы прийти“ и т. п.

При наличии двух соседних слогов, начинающихся с *y*, возможно их слияние (гаплогия), особенно при быстрой речи; например, *окуйым* (из *okuуayım*, как оно и пишется), иногда даже *окийым* „прочту-ка я“; *başlayımtı*? (из *başlıуayım mı*? пишется так же) произносится *башлайыммы*? „начать ли мне?“ и т. п.

Особое положение занимает соединительный согласный *y*. После гласных переднего ряда соединительный¹ согласный ближе к *i*, в связи с чем он легче подвергается полной редукции. После гласных заднего ряда он ближе к сонорному *y* и потому менее подвержен редукции. Ср., например, *masaya* (*masa+y+a*, произносится *масая*) „столу“ (дательный падеж), *masayı* (*masa+y+i*, произносится *масайы*) „стол“ (винительный падеж); *yaziya* (*yazi+y+a* произносится *языя*) „статье“ (дательный падеж), *yazıyı* (*yazi+y+i*, произносится *языйы*) „статью“ (винительный падеж); *koruya* (*koru+y+a*, произносится *коруя*) „роще“ (дательный падеж), *koruyu* (*koru+y+u*, произносится *корую*) „рощу“ (винительный падеж) и др. Соединительный согласный сохраняется также при безударном положении соседних гласных, например, *taşıyanlar* (*taşı+y+an+lar*, произносится *ташыянар*) „несущие“, *patlayıcı* (*patla+y+i+cı*, произносится *патлайджы*) „взрывчатый“, *almıуayım* (*almı+y+a+y+ım*, произносится *алмыяым*) „не возьму-ка я“ и т. д.

Примеры на редукцию *y* в соседстве с гласными переднего ряда: *kediyi* (*kedi+y+i*, произносится *кедийи* и *кедиуи*) „кошку“ (винительный падеж), *keçiyi* (*keçi+y+i*, произносится *кечийи* и *кечийи*) „козу“ (винительный падеж), *silgiyi* (*silgi+y+i*, произносится *сильгийи* и *сильгийи*) „тряпку“ (винительный падеж), *lekeyi* (*leke+y+i*, произносится *лекейи* и *лекейи*) „пятно“ (винительный падеж) и т. п.

Сонорный *r* может ослабляться и исчезать перед согласными, что наблюдается в разговорном языке, чаще при небрежной речи. В целом полная редукция *r* не имеет регулярного характера и образует сумму отдельных случаев. Примеры: *fırlatmak* (произносится *фырлатмак* с нечетким *r*) „подбрасывать вверх“, „метать“ и др.; *kurtarmak* (произносится *куртармак* с сильно ослабленным *r* — почти как *кутармак*) „освобождать“, „избавлять“; *hırslı* (произносится *хырслы* с сильно ослабленным *r*) „страстно желающий“, „алчный“, „разгневанный“ и др.

К случаям полного выпадения *r* принадлежат: *pek* (исторически из *berk* „крепкий“) „очень“, „весьма“, *pekitmek* (исторически из *berkitmek*) „укреплять“, „делать твердым“, *arslan* (произносится *аслан* и лишь в тщательной литературной речи *арслан*) „лев“. Ср. также *birşey* (в разговорном языке часто *бишей*) „что-то“, *birdaha* (в разговорном языке часто *бйдаха*) „еще раз“, *bir de* (в разговорном часто *бйда*) „и еще“, *biraz* (в разговорном нередко *буаз*) „немного“, *göz kırpmak*

¹ Согласный *y* с неменьшим правом можно называть и разделительным, так как он отделяет конечный гласный основы от начального гласного аффикса, устранив, таким образом, зияние, о котором говорится в разделе 1 следующей главы.

(в разговорном часто *göz kылмак*) „щурить глаза“, „мигать“ и некоторые другие.

Редукция другого сонорного, плавного *l* наблюдается сравнительно редко и выражается в приглушении его после ненёбных гласных. Полное выпадение *l* носит единичный характер; например, *kalktım* (в разговорном языке произносится часто *кактым*) „я встал“, *kitlemek* (наряду с *kilitlemek*) „запирать на замок“, *kitli* наряду с *kilitli* „запертый на замок“ и некоторые другие.

Сюда же относятся отдельные случаи частичной или полной гаплогии, например, *mücadeleri* вместо *mücadeleleri* „их борьба“, *Anadolu* вместо *Anadolulu* „анатолиец“, „житель Анатолии“, *şimden sonra* вместо *şimdiden sonra* „после этого“, „в дальнейшем“.

Такой же эпизодический характер носит выпадение сонорного носового *n*, например, *sonra* (произносится, как правило, *сõра*) „затем“, „после“. Довольно часто можно наблюдать ослабление *n* после *a* и *o*, в результате чего предшествующий гласный назализуется. Примеры: *anladım* (произносится *анладым*, *аннадым*) „я понял“, *dinledim* (произносится *динледим*, *диннедим*) „я послушал“, *kondurmak* (произносится *кондурмак*) „заставить класть“, *kundak* (произносится *кундак*) „пеленки“, „приклад“ и др.

В единичных случаях редуцируется полностью *t* в положении между согласными, из коих первый является щелевым, второй — смычным, реже щелевым. Примеры: *rasgelmek* (из *rastgelmek*) „встретить“ (случайно), *çifletirmek* (из *çiftleştirmek*) „делать парным“, „сочетать“, *çifçi* (из *çiftçi*) „хлебопашец“, „земледелец“, *çiflik* (из *çiftlik*) „имение“, „хозяйство“ и другие производные от персидского *çift*. Сюда же относятся производные от *üst* „верх“, например, *üstgelmek* (произносится *усьгельмек*) „превосходить“, *üstbaş* (произносится *усьбааш*) „верхняя одежда“, *üstegmen* (из *üst tegmen*, произносится *усьтэ́ймен*) „старший лейтенант“, *üstyarı* (произносится *усьяпы*) „надстройка“, *üst kat* (произносится *уськам*) „верхний этаж“ и т. п.

Смычный *k* в конце имен полностью редуцируется перед уменьшительно-ласкательными и сравнительными аффиксами $\frac{-cık}{-çık}$, $\frac{-cik}{-çik}$, $\frac{-cuk}{-çuk}$, $\frac{-cük}{-çük}$ и $\frac{-cak}{-çak} \parallel \frac{-cek}{-çek}$. Выпадение *k* в подобных случаях объясняется качественным сходством слогов: конечного слога имени с исходом на *k* и уменьшительно-ласкательного аффикса *-cik*. Процесс редукции здесь аналогичен выпадению слогов с начальным *y* (гаплогия), рассмотренному выше. Примеры: *yüzücük* (из *yüzük + cük*) „колечко“, *köpecik* (из *köpek + cik*) „собачка“, *oyucuk* (из *oyuk + cuk*) „дырочка“, *küçük* (из *küçük + cük*) „малюсенький“, *büyücek* (из *büyük + cek*) „довольно большой“ и т. п.

Что падение *k* в рассматриваемых случаях объясняется сходством слогов, видно из того, что те же имена при других аффиксах с начальным $\frac{c}{ç}$ не теряют своих конечных *k*; например, *balıkçı* (из *balık + çı*)

„рыбак“, *gözlükçü* (из *gözlük* + *çü*) „оптик“, *yardakçı* (из *yardak* + *çı*) „пособник“, „соучастник“ и др.

Известный в турецком языке с древнейших времен глухой фарингальный щелевой *h*, отсутствующий в коренных словах большей части языков тюркской группы и вошедший в последние вместе с лексическими заимствованиями, объединил собой три согласных арабского и персидского языков, а позже и *h* европейских языков. Все три арабоперсидских согласных, а именно ح (=фарингальному *h*), ه (=слабому фарингальному *h*) и خ (=глубоко заднеязычному *x*) в произношении давно уже унифицировались и в современном литературном языке передаются, за малыми отклонениями, в двух вариантах: то как ه , то как ح . Однако произношение этого согласного часто ослабляется, доходя порой до нуля. В то же время устойчивость согласного *h* нередко связана с происхождением его.

Наиболее слабым является *h*, происходящий из ه . В начале слова он имеет в общем устойчивое произношение: ср. *hani* „где?“, „ну-ка“, *hediye* „подарок“, *her* „каждый“, *hemen* „тотчас“ и др.¹

Внутри слова перед и после согласного *h* уже ослаблено, но от него еще остается достаточно ясный след; например, *nehre* (произносится *нэ^hре*) „река“, *tehlike* (произносится *тэ^hлике*) „опасность“, *tehdit* (произносится *тэ^hдит*) „угроза“, *bühtan* (произносится *бү^hтан*) „клевета“ и др. В данной позиции согласный *h* может и выпадать; ср. *şehir* (произносится *чэ^hрэ*) „лицо“, „физиономия“, *şehvet* (произносится *ше^hвет*, *шэ^hвет*) „вожделение“, *bedava* (из *bedhava*) „бесплатный“, „бесплатно“, *teçhiz* (произносится *тэч^hис*) „снаряжение“, „оснащение“, *tübhet* (произносится *мүп^hэм*) „неясный, смутный“, *şübhe* (произносится почти как *шүп^hэ*) „сомнение“ и др.

В конце слова *h* в общем произносится как после согласного внутри слова и может выпадать; например, *tezgâh* (произносится *тэзгя^h* с весьма слабым *h*) „верстак“, „станок“, „прилавок“, *gûnah* (произносится *гюна^h* с весьма слабым *h*) „грех“, „проступок“, *allah* (произносится почти как *алла*) „аллах“.

Слабее всего позиция *h* между гласными, где он по большей части выпадает; ср. *şehit* (произносится часто *шэит*) „павший на войне“, *daha* (произносится почти как *даа*) „еще“, „снова“, *bahâ* (произносится почти как *баа*) „цена“.

Согласный *h*, происходящий из ح , наиболее устойчив в начальной позиции, как и предшествующий *h*, например, *haiz* „обладающий“, *hazır* „готовый“, „присутствующий“, *har* „пилюля“, *harp* „война“ и многие другие. Более или менее четко слышно *h* (ح) между гласными и достаточно четко перед согласным внутри слова, например, *tahakkuk* (произносится *таха^hккук*) „подтверждение“, *muharebe* (произносится

¹ Имеются, впрочем, случаи выпадения *h* в начале слова. Ср., например, *hiçkirmak* || *ıçkırmak* „рыдать“, „всхлипывать“ и некоторые другие; список их приводится, в частности, у Ж. Дени („Grammaire...“, § 83).

муhareбе) „бой“, „сражение“, *muhafaza* (произносится *мухафаза*) „охрана“, „защита“, *tahlil* (произносится *тахлиль*) „анализ“, *tahkim* (произносится *тахким*) „укрепление“, *mahrum* (произносится *махрум*) „лишенный“ и др. Слабее всего позиция *h* (ح), как и *h* (ه), после согласных; ср. *inhisar* (произносится *ин^hисар*, *ин'исар*) „ограничение“, „монополия“, *tashih* (произносится *мас^huh*, *мас'uh*) „исправление“, *methetmek* (произносится *мет'этмек*, *мед'этмек*) и т. д., а также в конце слов после *i*, например, *fatih* (произносится *фату^h* с весьма слабым *h*) „завоеватель“ и др.

Наиболее устойчивым из всех трех является *h*, происходящий из ح. В разговорном языке он нередко произносится как *x*, что единогласно подтверждается всеми исследователями. За немногими исключениями рассматриваемая разновидность *h* почти во всех позициях и особенно в начале слова произносится отчетливо.

Примеры: *hain* (произносится *хаин*) „изменник“, „предатель“, *halı* (произносится *халы*) „ковер“, *haber* (произносится *хабер*) „известия“, „вести“. Перед согласными *h* (ح) часто произносится как среднее между *h* и *x*; например, *tahrip* „разрушение“, *tahsisat* „ассигнование“, „стипендия“, *tahmin* „предположение“, *muhtelif* „различный“, „разнообразный“. После согласных *h* (ح) находится в наиболее слабой позиции и может редуцироваться. Ср. *aşhane* (произносится *аш^hанэ* с весьма слабым *h*) „столовая“, *rasathane* (произносится *расат^hанэ* с таким же слабым *h*) „обсерватория“, *tersane* (из *tershane*) „док“, „верфь“, *dersane* (из *dershane*) „аудитория“ и др. Между гласными *h* (ح) недостаточно устойчив и наряду со случаями вроде *muhalif* (произносится *мухалиф*) „противник“, *muhabir* (произносится *мухабир*) „корреспондент“, где *h* слышится достаточно четко, имеются отдельные случаи выпадения этого согласного, как, например, *eczane* (из *eczahane*) „аптека“, *postane* (из *postahane*) „почтамт“ и немногие другие.

Сравнивая между собой все случаи ослабления и выпадения щелевого *h* разного происхождения, можно сказать, что наиболее устойчив он в начале слова, в остальных позициях неустойчив, и здесь можно наблюдать резкое ослабление и нередко полное выпадение этого звука, наиболее неустойчивого среди всех согласных.

Арабские гортанные ع („айн“) и ه („хемзе“) в современном литературном языке в устах младшего и в известной степени среднего поколения турецкой интеллигенции окончательно исчезли. Лишь отдельные представители более старшего поколения турецкой интеллигенции пытаются еще иногда искусственно произносить эти звуки. В общенародном же языке арабские смычно-гортанные не произносились вообще. Да и в речевом обиходе столичной интеллигенции рассматриваемые согласные чаще всего редуцировались, сливаясь с окружающими гласными, о чем свидетельствуют подробные транскрипционные записи, сделанные Г. Бергштрессером после первой мировой войны. Лишь после согласных сохранялся иногда след гортанного, выражавшийся в кратком перерыве артикуляции, например, *mesele* (произносилось

мэс'элэ) „вопрос“, „проблема“, *vaka* (произносилось *vak'a*) „событие“, „случай“, *katî* (произносилось *kat'u*) „окончательный“, „категорический“ и т. д. После гласных, особенно после *i*, точнее между ним и согласным, гортанные также редуцировались, на почве чего возникала вторичная долгота. В таком положении от гортанного временами оставался след, напоминающий *y* (*ÿ*) или смягченный *x'* (*xb*), например, *istimal* (произносилось *истм'мал*) „употребление“, „пользование“, *itibarile* (произносилось часто *ит'ибарйле*¹) „в отношении...“, и т. д.

Перенесение столицы Турции в Анкару и усиление влияния разговорных норм городского населения Центральной Анатолии ускорили процесс высвобождения турецкого литературного произношения от чуждых ему норм, и все эти особенности стамбульского произношения арабских слов, свойственные в общем верхушке турецкой интеллигенции, уже потеряли свое значение.

Действующая орфография, и в первую очередь орфографический словарь современного турецкого языка², до известной степени уже отразили тенденции давно начавшегося и развивающегося далее процесса изменения орфоэпической базы литературного языка, что нашло свое выражение и на передаче арабских слов с гортанными. Из словаря исчезли недавно еще такие привычные традиционные написания, как *kit'a* „страна“, „воинская часть“, *mer'iyet* „уважение“, „вступление в силу“, *mer'a* „луг“, „пастбище“, *in'ikat* „заключение“, „созыв“, *iş'ar* „письменное извещение“, „уведомление“, *vak'a* „событие“, „факт“ и многие другие, замененные более правильными начертаниями *kita*, *meriyet*, *mera*, *inikat*, *işar*, *vaka*. Тем не менее в известной части арабских слов орфографический словарь еще сохранил апостроф для передачи гортанного согласного, скорее отдавая дань письменной традиции, чем живому произношению.

Гораздо важнее другая особенность арабских слов, также связанная с присутствием гортанных, когда последние оказываются в абсолютном конце слова. Хотя гортанные и в этом случае подвергаются редукции и элизии, однако такие арабские слова при словоизменении рассматриваются как оканчивающиеся на согласный, и потому показатели принадлежности при них употребляются с соединительными гласными,

т. е. в форме $\frac{-im}{-im}$, $\frac{-um}{-üm}$, $\frac{-in}{-in}$, $\frac{-un}{-ün}$, $\frac{-i}{-i}$, $\frac{-u}{-ü}$, $\frac{-imiz}{-imiz}$, $\frac{-umuz}{-ümüz}$, $\frac{-iniz}{-iniz}$, $\frac{-unuz}{-ünüz}$.

Показатели родительного, дательного и винительного падежей в живой речи употребляются в большинстве случаев в формах для имен с конечными гласными, хотя строгой последовательности здесь не наблюдается. Примеры на possessивные формы арабских имен с конечным гортанным приводились в главе II при рассмотрении ع.

¹ Во многих языках кыпчакской группы гортанный в указанной позиции и нередко между гласными заменяется увулярным сонорным *ɣ*.

² *İmlâ kılavuzu*, Ankara, 1942. Новейшее издание этого словаря, вышедшее в последние годы, оказалось для автора настоящей работы недоступным.

Описанные выше типичные и отдельные случаи редукции гласных и согласных до известной степени зависят от уровня грамотности говорящих и от темпа речи. Влияние этих факторов оказывается незначительным при явлениях типичной редукции звуков в собственно-турецких словах и более существенным в частных случаях редукции, равно как и в отношении заимствованных слов, в первую очередь арабских и персидских. При тщательной и внятной речи (например, у артистов сцены и радио, у профессиональных чтецов, ораторов) ослабление и выпадение звуков в отдельных словах наблюдается меньше и, наоборот, при быстрой и небрежной речи ослабление и выпадение звуков в тех же отдельных формах становится заметно сильнее. В произношении арабских или персидских слов у лиц, знакомых с этими языками, заметно стремление передать подобные слова в традиционной произносительной форме, в то время как в народной речи такое стремление, по понятным причинам, отсутствует.

Во всех решительно случаях редукции главным и определяющим остается значение слова. Если слово или словосочетание не переосмыслено, процесс редукции может продолжаться лишь до известных пределов, не нарушающих связи между значением слова и его формой в сознании говорящих. Этим и объясняется возможность употребления в языке таких стяженных (сильно редуцированных) форм, как приводившееся выше *kitlemek* „запирать на замок“ или *kardaş, kardeş* (из *karındaş*) „брат“, *peki* (из *pek iyi* „очень хорошо“) „ладно“, приводившиеся *orda* „там“, *burda* „здесь“ и другие¹, где стяженная форма более или менее сохраняет свою связь с исходным фонетическим обликом слова. Наоборот, когда значение слова подвергается переосмыслению, процесс редукции может заходить далеко, вплоть до полной потери связи с исходной формой. Ср., например, *bildir* (из *bir yıldır* „вот уже год, как...“) „в прошлом году“, *köpöğlü* (из *köpek oğlu* дословно „собачий сын“) „пройдоха“, приводившееся выше *ayol!* (из *ay oğlu!* „сын!“) „эй, милый!“, „эй, ты!“, „послушай-ка!“

Сильному стяжению подвергаются, в частности, словосочетания иноязычного происхождения, поскольку смысловая связь элементов таких сочетаний остается неизвестной для массы говорящих еще в момент заимствования, либо же она теряется в дальнейшем развитии и переосмыслении словосочетания. Ср., например, *çarşamba* (из перс. *čāhar—šāmbā*) „среда“, *perşembe* (из перс. *pāndž—šāmbā*) „четверг“.

¹ Ср. также анатолийские диалектальные формы *alyom* (из *alıyorum*) „я беру“, *veryon* (из *veriyorsun*) „ты берешь“.

V. ТИПЫ СЛОГОВ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И СТЕЧЕНИЕ ФОНЕМ

В турецком слоге а также в односложных словах невозможны любые комбинации гласных и согласных. Турецкий слог может состоять из одного гласного, например, *a-yı* „медведь“, *a-ra* „промежуток“, *o-va* „долина“, *u-çak* „самолет“ и т. д. Такой двусторонне открытый слог может быть в любой части слова, однако в середине и конце его появление в собственно турецких словах всегда имеет комбинаторное происхождение, например, *u-ça-ğ-ı* „его самолет“, которое в связи с выпадением *ğ* (ʔ) и образованием комбинаторной долготы произносится *y-ça-yı*; в заимствованных же словах два конечных гласных в турецком языке удерживаются лишь при известных условиях (об этом ниже). Комбинаторным происхождением объясняются также корни *iğ* (произносится *ий*, но также *ī*) „гни“, *oğ*! (произносится *ō*) „три!“

Турецкий слог может состоять из гласного и согласного, встречаясь в любом положении за исключением конца слова, где появление такого слога возможно лишь в результате выпадения *ğ* (ʔ). Примеры: *al-tı* „шесть“, *en-se* „затылок“, *or-man* „лес“ и т. д.

К этому же типу относятся многие односложные корни, например, *ak* „белый“, *at* „лошадь“, *it* „собака“, *al* „бери“, „возьми“, *iç* „пей“ и др. Если такому закрытому слогу предшествует другой первоначально закрытый слог, то последний перестраивается, и слогораздел передвигается назад, в результате чего первоначально закрытый слог превращается в открытый, а следующий за ним — в двусторонне закрытый. Например, глагольная основа *açıl-* „открываться“ состоит из закрытого корневого слога *aç-* „открывать“ и показателя страдательного залога *-ıl* т. е. *aç+ıl*, но слоговое строение его будет *a+çıl*. Точно так же невозможно сочетание рассматриваемой разновидности закрытого слога с предшествующим открытым слогом, так как в этом случае рядом оказываются два гласных, что в словах турецкого корня фонетически недопустимо. Исключение составляет стечение гласных комбинаторного происхождения, достаточно распространенного в турецком языке (см. раздел А данной главы), и стечения в заимствованных словах.

Турецкий слог может состоять, далее, из согласного, гласного и согласного, встречаясь в любой части слова, если только за ним не

следует гласный следующего слога. Примеры: *ör-dek* „утка“, *yan-gin* „пожар“, *an-dır* „напоминай“ и т. д. Если следующий слог начинается с гласного, то закрытый слог описываемого строения превращается в открытый, так как его конечный согласный переходит в следующий слог, и слогораздел передвигается назад, например, *kov-* „гнать“, но *ko-van* „гоняющий“, *baş* „голова“, но *ba-şa* „голове“ и т. п.

Огромное число корней строится по данному слоговому типу, например, *saç* „волосы“, *göz* „глаза“, „глаз“, *kol* „рука“, *sat-* „продавать“ и т. п. Бесспорное преобладание в турецком и вообще тюркских языках односложных корней закрытого строения послужило основанием для широко распространенного в тюркологии взгляда об их первичности.

Следующий тип слога является открытым и состоит из согласного и гласного. Такой слог может появляться в любой части слова и сочетаться со структурно иными слогами за исключением тех случаев, когда последующий слог начинается с гласного, и, таким образом, рядом оказываются два гласных. Примеры: *ka-pa-lı* „закрытый“, *şa-ka-cı* „шутник“, *sı-cak* „теплый“, *ser-gi* „выставка“, *se-yir-ci* „зритель“ и т. п. Турецких корней рассматриваемого слогового строения весьма мало. К числу их относятся: *ye-* „есть“, „кушать“, *de-* „говорить“, „сказать“, *ko-* (устар.) „класть“, *su* „вода“, *bu* „этот“, *şu* „тот“ и немногие другие.

Турецкий слог может состоять также из гласного и двух согласных определенного способа образования и притом в зависимости от положения слога в слове. Подробно об этом говорится в разделе 2 данной главы. Описываемый тип слога может сочетаться со слогами иного строения за исключением случаев, указанных выше для слога с начальным гласным и одним согласным. При последующем открытом слоге, состоящем из одного гласного, второй согласный предшествующего слога переходит в соседний слог, и слогораздел устанавливается между согласными, например, *ilk* „первый“, *il-kin* „впервые“, *örs* „наковальня“, *ör-se* „наковальне“ и т. п. В турецком языке сравнительно немного односложных основ рассматриваемого строения. Из числа их можно назвать: *art* „задняя сторона“, *üst* „поверхность“, *alt* „низ“, *ant* „клятва“ и немногие другие. Число односложных заимствований с двумя конечными согласными больше.

Последний тип турецкого слога, также закрытого, отличается от предыдущего своим начальным согласным и, таким образом, представляет собой двусторонне закрытый слог. Все сказанное о предыдущем типе закрытого слога с двумя конечными согласными полностью применимо и к данному типу. Следующий за таким слогом другой, начинающийся с гласного, в результате перемещения слогораздела наращивается начальным согласным, например, *dört* „четыре“, *dör-de* „четырем“, *türk* „турок“, *tür-ke* „турку“ и т. п. За исключением последнего случая двусторонне закрытый слог с двумя конечными согласными может появляться во всех позициях, в любой комбинации с другими слогами. Примеры: *ye-dirt-mek* „заставить дать поесть“, *silk-ti* „он встряхнул“,

dik-tirt-mek „заставить отдать в пошивку“ и др. Собственно турецких односложных корней данного строения в общем немного, например, *sark-* „свисать“, *kork-* „бояться“, *kirk-* || *kırp-* „стричь“, „обрезать“, *kırk* „сорок“, *borç* „долг“, *kürk* „мех“ и др. Иноязычные по происхождению элементы того же строения также занимают сравнительно небольшое место в турецком словаре.

Как видно из краткого обзора строения турецкого слога, в языке отсутствуют открытые и закрытые слоги с двумя начальными согласными, а два согласных в конце слога, как было замечено, допустимы лишь в определенной комбинации.

1. СТЕЧЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Стечение (или зияние), т. е. непосредственное соседство двух гласных, в собственно турецких словах недопустимо по правилам фонетики турецкого языка. Стечение гласных мало наблюдается также и в заимствованных словах. Это правило имеет абсолютный характер, пока речь идет о первоначальном (этимологическом) соседстве двух гласных. Однако в целом ряде случаев в собственно турецких словах, равно как и в огромном числе заимствованных слов, на почве постепенного ослабления и в дальнейшем исчезновения согласного гласные могут оказаться в непосредственном соседстве, и стечение здесь имеет, таким образом, вторичное происхождение. В подробностях вторичное или комбинаторное стечение гласных будет рассмотрено дальше.

Этимологическое стечение гласных на границе основы и аффикса, а также в многочисленных заимствованиях восточного и западного происхождения, всегда устраняется при помощи разделительного¹ полугласного *i* (*y*) или согласного *u*, в особых случаях при помощи губного согласного *u*.

Так, разделительный *y*, который в зависимости от места образования разделяемых гласных может быть то ближе к *i*, то ближе к *u*, появляется регулярно перед словообразовательными или словоизменительными аффиксами, начинающимися с гласного, когда они присоединяются к основам с конечным гласным. Например, существительное *ada* „остров“, оканчивающееся на гласный *a*, в винительном и дательном падежах получает формы *adayı* и *adaya*, где конечные *i* и *a* являются показателями названных падежей, а *y* разделительным (или соединительным) согласным, устраняющим зияние; существительное *tepe* „вершина“ в тех же падежах имеет формы *tepeyi* и *tepeye*, где *i* и *e* являются показателями винительного и дательного падежей, *y* — разделительным полугласным (здесь более близким к *i*, чем к согласному *u*); существительное *tipi* „мятель“ имеет падежные формы *tipiyi* и *tipiye*, в которых *i* и *e* — показатели названных падежей, а *y* — разделительный полугласный, весьма близкий к *i*. Другие примеры: существительные

¹ О терминах „разделительный“ и „соединительный“ см. в сноске на стр. 87, раздел 2 главы IV.

dinleyici „слушатель“ и *okuyucu* „читатель“ образованы от глагольных основ *dinle-* „слушать“ и *oku-* „читать“ с конечными гласными, за которыми следует разделительный *y* (в первом случае весьма близкий к *i*, во втором случае совпадающий с согласным *y*) и далее варианты

именного словообразовательного аффикса $\frac{-ici}{-ucu}$ (состоящего из $\frac{-i}{-u} + \frac{-ci}{-cu}$)

с начальным гласным; деепричастия *taşıyarak* „переносся“ и *taşıyıp* „перенесши“ состоят из глагольной основы *taşı-* „переносить“, „перевозить“, разделительного согласного *y* и деепричастных показателей *-arak* (= *-a + rak*) и *-ıp*, начинающихся с гласного.

Разделительный полугласный или согласный *y* появляется в заимствованиях во всех тех случаях, где имеется этимологическое стечение гласного *i* с *a*, *o* или *u*. Таким путем в турецком языке получились формы, подобные *biyoloji* (из фр. *biologie*) „биология“, *diyagram* (из фр. *diagramme*) „диаграмма“, *diyorit* (из фр. *diorit*) „диорит“, *diapazon* (из фр. *diapason*) „диапазон“ и др., а также ряд заимствований из других языков. Разделительный *y* появляется иногда также на границе заимствованной основы и аффикса, также не турецкого происхождения, например, *dahiyane* (из ар. *dahi* „гений“ и персидского суффикса наречия *-ane*) „гениально“, *asiyane* (из ар. *asi* „мятежник“ и того же суффикса *-ane*) „мятежно“ и т. п.

В известной части европейских заимствований, преимущественно французских, при этимологическом стечении *u + a* (фр. *oi*) возникает разделительный губной согласный *v*, который произносится или как губно-зубное *v* или как губно-губное *w*. Примеры: *konservevuar* (из *conservatoire*) „консерватория“, *suvare* (из *soirée*) „вечер“, „вечеринка“, *fümüvar* (из *fumoir*) „курительная комната“, *tuvalet* (из *toilette*) „туалет“, *burjuva* (из *bourgeois*) „буржуа“ и т. п.¹

Если указанные гласные следуют в противоположном порядке, зияние устраняется путем замены узкого губного гласного губно-зубным или губно-губным *v*, например, *lokavt* (из англ. *lock-out*) „локаут“, *blokhavz* (из *block-house*) „блокгауз“, *boyskavt* (из англ. *boy scout*) „бойскаут“, *kavçuk* (из *caoutchouc*) „каучук“ и т. п.

Этимологическое соседство гласных заметно больше в заимствованиях из французского. Как правило, здесь возможно непосредственное соседство лишь широких *e + a* или *e + o*, как и в отдельных словах, вошедших в турецкий из арабского языка. Почти все французские заимствования рассматриваемого типа относятся к научным терминам. Примеры: *realist* (из *réaliste*) „реалист“, *realizm* (из *réalisme*) „реализм“ и другие из той же группы значений, *teori* (из *théorie*) „теория“, *teorem* (из *théorème*) „теорема“, *jeolog* (из *géologue*) „геолог“, *jeoloji* (из *géologie*) „геология“ и т. п. В единичных случаях типа *reel* (из фр. *réel*) „реальный“ возможно стечение *e + e*.

¹ Таким образом, описываемый процесс принципиально имеет тот же характер, что и отмечавшееся В. В. Радловым возникновение губно-губного *w* между конечным долгим *i* основы и начальным гласным аффикса („Phonetik . . .“, § 316).

За вычетом случаев, приведенных сейчас, стечение гласных имеет, как уже отмечалось в начале данного раздела, комбинаторное происхождение.

Комбинаторное стечение гласных в собственно турецких словах наступает главным образом при редукции $\check{g}$ (γ), $\check{g}$ (y , происходящее из g), среднеязычного сонорного y , отчасти r , v и некоторых других согласных в положении между гласными, в первую очередь и чаще всего между гласными заднего ряда и при определенном сочетании гласных переднего ряда. Гласные, оказавшиеся таким путем в соседстве, могут в дальнейшем сохраниться, но процесс редукции при известных условиях может развиваться и дальше, в результате чего соседние гласные образуют дифтонг или долгий гласный. Во всех этих случаях конечный результат процесса редукции (и ассимиляции) в значительной мере зависит от качества самих гласных, от отношения их к словесному ударению и до известных пределов от темпа речи и грамотности говорящего.

Если при комбинаторном стечении сталкиваются качественно разные гласные заднего ряда¹, и ударение падает на второй из этих гласных, то, как указывает Ф. Е. Корш², такие гласные в общем сохраняются, — независимо от того, где образовалось зияние в слове. Таким путем возникают в произношении формы, подобные *soŭk* (пишется *soğuk*) „холодный“, *boáz* (пишется *boğaz*) „горло“, „глотка“, *boá* (пишется *boğa*) „бык“, „буйвол“, *doán* (пишется *doğan*) „сокол“, *soán* (пишется *soğan*) „лук“, *су́джуá* (пишется *sucuğa*) „колбасе“ (дательный падеж), *оюá* (пишется *oyuğa*) „дыре“, „пещере“ (дательный падеж), *солуá* (пишется *soluğa*) „дыханию“, *ё́урт* (пишется *yoğurt*) „кислое молоко“, „простокваша“, *ястыá* (пишется *yastığa*) „подушке“ (дательный падеж), *казыá* (пишется *kazığa*) „колу“ (дательный падеж), *сыáр* (пишется *siğar*) „поместится“ (3-е л. ед. ч. настояще-будущего времени от глагола *siğ-* „помещаться“, „вмещаться“) и многие другие — все с выпавшим $\check{g}$ (γ). В произношении довольно часто встречаются формы, подобные *та́ук* (пишется и произносится *tavuk*) „курица“, *ка́ун* (пишется и произносится *kavun*) „дыня“, *да́ул* (пишется и произносится *davul*) „барабан“ и т. п., возникающие на почве выпадения v .

При комбинаторном стечении $a+i$ (на почве выпадения того же $\check{g}$) конечный результат зависит не только от ударного положения i , но также от позиции указанных гласных в слове: если i находится в абсолютном конце слова и образует, таким образом, открытый слог, то стечение гласных чаще (но не всегда!) сохраняется; если гласный i находится в конечном закрытом слоге, то сочетание $a+i$ может перейти в двойное или долгое a . На этом основании все формы типа *и́саǵı* (от *и́сак*) „его самолет“, „самолет“ (винительный падеж), *ауаǵı* (от *ауак*)

¹ За исключением комбинации $a-i$, о чем ниже.

² Ф. Е. Корш. Слово „ба́лдак“ и долгота гласных в турецких языках. „Живая старина“, вып. 2—3, СПб., 1909, стр. 160.

„его нога“, „ногу“ (винительный падеж), *aḡi* (от *aḡ*) „его сеть“, „сеть“ (винительный падеж), *kusaḡi* (от *kusak*) „его объятия“, „объятия“ (винительный падеж), *alacaḡi* (от *alacak*) „то, что он возьмет“, „то, что он должен взять“ и т. п. произносятся чаще как *уча́ы*, *ая́ы*, *а́ы*, *куджа́ы*, *аладжа́ы*, где *а* и *ы* являются слоговыми гласными, и реже как *уча́а*, *ая́а*, *а́а*, *куджа́а*, *аладжа́а*.

Наоборот, формы типа *kāḡit* „бумага“, *aḡir* „тяжелый“, *saḡir* „глухой“¹, *baḡir* „печень“, „сердце“, частично приводившиеся в разделе 5 главы III, и некоторые другие произносятся с удвоенным *а*, которое при беглой речи переходит в долгое *а*, например, *кя́ат* и *кь́ат*, *аар* и *а́р*, *саар* и *с́ар*, *баар* и *б́ар*. Правда, не во всех аналогичных случаях наблюдается описываемый процесс качественной ассимиляции и широкому *а*. Ср., например, *aḡil* „загон для скота“, *saḡim* „удой“, *yaḡış* „дождь“, „осадки“, *yaḡız* „смуглый“, *daḡil-* „расходиться“, „быть распушенным“ и другие, которые произносятся, как *а́ыл*, *са́ым*, *я́ыш*, *я́ыз*, *да́ыл*. Случаи перехода ударного *ы* конечного слога в *а* составляют меньшинство, но они важны для характеристики условий стяжения гласных. Учитывая общую тенденцию к расширению у ударных негубных узких гласных в конце слова, можно, не впадая в преувеличение, сказать, что в турецком языке ударный *ы* конечного слога после *а* стремится к слиянию с ним или во всяком случае к переходу в данный звук.

В этом отношении чрезвычайно показательны записи, которые были сделаны более чем сорок лет назад крупнейшим советским тюркологом академиком В. А. Гордлевским² во время его пребывания в Стамбуле. Хотя ученый и не ставил перед собой чисто фонетических задач, тем не менее его тонкая наблюдательность не позволила ему пройти мимо описываемого явления, и последнее нашло свое отражение в записях автора. Из числа примеров приведем здесь следующие: (поговорка) *bır gemi limon jedirsen, dişlerini uşuşadja* (вместо *uşuşadja*) *joktur* (стр. 7) „если дать ему поесть целый корабль лимонов, то (все равно) зубы у него не заноят“; *арынын курназы шеһире идермиш, аһмаа* (вместо *аһмаы*) *көве идермиш* (стр. 19) „говорят, хитрая пчела летит в город, глупая — в деревню“; *кафа дежил ја, бал кабаа* (вместо *кабаы*) (стр. 26) „не голова, а медовая тыква“ и др.

¹ Ср. диалектальное *саар* (Н. К. Дмитриев. Заметки по болгарско-турецким говорам. Докл. Акад. Наук СССР, серия филологическая, 1927, № 10, стр. 213). Поэтому представляется чересчур категорическим утверждение Ф. Е. Корша, что „...стяжению гласных *а* и *ы* препятствует ударение на *ы* и сознание сопринадлежности всех флексивных форм того или иного из этих (т. е. приведенных автором. — Э. С.) слов“ (Слово „ба́лдак“..., стр. 160). Что касается осознания говорящим сопринадлежности различных форм одного и того же слова, то и это обстоятельство в ряде случаев не препятствует стяжению гласных, что отчасти видно из примеров самого автора. Однако при всех этих оговорках положение акад. Ф. Е. Корша о роли ударения при стяжении гласных сохраняет свое принципиальное значение.

² В. А. Гордлевский. Образцы османского народного творчества. М., 1916.

Аналогичные явления отмечены акад. В. А. Гордлевским и в отношении перехода конечного *и* в *э*, например, *milki* не качса, *eñ ijdjü* геледжее (вместо геледжеи) *kjrkçü djk'k'any* дыр (стр. 67) „сколько бы лиса ни убегала, дальше лавки меховщика ей не убежать“ и др.

При качественно однородном составе соседних гласных последние сохраняются при том же условии, т.е. если второй гласный находится в ударном положении. Ср., например, *dağa* (произносится *даá*) „горé“, *bağa* (произносится *баá*) „лягушка“, „черепашка“, *tabağa* (произносится *табаá*) „тарелке“, *okutağa* (произносится *окумаá*) „чтобы читать“, *kaşığı* (произносится *кашыы*) „его ложка“, „ложку“ (винительный падеж), *balığı* (произносится *балыы*) „его рыба“, „рыбу“ (винительный падеж), *yazdığı* (произносится *яздыы*) „то, что он пишет, написал“, *bolluğu* (произносится *боллуу*) „его изобилие“, „изобилие“ (винительный падеж), *konuğı* (произносится *конуу*) „его гость“, „гость“ (винительный падеж), *tuttuğı* (произносится *туттуу*) „то, что он ловит, поймал“ и т. п. При беглой речи двойные *aa*, *yy*, *uu* могут переходить в соответствующие долгие *ā*, *ī*, *ū*. Ко всем вышеприведенным примерам следует присоединить также соответствующий материал из предшествующей главы о редукции *υ*.

Комбинаторное стечение безударных гласных обычно оказывается неустойчивым и переходит часто в дифтонг или долгий гласный, хотя при внятной речи возможно сохранение гласных, оказавшихся в непосредственном соседстве.

Стечение безударных гласных неустойчиво и в сложных словах. Здесь оно также дает в итоге долгий гласный, но нередко один из гласных полностью выпадает. Ср., например, *karaaç*, *karāç* из *kara-ağaç* „вяз“ и др.

Если под ударением находится первый из соседних гласных, то последние сливаются чаще всего в долгий гласный. Различные случаи вторичной долготы в подробностях описаны дальше.

Стечение гласных переднего ряда возможно главным образом на почве выпадения этимологического или комбинаторного *y*, но так как последнее не носит столь регулярного характера, как выпадение *ğ* (*γ*), то и стечение передних гласных не всегда наступает автоматически.

Для комбинаторного стечения передних гласных ударение играет такую же определяющую роль, что и при гласных заднего ряда. В общем стечение здесь также оказывается устойчивым, если второй гласный находится в ударном положении, например, *tüfeii* наряду с *tüfeği* (пишется *tüfeği*) „ружье“ (винительный падеж), „его ружье“, *döşei* наряду с *döşeyi* (пишется *döşeyi*) „матрац“ (винительный падеж), „его матрац“, *döñeñdei* наряду с *döñeñdeyi* (пишется *döñeseği*) „то обстоятельство, что он вернется“, *keseyi* наряду с *keseyi* (пишется *keseyi*) „кошелек“ (винительный падеж), *ıçmeş* наряду с *ıçmeş* (пишется *ıçmeşe*) „чтобы пить“, *kirpiii* (пишется *kirpiği*) „его ресницы“, *birliii* (пишется *birliği*) „союз“ (винительный падеж), „их союз“, *derii* на-

ряду с *дерийи* (пишется *deriyi*) „шкуру“ (винительный падеж), *күчүү* наряду с *күчүйү* (пишется *küçügü*) „меньший из них“, *гөрүдүү* наряду с *гөрүдүйү* (пишется *gördügü*) „то, что видел, видит“ и т. п. Сюда же необходимо присоединить примеры, приводившиеся в разделе, посвященном редукции *k, g, y, v*. Ср. также распространенные в территориальных диалектах турецкого языка *ичмеэ* „чтобы пить“, *гезмеэ* „чтобы гулять“, *шей* „вещь“ (винительный падеж), *девей* „верблюда“ (винительный падеж), *эй* „хороший“, „хорошо“ и др.¹

Если под ударением находится первый из гласных, то стечение оказывается неустойчивым, и гласные развиваются либо в дифтонг, либо в комбинаторный долгий гласный.

Если оба гласных безударны, то при беглой речи гласные разного качества могут образовать дифтонг. Однако при нормальном темпе речи стечение передних гласных может оказаться устойчивым, например, *чичеиндэ* (пишется *çiçeğinde*) „в его цветке“, *эилік* наряду с *эйилік*, *иилік*, *ийилік* (пишется *eyilik, iyilik*) „добро“, *вереджеиміз* наряду с *вереджейиміз* (пишется *vereceğimiz*) „то, что мы должны дать“. При однородных гласных возможно их частичное слияние, но даже в этом случае сохраняется восприятие обоих гласных, например, *geldiğime* произносится почти как *гельдиимэ* „к моему приходу“, *istemediğinden* произносится почти как *истэмедииндэн* „так как он не желал“, *bölügümüz* произносится почти как *бөлүүмүз* „наш отряд“, *düğünü* произносится часто *дүүнү* „его свадьба“ и т. п.

Отдельные случаи стечения гласных в результате выпадения *v, r* см. в предыдущей главе, в разделе о редукции согласных.

В заимствованиях арабского происхождения с редуцированными на конце „айном“ и „һемзе“ при наращении их аффиксами с начальными гласными также возникает комбинаторное стечение гласных, если ударение падает на второй гласный. Хотя все заимствования подобного рода попадают в турецкий язык в редуцированной форме, фактически имея на конце гласный, тем не менее стечения данного типа приходится также считать комбинаторными, поскольку аффиксы принадлежности и другие показатели при таких словах употребляются, как при именах с конечными согласными, о чем говорилось в главе II и разделе 2 главы IV.

Дополнительные примеры: *ihtirai* (из *ihtira*, произносится *ихтирайи*) „его изобретение“, *tevazui* (из *tevazu*, произносится *тевазуу*) „его смирение“, *maniin* (из *mani*, произносится *манийин*) „твое препятствие“, *imtinaim* (из *imtina*, произносится *имтинайм*) „мое воздержание“, *ircai* (из *irca*, произносится *ирджайи*) „его возвращение“ и т. п.

Наоборот, если под ударением находится первый из гласных, то стечение оказывается неустойчивым, и гласные могут слиться. Ср.,

¹ Н. К. Дмитриев. Заметки..., стр. 212.

например, *kariim* (из *kari*, произносится *карийм*) „мой читатель“ и *karim* (произносится *карийм* наряду с *карийм*, *карийим*) „я читатель“, *maniim* (из *mani*, произносится *манийм*) „мое препятствие“ и *manim* (произносится *манийм* наряду с *манийм*, *манийим*) „я являюсь препятствием“ и т. п.

Так как гортанные согласные во всех арабских заимствованиях выпадают полностью в любом положении, то стечение гласных возможно в любой части арабского слова. В арабских заимствованиях довольно часты стечения широких негубных с узкими губными, например, *taun* „чума“, *tuamele* „обращение“, „операция“, *muadil* „равный“, „эквивалентный“, *muavin* „помощник“, *müessese* „учреждение“, *müellif* „автор“, „писатель“, *müessir* „эффективный“, „действенный“ и многие другие. Достаточно часты также стечения одинаковых гласных, большей частью внутри слова, например, *maas* „содержание“, „жалование“, *maarif* „просвещение“, *teessüs* „установление“, „учреждение“, *teessüf* „сожаление“, „огорчение“ и т. д.; стечение внутри слова задних и передних негубных широких, например, *teati* „обмен“, *teali* „возвеличение“, *beraet* „оправдание“ (по суду) и др. Сюда же относятся многие арабские прилагательные типа *sinai* „индустриальный“, „искусственный“, *cinai* „уголовный“ и т. п.

Описанные случаи зияния в арабских заимствованиях, как и большинство фонетических процессов, специфичных для этого лексического пласта турецкого языка, сохраняют свою силу главным образом в литературном языке. В разговорном же языке процессы, связанные с заимствованными словами, проявляются лишь частично хотя бы по одному тому, что процент арабских слов здесь значительно ниже и по сферам значений более ограничен, чем в литературном языке. Впрочем и в последнем при сочетании широких *a* и *e* с узким *i* зияние устраняется путем деления их полугласным или среднеязычным сонантом *y*. В произношении таких слов, как *şair* „поэт“, *dair* „относящийся“, *daima* „постоянно“, *şiar* „лозунг“, *mesai* „труды“, „усилия“, *kâin* „существующий“, „живущий“ и т. п., с разной степенью четкости возникает разделительный полугласный, и приведенные слова произносятся почти как *да^йир*, *да^йима*, *ши^йар*, *меса^йи*, *кя^йин*.

Как показывает материал данного раздела, для устойчивости комбинаторного стечения гласных как в собственно турецких словах, так и в большей части заимствований определяющее значение имеет ударение, роль которого в области турецкого языка специально выяснялась акад. Ф. Е. Коршем. „Сила ударения на конце в османском языке, — говорит Ф. Е. Корш, — дает себя чувствовать не только при разных гласных, ... но и при одинаковых...“¹ Последующие исследования в данной области, проведенные Г. Бергштрессером и другими зарубежными тюркологами, вновь подтвердили выводы Ф. Е. Корша, не внося теоретически ничего нового.

¹ Ф. Е. Корш. Слово „бáлдак“ ..., стр. 161.

А. Дифтонги

Вопрос о дифтонгах относится к числу наименее изученных явлений фонетики турецкого языка. То, что приводится у некоторых исследователей (Г. Бергштрессер) в качестве дифтонгов, при ближайшем рассмотрении оказывается разнородным по своему составу материалом, лишь частично относящимся к дифтонгам и свидетельствующим об отсутствии у исследователя определенного критерия для выделения дифтонгов в турецком языке.

Дифтонги как особый тип гласных фонем в турецком языке отсутствуют. Однако на почве редукции и стяжения (а также иногда в небрежной и беглой речи) турецкие гласные часто сливаются, и таким комбинаторным путем образуются фонетические дифтонги. Под ударением они более устойчивы; в безударном положении комбинаторные дифтонги нередко теряют свою устойчивость, в результате чего слабый неслоговой гласный полностью редуцируется, а слоговой гласный, сливаясь с соседним (если только последний того же качества, что и слоговой гласный), образует долгий гласный.

Среди комбинаторных дифтонгов турецкого языка наиболее устойчивы нисходящие, образованные с неслововым *i* (на письме *y*), причем среди нисходящих дифтонгов более всего устойчивы те, которые начинаются с широких слоговых гласных *a*, *e*, *o*, *ö*, или узких гласных *ı*, *u* заднего ряда. Таким образом, наименее устойчивыми являются дифтонги, начинающиеся со слоговых *i* и *ü*.

Дифтонг *aı*: *konuşmaktaydı* (из *konuşmakta idi*) „он (тогда) беседовал“, *alsaydı* (из *alsa idi*) „если бы он взял“, *hocaymış* (из *hoca imiş*) „он, мол, учитель“, *atmaktayken* (из *atmakta iken*) „когда он стреляет“, *baltayla* (из *balta ile*) „с топором“, „топором“, *buradaysa* (из *burada ise*) „если он здесь“, *bakaydı* (из *baka idi*) „поглядеть бы ему (тогда)“, *tarladayken* (из *tarlada iken*) „будучи на поле“ и т. п.

Дифтонг *eı*: *gelmekteydi* (из *gelmekte idi*) „он тогда приходил, продолжал приходить“, *bahçedeydi* (из *bahçede idi*) „он был в саду“, *gezmekteyken* (из *gezmekte iken*) „когда он гулял, продолжал гулять“, *evdeymiş* (из *evde imiş*) „он, мол, дома“, *tekneyle* (из *tekne ile*) „с корытом“, „корытом“ и т. п.

Дифтонг *ıı*: *aldıydı* (из *aldı idi*) „он взял (давно)“, *buna karşıysa* (из *buna karşı ise*) „если он против этого“, *arkadaşymış* (из *arkadaşı imiş*) „он, де, его товарищ“, *satıcı mıydı?* (из *satıcı mı idi?*) „он был продавцом?“ и т. п.

Дифтонги с гласными *o* и *ö* могут образоваться лишь в заимствованных словах, так как в коренных турецких словах названные гласные, как правило, не встречаются далее первого слога (см. главу III). Дифтонг с *o* или *ö* образуется на границе слова и различных форм вспомогательного глагола *imek* „быть“.

Дифтонг *uı*: *doluysa* (из *dolu ise*) „если он полный“, *kuymuştuysa* (из *kuymuşu imiş*) „он, мол, ювелир“, *buldu mu?* (из *buldu mu idi?*)

„нашел ли он (тогда)?“, *oğluyla* (из *oğlu ile*) „со своим сыном“, *komşuyken* (из *komşu iken*) „будучи соседом“, *kuruydu* (из *kuru idi*) „он был сухой“ и т. п.

Дифтонг *üi*: *gördüydü* (из *gördü idi*) „он видел (давно)“, *kötüyse* (из *kötü ise*) „если плохой“, *güçlüymüş* (из *güçlü imiş*) „он, мол, сильный“; *örtülü müydü?* (из *örtülü mü idi?*) „было ли покрыто?“, *ütüyle* (из *ütü ile*) „с утюгом“, *türlü türlüken* (из *türlü türlü iken*) „будучи разными“ и т. п.

Дифтонг *iî* даже под ударением часто бывает неустойчивым и может превратиться в долгий гласный как в корневых, так и в наращенных формах. Наиболее устойчив дифтонг *iî* в конечном ударном положении, например, *çiğ* (произносится *чий* и реже *чй*) „роса“, *giy!* (произносится *ий!*, иногда *гй!*) „надены!“, *iy* (произносится *ий*, изредка *й*) „запах“, „благоухание“, так же произносятся омонимы *iğ* „веретено“ и *iğ!* „нагни!“ Дифтонг *iî* в ударном положении в наращенных формах: *verdiydi* (из *verdi idi*, произносится *вердййди* и реже *вердйди*) „он отдал (давно)“, *erdiyse* (из *erdi ise*, произносится *эрдййсе* и реже *эрдйсе*) „если он достиг“, *yerliymiş* (из *yerli imiş*, произносится *ерлийймиш*) „он, мол, местный“, *diriyyken* (из *diri iken*, произносится *дирййкен* и реже *дирйкен*) „будучи жив“, *annesiyle* (из *annesi ile*, произносится *аннесййле* и гораздо чаще *аннесйле*, *аннесйле*) „со своей матерью“ и т. п. Дифтонг в безударном положении: *çiğnetek* (произносится *чиñнеmek*, *чйнеmek*) „жевать“, „топтать“, *giymek* (произносится *ийñмек*, *йñмек*) „надевать“, *iğne* (произносится *иñне*, *йñне*) „игла“, „шип“, *vermediyse* (из *vermedi ise*, произносится *вёрмедййсе*, *вёрмедйсе*) „если он не дал“, *vermediydi* (из *vermedi idi*, произносится *вёрмедййди*, *вёрмедйди*) „он не дал (давно)“, *iyyi miydi?* (из *iyyi mi idi?*, произносится *иййймиди*, *иймйди*) „был ли он здоров“ и т. п.

Восходящие и нисходящие дифтонги, состоящие из широкого и узкого (или полуузкого) гласного (кроме *i*, рассмотренного выше), в корневых турецких словах образуются на почве выпадения согласных, чаще всего *ğ*, *y*, *v* (в арабских заимствованиях на почве выпадения гортанных) и не имеют в сравнении с рассмотренными выше устойчивого и регулярного характера. Возможность образования дифтонгов описываемого состава связана с беглым характером речи, а также с ударением, что прямо вытекает из анализа Ф. Е. Корша, данного им для явлений стяжения в тюркских языках, в частности для турецкого. Дифтонг образуется, если оба гласных безударны или под ударением находится широкий гласный. Обратимся к разновидностям дифтонгов.

Восходящие дифтонги. Дифтонг *ia*¹: *sığar* произносится *сы́ар* „вместится“, „поместится“, *vakia* (ар., произносится *ва́кья*) „действи-

¹ Знаком ^ под буквой обозначается неслоговой гласный. Значок — над буквами обозначает дифтонг.

тельно“, „правда“, *nafla* (ар., произносится *на́фья*) „общественные работы и т. д.

Дифтонг *ya*: *suvarmak* (при беглой речи часто произносится *суар-ма́к*) „орошать“, *çivallar* (при беглой речи иногда произносится *чуалла́р*) „мешки“, *çocuğa* (часто произносится *чоджу́а*) „ребенку“ (дательный падеж); *bolliğa* (часто произносится *боллу́а*) „обилию“ (дательный падеж) и т. п.

Дифтонг *ra*: *boğa* (при беглой речи часто произносится *бо́а*) „бык“, „буйвол“, *boğaz* (нередко произносится *бо́аз*) „горло“, „глотка“, *soğan* (нередко произносится *со́ан* или *со́ан*) „лук“, *doğan* (часто произносится *до́ан*) „рождающийся“, „возникающий“, *çoğaltmak* (часто произносится *чо́алма́к*) „увеличиваться“, „возрастать в количестве“ и т. п.

Дифтонг *ye*: *güve* (при беглой речи нередко произносится *гү́э* наряду с *гүвэ*) „моль“, *güvercin* (при беглой речи произносится *гү́эрджин* наряду с более частым *гүверджин*) „голубь“, *köprüye* (при небрежной речи иногда произносится *көпру́э* наряду с более обычным *көпруе*) „мосту“ (дательный падеж), *kütüğe* (в небрежной речи произносится *күтү́э*, обычно же *күтүе*) „пню“ (дательный падеж) и т. п.

Дифтонг *öe*: *göğe* (иногда произносится *гө́э* рядом с более распространенным *гөе*) „небу“, *göğertmek*, *gövermek* (произносится иногда *гө́эрме́к* наряду с более обычным *гөрме́к*) „голубеть“, „становиться голубым“, *döğər* (при беглой речи иногда произносится *дө́эр* наряду с более частым *дөвэр*) „он побьет“, *köye* (иногда *кө́э* наряду с обычным *көе*) „деревне“ (дательный падеж) и т. п.

Нисходящие дифтонги. **Дифтонг** *ay*: образуется при безударном положении гласных и нередко переходит в долгий *a*. Примеры: *çağıldamak* (при беглой речи часто произносится *ча́ылдамáк*) „журчать“, *çağılçağıl* произносится *ча́ылча́ыл* (звукоподражание журчанию), *bağımsız* (произносится *ба́ымсы́з*) „независимый“, *bağışlamak* (произносится *ба́ышлама́к*, *баышлама́к*) „дарить“, „прощать“, *dağılmak* (произносится *да́ылма́к*, *даылма́к*) „расходиться“, „рассеиваться“, *sağımlılık* (произносится *са́ымлылы́к*) „удойность“, *dağınıklık* (произносится *да́ыныклы́к*) „разбросанность“, „беспорядок“ и т. п.

Дифтонг *ay*: *tavşan* (при беглой речи произносится нередко *та́ушáн*) „заяц“, *avdette* (при беглой речи *аудеттэ́*) „при возвращении“, *davulcu* (нередко произносится *да́улдж́у* наряду с *давулдж́у*) „барабанщик“, *ağustos* (произносится *аусто́с*) „август“ и т. п.

Дифтонг *oy*: *soğukluk* (произносится *соу́клýк*, *соу́клýк*) „холод“, „прохлада“, *boğumlu* (произносится *боу́млý*, *боу́млý*) „узловатый“, *çoğunluk* (произносится *чоу́нлýк*, *чоу́нлýк*) „большинство“, *doğurtmak* (произносится *доу́рма́к*, *доу́рма́к*) „рождать“, „порождать“ и т. п.

Дифтонг *öy*: *göğüslük* (произносится *гө́йүсьлýк*, *гө́үсьлýк*) „нагрудник“, *göğümtül* (произносится *гө́йүмтýль*, *гө́үмтýль*) „голубоватый“, „синеватый“, *böğürtü* (произносится *бө́йүртý*, *бө́үртý*) „рев“, „мычание“, *öğürdemek* (произносится *ө́йүрьдемéк*, *ө́үрьдемéк*) „рыдать“, „сто-

нать“, *ögüldemek* (произносится *өйүльдемек*, *өүльдемек*) „метаться“, „брыкаться“ и т. п.

Б. Долгота гласных

В отличие от якутского, туркменского, гагаузского языков и некоторых других в турецком языке до самого последнего времени не находили первоначально (этимологически) долгих гласных¹. Долгота в коренных турецких словах обычно имеет комбинаторное происхождение, как и в громадном большинстве других тюркских языков. Этимологическая долгота известна в турецком литературном языке лишь в арабских заимствованиях, да и то скорее в устах верхушечных слоев интеллигенции. В общенародном разговорном турецком языке арабские долгие гласные вообще имеют слабое отражение, как и большая часть фонетических особенностей, свойственных заимствованиям.

Как уже указывалось и неоднократно было показано на примерах в разделах о редукции согласных, стечении гласных и дифтонгах, вторичная (комбинаторная) долгота гласных в турецком языке возникает в результате выпадения согласных или полугласных (как, например, в дифтонгах) и реже в результате стяжения соседних гласных как в корнях или основах, так равно и в производных (наращенных) формах. Основной вид долгих гласных вторичного образования в турецком языке составляют гласные первого рода, т. е. возникшие на почве выпадения известных согласных. В сравнении с этой, так называемой заместительной долготой (или, как называл Ф. Е. Корш, „вознагражденным протяжением“), долгота второго рода (т. е. возникающая на почве слияния гласных, оказавшихся в соседстве, опять же вследствие падения разделяющего их согласного) имеет в турецком языке ограниченное распространение, что объясняется меньшим развитием в нем процессов стяжения в сравнении с другими тюркскими языками юго-западной группы, например, туркменским, не говоря уже о языках Алтая или Сибири, а главное тем, что образованию устойчивой долготы в подобных случаях препятствует морфологическое членение слова, сильно развитое у говорящих по-турецки.

Наиболее регулярно, в сущности чисто механически, образуется заместительная долгота в конце слов и закрытых слогов, оканчивающихся на *ğ*, после гласных заднего ряда, а также в ряде случаев после *i*, *ü*. Ко многим примерам, приводившимся в предыдущих разделах в связи с редукцией согласных, стечением гласных и дифтонгами; здесь можно

¹ Однако новейшие наблюдения показывают, что этимологически долгие гласные имеются и в некоторых диалектах турецкого языка. О них см. Dr. Z. Korkmaz. Batı Anadolu ağızlarında asli vokal uzunlukları hakkında. Türk dili araştır. yaylığı, Belleten, Ankara, 1953.

О долгих гласных вообще в турецком языке см. L. Ligeti. Les voyelles langues en Turc. Journal Asiatique, 1938. То же самое в Türkiyat mecmuası, VII—VIII.

присоединить другие, например, *çağ* (произносится *чā*) „время“, „пора“, „возраст“, *çırağ* (произносится *чырā*) рядом с более употребительным (*чырак*) „слуга“, „ученик“, „подмастерье“, *ağrı* (произносится *āры*) „боль“, „скорбь“, *çağlıyan* (произносится *чāлыян*) „водопад“, „каскад“, *dağdağa* (произносится *дāдāā*) „шум“, „неразбериха“, „суета“, *pağte* (ар., произносится *nāме*) „мелодия“, „напев“, *yağlık* (произносится *ялык*) „салфетка“, „платок“, *çığırışmak* (произносится *чбырышмак*) „звать друг друга“, „кричать“, „перекрикиваться“, *siglik* (произносится *сйлык*) „мель“, „отмель“, *doğramak* (произносится *дōрамак*) „резать“, „крошить“, *oğlak* (произносится *ōлак*) „козленок“, *yoğrultmak* (произносится *ēрулмак*) „быть замешанным“ (о тесте), *başbuğ* (произносится *башбū*) „полководец“, *tuğ* (произносится *mū*) „султан“, „бунчук“, *Muğla* (произносится *Mūла*) (название города), *tuğla* (произносится *mūла*) „кирпич“, *uğramak* (произносится *ūрамак*) „заходить“, „посещать“, *uğru* (произносится *ūру*) „путь“, „след“, „вор“ и т. п.

Образование заместительной долготы в результате выпадения *ğ* после ненёбных гласных не зависит от ударения, как это видно в приведенных примерах. При нёбном гласном *i*, отчасти *ü* возникновение долготы в результате выпадения *ğ* или *y* не носит механического характера, и ударение уже играет заметную роль: дифтонги *iğ*, *iü*, частично *üğ*, *üy* в безударном положении легче переходят в долгие гласные, чем в ударном, хотя при известных условиях, в первую очередь перед звонкими смычными, образование заместительной долготы возможно и при ударном положении дифтонга.

При беглой и небрежной речи переход указанных дифтонгов в долгие гласные осуществляется легче; при спокойной и внятной речи комбинаторный гласный неустойчив.

Приводимые ниже примеры даются при обычном темпе речи: *iğribüğrū* || *eğribüğrū* (произносится *ipri būpū* наряду с *u^hpri bū^hpū*) „искривленный“, „извилистый“, *iğrilik* || *eğrilik* (произносится *iprilik* наряду с *u^hprik*) „кривизна“, „искривленность“, *iğrençlik* (произносится *iprençlik* наряду с *u^hprençlik*) „отвращение“, „брезгливость“, *çiğsemek* (произносится *çisemek*, *çisimék* и даже *чисимек*, в связи с чем нередко пишется *çisimek*) „моросить“, *iğnelik* (произносится *inelik* наряду с *u^hnelik*) „подушка для иголок“, „коробочка для иголок“, *iğfal* (ар., произносится *ifāl*, *u^hfāl*) „обман“, „введение в заблуждение“, *iğtinam* (ар., произносится *itina^hm*, *u^htinam*) „захват военной добычи“, „добыча“ и др.

Сюда же могут быть присоединены соответствующие примеры, приводившиеся в предыдущих разделах.

Менее регулярно наблюдается образование заместительной долготы на почве выпадения *h*, *g*, *n*, *v*, редукция которых рассматривалась выше, в разделе 2 главы IV.

В сравнении с другими согласными щелевой *h* редуцируется чаще, откуда и возникает заместительная долгота в словах, подобных *mihver* (ар., произносится *mivér* наряду с *mi^hver*) „ось“, *silâh* (ар., произно-

сится *сил̣я̣* наряду с *сил̣я̣*^h) „оружие“, *tehlike* (ар., произносится *тэ̣ликé* наряду с *тэ̣ликé*) „опасность“, *cehre* (перс., произносится *чёрé* наряду с *чёрé*) „физиономия“, *tehdit* (ар., произносится *тэд̣ит* наряду с *тэ̣д̣ит*) „угроза“ и др.

К сравнительно немногочисленным случаям заместительной долготы на почве выпадения сонорного *r* относятся уже приводившиеся примеры *б̣и́áz*, *би́áz* (из *biraz*) „немного“, *б̣и́даha*, *б̣и́даha* (из *bir daha*) „еще раз“, *б̣и́дэ*, *б̣и́дэ* (из *bir de*) „и еще“ и некоторые другие.

Отдельные случаи заместительной долготы в результате редукции *n* и *v*: уже приводившееся *с̣о́ра*, *со́ра* (из *sonra*, нередко пишется *sora*) „затем“, „потом“, *д̣ё̣лем* (из *devlet* через ступень *дэ̣лэм*) „богатство“, „счастье“, арабское же *н̣ё̣бэм* (из *nevbet* через ступень *нэ̣убет*) „очередь“ и некоторые другие.

Турецкому языку мало свойственна, за вычетом единичных фактов (вроде приводившегося уже *kitlemek* из *kilitlemek* „запирать“), заместительная долгота на почве выпадения *l*, имеющая известное распространение в кыпчакских языках (ср., например, формы *к̣ё̣сé*, *кесé* из *кельсе* „если он придет“, *б̣о́сá*, *босá* из *болса* „если он будет“), или заместительная долгота на почве частого выпадения *n* (за вычетом отдельных случаев как *с̣о́ра*), также более известная в тех же кыпчакских языках или диалектах некоторых огузских языков (например, азербайджанского) (ср., например, *м̣ён* из *менин* „мой“ и т. п.).

Вторичная долгота гласных, возникающая из зияния, возможна большей частью при безударном положении обеих гласных, подвергающихся стяжению, или при наличии ударения на первом из них, как это отмечал Ф. Е. Корш¹. С другой стороны, для стяжения гласных в долгий звук важен их качественный состав: в долгий гласный могут переходить сочетания широких *a* и *e* с узкими *i* и *í*. Стяжение одинаковых гласных в долгий звук носит эпизодический характер и наблюдается чаще всего в отношении *i*, отчасти *a*.

Так как зияние гласных большей частью возникает вследствие выпадения *ǵ*, то теоретически можно было бы ожидать, что первый гласный, предшествующий указанному согласному, превратится в долгий, а после стяжения обоих гласных должен получиться „сверх-долгий“ гласный. На деле не имеет места ни первое, ни второе, так как в интервокальной позиции согласный *ǵ* бесследно исчезает при любом составе ненёбных гласных и в вышеуказанном составе нёбных гласных, иными словами — в интервокальной позиции заместительная долгота при первом гласном поглощается долготой от стяжения.

Обратимся к различным случаям вторичной долготы от стяжения.

Долгота гласных в результате стяжения *a — i*, *e — í*: при ударении на первом исходном гласном — *alacaǵit* (произносится *аладжáм* наряду с *аладжáм*, при беглой речи даже *аладжáм*) „я возьму“, „куплю“, *bakasaǵit* (произносится *бакаджáм* рядом с *бакаджáм*, в беглой речи

¹ Ф. Е. Корш. Слово „бáлдак“..., стр. 160.

бакаджам) „я посмотрю“, „погляжу“, *anlayasağım* || *anlıyasağım* (произносится *анлаяджам*, *анлыяджам*, *анлыяджа^вм*, в беглой речи даже *аннайджам*) „я пойму“, *çalışasağım* (произносится *чалышаджам*, *чалышаджа^вм* и даже *чалышаджам*) „я буду работать“¹ и т. п. Стяжение в долгий гласный сочетания *e—i* происходит при беглой речи, например, *geleseğim* (произносится *геледжэм* и даже *геледжэм* наряду с *геледже^вм* при более спокойной речи) „я приду“, *dinliyesegim* (произносится *динлийеджэм*, *диннейджэм* и даже *диннейджэм* наряду с *динлеедже^вм*, *динлиедже^вм*, *диннеедже^вм* в более спокойной речи) „я послушаю, буду слушать“, *geçeseğim* (произносится *гечеджэм* и даже *гечеджэм* наряду с *гечедже^вм* в более спокойной речи) „я пройду, перейду“² и т. п.

Если говорить о преобладании форм типа *аладжам* или *аладжа^вм*, *динлееджэм* или *динлеедже^вм* и т. п., то вторые члены этих пар (т. е. формы с неслиявающимися гласными) представляются более типичными, что объясняется в первую очередь морфологической расчлененностью подобных форм, благодаря чему *аладжа^вм* распадается на *аладжа[г]-ым*, *динлеедже^вм* на *динлеедже[г]-им*, где конечные элементы являются показателями лица, а предшествующие им части — основами будущего времени, буквы же в квадратных скобках указывают на исчезновение звонких, в интервокальной позиции заместивших первоначальные глухие *k* и *k'*.

При безударном положении тех же гласных стяжение дает аналогичный результат. Примеры: *sağırmak* (произносится *ча^врмак*, так же у Ф. Е. Корша, наряду с *ча^врмак*) „звать“, „кричать“, *bağırmak* (произносится *ба^врмак*, так же у Ф. Е. Корша, наряду с *ба^врмак*) „кричать“, „вопить“, *ağırlaşmak* (произносится *а^врлашмак* наряду с *а^врлашмак*) „становиться тяжелым“, „важным“, „ухудшаться“, *dağıtmak* (произносится *да^втмак* наряду с *да^втмак*) „рассеивать“, „разгонять“, *sağırlık* (произносится *са^врлык* наряду с *са^врлык*) „глухота“, *ağızlık* (произносится *а^взлык* наряду с *а^взлык*) „мундштук“, „удила“, *ağızdan* (произносится *а^вздан* наряду с *а^вздан*) „устно“, *Dağıstan* (произносится *да^встан* наряду с *да^встан*) „Дагестан“ и др.

При ударе на втором гласном зияние чаще всего остается, однако и в этом положении гласные могут переходить в долгий звук, как это уже было показано на примерах в предыдущих разделах: *barbar bağırmak* (из *bağır bağır bağırmak*, произносится уже без долготы гласных: *барбар ба^врмак*) „орать во всю глотку“, *barsak* (из *bağırsak*, произносится также без долготы гласного, т. е. *барсак* вместо *ба^врсак*) „кишки“, „внутренности“, *kâğıt* (произносится *к^ват*) „бумага“, *aşağı* (произносится *аша^ва*, *аша^в*) „вниз“, *ağır* (произносится *а^вр* наряду с *а^вр*) „тяжелый“ и некоторые другие, исторически сложившиеся в разговорном языке и неоднократно отмечавшиеся в записях И. Куноша, В. А. Горд-

¹ Ср. с примерами Ф. Е. Корша вроде *язаджам* „я буду писать“ (Слово „ба^вл-дак“..., стр. 161).

² Ср. с *вереджэм* „я дам, отдам“ у Ф. Е. Корша (там же); *sevecēm* „я буду любить“ у Ж. Дени („Grammaire...“, § 639).

левского и других¹. Сюда же можно присоединить случаи, где узкий гласный предшествует широкому, а не наоборот, как это видно во всех предшествующих примерах: *evciğez* (произносится *эвджэз* наряду с *эвдж'эз*, *эвджиэз*) „домик“, *kuşciğaz* (произносится *кушчāз* и даже без долготы гласного *кушчāз* в беглой речи наряду с *кушч'āз*) „птичка“ и т. п.

Ввиду того, что узкие гласные, как об этом говорилось, легче подвергаются ослаблению и выпадению, то стяжение соседних гласных в долгий звук, как правило, происходит за счет узкого гласного, или, иными словами, вторичную долготу приобретает не узкий, а широкий гласный, как это показывают примеры данного раздела.

Стяжению в долгий гласный могут подвергаться также и однородные гласные, но не все, а преимущественно узкие *i*, *i*, *u*, *ü* в безударном положении. Случаи стяжения в долгий гласный широких — вроде *ağabeu* (произносится нередко *ābéy* наряду с *aabéy*) „старший брат“, *ağaçlık* (произносится часто *āçl'ık* наряду с *aac'lık*) „роща“, приводившееся раньше *tağara* (из ар., произносится часто *mārá* наряду с *maarā*) „пещера“, также приводившееся *tağaza* (из ар., произносится часто *māzá* наряду с *maazā*) и т. п. — относительно немногочисленны и наблюдаются при беглой речи.

При стяжении узких безударных гласных вторичная долгота не всегда оказывается устойчивой, что и в этом случае в принципе зависит от морфологического состава слов. Если долгота гласного образуется на грани между основой и аффиксом, то долгий гласный неустойчив. Неустойчив, например, долгий гласный в формах принадлежности от глагольного имени на *-dik*, притом безотносительно к пред- или заударному положению вторичного долгого гласного. Ср., например, *yazmadığindan* (произносится и *язмад'ындан* и *язмадындан*) „так как он не писал“, *yazdığımızı* (произносится *язд'ымыз'ы* наряду с *язды'мыз'ы*²) (винительный падеж) „то, что мы пишем, написали“, *yazdığına göre* (произносится *язд'ıná göre* наряду с *язды'на göre*) „судя по тому, что он пишет, написал“. Также неустойчив долгий гласный в наращенных формах от слов, оканчивающихся вообще на *-k*, например, *yastığımızdan* (произносится *яст'ымыздán* наряду с *ясты'мыздán*) „от наших подушек“, *hastalığımızdaki* (произносится *хастал'ымыздак'ı* наряду с *хасталы'мыздак'ı*) „имеющееся в нашей болезни“ и т. п. Те же формы, но от слов с негубным нёбным составом гласных могут быть привлечены в качестве примеров для долгого *i*.

Сравнительно более устойчив долгий гласный, образовавшийся от стяжения соседних *i* в корне или основе. Примеры: *yığit* (произносится *й'ūt* наряду с *й'uum*) „молодец“, „храбрец“, приводившееся уже *yığirmi*,

¹ В свете приведенных данных и подобных им едва ли можно согласиться с выводом Ф. Е. Корша, что „такие стяжения, как шорское и абаканское *ās* из *абыз*, могли произойти только при ударении на первом слоге...“ (Слово „бáлдак“... стр. 161).

² Буквой, выступающей над строкой, в данном случае отмечается неполное слияние гласных.

yirmi (произносится даже с потерей долготы *йирми* из более старого *ййрми*) „двадцать“, *peki* (произносится *пéкй* и чаще с потерей долготы *пéки*) из *pek iyi* „ладно“, *iğili* (произносится *йлі* наряду с *и“лі*) „наклоненный“ и некоторые другие.

Стяжение губных *u* и *ü* в долгий гласный или их неполное слияние можно наблюдать в тех же формах глагольного имени на *-dik* (за исключением отрицательных форм), но от основ с губными гласными в конечном слоге, а также в наращенных формах слов с конечными *-uk*, *-ük*.

После описанного здесь и в предшествующих разделах процесса массового образования долгих гласных возникает законный вопрос о фонематической роли этой долготы. Имеются ли в турецком языке долгие гласные в качестве отдельных фонем? Многочисленные факты позволяют ответить на поставленный вопрос положительно. В большом количестве случаев вторичная долгота гласного в турецком служит для различения смысла слов, т. е. имеет фонематическое значение. Из многочисленных примеров этого рода можно привести следующие: *ağla* (произносится *ала*) „плачь“ и *ala* „пестрый“; *ağrı* (произносится *апы*) „боль“ и *arı* „пчела“; *bağırış* (произносится *барыш*) „крик“ и *barış* „мир“; *buğ* (произносится *бү*) „начальник“ и *bu* „этот“; *buğz* (произносится *бүз*) „вражда“, „ненависть“ и *buz* „лед“; *çağlar* (произносится *чāлар*) „водопад“, „каскад“ и *çalar* „он сыграет“; *çağlı* (произносится *чāлы*) „здоровый“, „дородный“ и *çalı* „кустарник“; *çırağ* (произносится *чырā*) „слуга“ и *çıra* „лучина“; *dağlamak* (произносится *дāламак*) „клеить“, „прижигать“ и *dalamak* „кусать“, „жесть“; *doğru* (произносится *дōру*) „правильный“, „истинный“ и *doru* „гнедой“; *kağsar* (произносится *кāшар*) „опустившийся“, „ветхий“ и *kaşar* (название сорта сыра); *nağme* (произносится *нāмэ*) „мелодия“ и *nâme* „писание“, „грамота“; *sağrı* (произносится *сāры*) „круп“, „крестец“ и *sarı* „желтый“; *uğlamak* (произносится *ūламак*) „жужжать“, „гудеть“ и *ulamak* „соединять“, „составлять“; *yağlamak* (произносится *яламак*) „смазывать жиром“ и *yalamak* „лизать“; *yağlı* (произносится *ялы*) „жирный“, „маслянистый“ и *yalı* „берег“ (моря или реки); *yağta* (произносится *яма*) „грабеж“ и *yata* „заплата“; *yağmacı* (произносится *ямаджы*) „грабитель“ и *yamacı* „починщик“; *boğdur* (произносится *бōдур*) „заставь задуть“ и *bodur* „низкорослый“; *oğlan* (произносится *ōлан*) „мальчик“ и *olan* „бывающий“ и др.

Среди долгих гласных наиболее развит гласный *ā*, имеющий широкое употребление в языке. Это обстоятельство связано с массовым распространением сочетания *-ağ-*, давшим *ā*. Менее употребительны в языке долгие *ō* и *ū*, что объясняется умеренным распространением сочетания *-oğ-*, *-uğ-* и позиционным ограничением в употреблении *o*. Еще менее употребителен долгий *ī*, что также следует отнести за счет слабого распространения в языке сочетания *-iğ-*, откуда и получается главным образом долгий *ī*. Долгие *ē*, *ō*, *ī* не развились в языке, так как сочетания *-eğ-*, *-öğ-*, *-iğ-* в общем приводят скорее к образованию комбинаторных дифтонгов, сочетание же *-üğ-* распространено слабо.

Устойчивость вторичной долготы гласного зависит от его фонематичности. Там, где она служит средством для различения смысла слов, вторичная долгота устойчива. При отсутствии этого условия комбинаторная долгота, закрепившаяся на некоторое время в слове, в дальнейшем может исчезнуть, и в результате получают формы с краткими гласными, наподобие *abani* (произносится *абанí*, из *ağbani*) (название особого рода шелковой материи), *badaşmak* (произносится *бадашмак*, из *bağdaşmak*) „сидеть, поджавши ноги“, *omaç* (произносится *омач*, из *oğmaç*) „мелко нарезанная лапша“, *tura* (произносится *тура*, из *tuğra*) „пучок“, „узел“, „жгут“, приводившегося *yirmi* (из *yigirmi* через ступень *ййрми*) „двадцать“ и др.

Как правило, арабские долгие гласные в турецком произношении появляются в первую очередь в омонимах, в остальных случаях они произносятся нерегулярно. С количественной стороны арабские долгие в устах турка являются скорее полудолгими.

Персидские долгие гласные в современном турецком произношении отражаются слабо.

На письме долгота гласного отмечается значком [^], который ставится над ним. С другой стороны, этот же значок, как уже говорилось раньше, обозначает смягченность арабских и персидских согласных *k*, *g*, *l* перед гласными заднего ряда. Для устранения случаев столкновения этих двух функций значка [^] действующая орфография долготу гласных в заимствованных словах после согласных *k*, *g* отмечает в омонимах удвоенным гласным; например, *kaatil* „убийца“, *eskaal* „тяжести“, „груз“, *gaamiz* „очень глубокий“, *gaasip* „захватчик“, „узурпатор“, *kaabile* „акушерка“, „повивальная бабка“ и т. п. Однако способ этот является все же второстепенным, так как он применяется не всегда, и долгота нередко не отмечается совсем, что на письме приводит к смешению значений омонимов.

Из всех долгих арабских гласных в турецком языке чаще других произносится долгий *a*, в отдельных случаях *i*. Примеры: *alâ* (значок [^] обозначает мягкость *l*) „высота“, *âlâ* (значок [^] на втором гласном обозначает мягкость *l*, на первом — долготу) „превосходный“; *camî* „мечеть“, *câmî* (с долготой) „собирающий“; *fena* „плохой“, „дурной“, *fenâ* (с долготой) „бренность“, „исчезновение“; *bahis* „разговор“, „обсуждение“, *bâhis* (с долготой) „обсуждающий“, „говорящий“; *ada* (тур.) „остров“, *âda* (ар., с долготой) „враги“; *âmal* (фактически произносится без долготы) „действия“, „труды“, *âtâl* (произносится с долготой на первом гласном) „чаяния“, „замыслы“; *metin* „текст“, *metîn* (с долготой *i*) „прочный“, „крепкий“, „непоколебимый“ и т. д.

В орфографическом словаре 1942 г. ясно обнаружилось стремление обозначать долготу гласных в арабских словах, все еще занимающих большое место в турецкой лексике, исходя из норм произношения арабского, а не турецкого языка. Так появились начертания с обозначением фактически непронизносимой долготы *a*, наподобие *âfet* „несчастье“, „бедствие“, *âğaz* (перс.) „начало“, *câlî* „притворный“, „поддельный“,

dâva „тяжба“, „проблема“, „вопрос“, *fâni* „бренный“, „тленный“, *hâmiş* „заметки на полях книги“, „постскриптум“ и др. вместо прежних *afet*, *ağaz*, *cali*, *dava*, *fani*, *hamiş*, т. е. написаний без обозначения долготы. Одновременно с этим обозначение долготы арабских или персидских гласных оказывается нарушенным в большом числе случаев, и в этом пункте современная турецкая орфография, как и в других случаях, обнаруживает внутренние противоречия и непоследовательность.

Значок [^], кроме передачи коренной долготы арабских или персидских гласных, используется также для графической передачи своеобразной долготы взамён гортанного айн'а, который в старом произношении иногда передавался турками перерывом в голосе, например, *ma'ruḫ* „известный“, „пресловутый“, *ma'na* „значение“, „смысл“, *ma'ruz* „представленный“, „изложенный“, „подверженный чему-либо“, *ma'bet* „храм“, *ma'bîr* „выражение“, „термин“, *sa'î* „труд“, „усилие“, *va'de* „срок“, „отсрочка“ и др. Все эти и подобные им слова обозначаются на письме в форме *mâruḫ*, *mâna*, *mâruz*, *mâbet*, *tâbir*, *sây*, *vâde*, но произносятся с долгим *a* редко; во всяком случае многие из них уже лишились своей долготы.

2. СТЕЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Как уже говорилось в начале данной главы, турецкая фонетика не допускает стечения согласных в начале слога (следовательно, и в начале слова), а в конце слога (и слова) возможно соседство лишь определенного сочетания согласных. Начальное стечение согласных чуждо и арабскому языку, и поэтому все слова, в которых встречаются два начальных согласных, заимствованы из индоевропейских языков.

В конце турецкого слога и слова при стечении согласных допустимы лишь сочетания сонорных или щелевых со смычными либо же сонорных со щелевыми. Все заимствования, удовлетворяющие этим фонетическим требованиям, в турецкой речи не подвергаются фонетической обработке. Примеры коренных турецких слов: *kart* „старый“, „черствый“, *kîrk* „сорок“, *borç* „долг“, *kulp* „ручка“, „ушко“ и многие другие; примеры заимствованных слов: *kast* (из ар.) „цель“, „умысел“, *aşk* (из ар.) „любовь“, *post* (из перс.) „шкура“, „овчина“, *ant* (из перс.) „клятва“, *halk* (из ар.) „народ“, „население“, *denk* (из перс.) „кипа“, „тюк“, *hayalperest* (из перс.) „мечтатель“, *dans* (из фр.) „танец“, *bent* (из перс.) „связь“, „плотина“, „запруда“, *tank* (из англ.) „танк“, *kamp* (из фр.) „лагерь“ и многие другие. Все иные сочетания согласных в конце слога или слова по нормам турецкой фонетики недопустимы, и в подобных случаях между согласными возникает разделительный узкий гласный, подчас неполного образования, в соответствии с нёбно-губной гармонией гласных, если только гласный, предшествующий согласным, является губным. При негубном характере гласных, независимо от их принадлежности нёбным или ненёбным, разделительный гласный в большинстве случаев выступает

в виде *i*. В заимствованиях из арабского или персидского, а также из западноевропейских языков, давно вошедших в турецкий язык, разделительный гласный на письме отмечается не всегда. Примеры: *resim* (из ар. رسم) „черемония“, „рисунок“, *akit* (из ар. عقد) „договор“, „заключение“, „созыв“, *akis* (из ар. عكس) „отражение“, „эхо“, *hapis* (из ар. حبس) „заключение в тюрьму“, „тюрьма“, *nakil* (из ар. نقل) „перевод“, „перевозка“, „рассказ“, *hazim* (из ар. هضم) „пищеварение“, *akıl* (из ар. عقل) „ум“, *sinif* (из ар. صنف) „класс“, *ömür* (из ар. عمر) „жизнь“, *uzuv* (из ар. عضو) „орган“, „член“, *üzün* (из ар. اذن) „ухо“, *lüks* (из фр., произносится *люк^{yc}*¹) „роскошь“, „роскошный“, *film* (из фр. film) „фильм“, *isfenks* (из фр. sphinx, произносится *исфёнк^с*) „сфинкс“ и т. д. При наращении подобных слов аффиксами с начальным гласным разделительные гласные редуцируются, о чем специально говорилось в разделе 1 главы IV.

Если стечение согласных наблюдается в начале слова или слога, то оно устраняется либо при помощи узкого разделительного гласного, либо путем постановки такого же узкого опорного (протетического) гласного в начале слова (слога) или, иными словами, перемещением согласных в интервокальную позицию. Если в начале слова (слога) имеется сочетание смычного согласного с любым другим согласным, то возникает разделительный гласный, в определенных случаях находящийся в соответствии с нёбно-губной гармонией. При наличии в начале заимствованного слова одного из двух заднеязычных согласных *k* или *g* разделительным гласным становится ненёбный *i* в соответствии с нёбной гармонией слога. Если же в заимствованном слове имеется *u*, *ü* или *o*, то разделительным гласным часто бывает *u*. При наличии в первом слоге гласного *o* разделительный гласный неустойчив.

Примеры: *bulûz* (из фр.) „блуза“, *bronşit*, *bironşit* (из фр.)² „бронхит“, *broşür*, *buroşür* (из фр.) „брошюра“, *grev*, *girev* (из фр.) „забастовка“, *glüköz*, *gulüköz* (из фр.) „глюкоза“, *gliserin*, *giliserin* (из фр.) „глицерин“, *grup*, *gurup* (из фр.) „группа“, *tren*, *tiren* (из фр.) „поезд“, *klinik*, *kilink* (из фр.) „клиника“, *klişe*, *kilişe* (из фр.) „клише“, „негатив“, *kredi*, *kiredi* (из фр.) „кредит“, *kristal*, *kiristal* (из фр.) „кристалл“, *dram*, *dıram* (из фр.) „драма“, *traktör*, *tıraktör* (из фр.) „трактор“, *trigonometri*, *tirigonometri* (из фр.) „тригонометрия“, *kulüb* „клуб“, *program*, *purogram* (из фр.) „программа“ и др.

Такой же разделительный узкий гласный, следующий нёбной гармонии с колебаниями, возникает и в том случае, когда сочетаются щелевой со щелевым или сонорным (обратная комбинация крайне редка). Если вторым согласным является *l*, то разделительный гласный не следует нёбной гармонии; перед *r* разделительный гласный следует

¹ Буква, выступающая над строкой, здесь обозначает гласный неполного образования.

² Действующая орфография допускает двоякое написание слов при начальном стечении согласных.

правилам нёбной ассимиляции. Примеры: *flâma, filâma* (из ит.) „сигнальный флажок“, *flândra, filândra* (из ит.) „вымпел“, *flâvta, filâvta* (из ит.) „флейта“, *francala, firancala* (из ит.) „французская булка“, *Fransa, Firansa* (из ит.) „Франция“, *fren, firen* (из фр.) „тормоз“, *frigorifik, firigorifik* (из фр.) „холодильник“, *şilep* (из англ. — род баржи) и некоторые другие.

В начале заимствованного слова возможно еще частое на практике сочетание щелевого со смычным (сочетание сонорного со смычным крайне редко). Позиция вспомогательного узкого гласного при таком стечении согласных неустойчива: узкий гласный может быть разделительным (эпентетическим), но также опорным (протетическим), т. е. он может включаться между согласными, но может ставиться и перед ними. В большинстве случаев в языке используется последний прием. Ср., например, *step, istep* (из русск.) „степь“, *istok* (из англ.) „наличие“, „запас“, *istatistik* (из фр.) „статистика“, *istearin* (из фр.) „стеарин“, *istenografi* (из фр.) „стенография“, *iskarpin* (из фр.) „туфли“, „полуботинки“, *iskemle* (из слав.) „скамья“, *İskoçya* (из ит.) „Шотландия“, *striknin, istriknin* (из фр.) „стрихнин“, *statik, istatik* (из фр.) „статический“, *iskandal* (из фр.) „скандал“ и т. п.

Примеры для разделительного гласного: *sıpor* (из фр.) „спорт“, *skandiyum, sikandiyum* (из фр.) „скандий“, *stadyum, sitadyum* (из фр.) „стадион“, *staj, sitaj* (из фр.) „стаж“ и др.

Что касается качества гласного при стечении щелевого и смычного, то во всех случаях это по большей части нёбный *i*. Ненёбный *i* употребляется сравнительно мало и встречается в словах, давно вошедших в обиход или обращающихся в профессиональной среде. Примеры: *iskumru* (из гр.) „скумбрия“, *iskara* (из гр.) „решетка для поджаривания“, *ispanak* (из гр.) „шпинат“, *istampa* (из ит.) „штамп“, „печать“, *istakoz, istakoz* (из гр.) „омар“, *İsparta, Isparta* „Спарта“ (название областного центра) и др.

Заметно стремление к употреблению *i* также перед *o* и *u*. В отдельных случаях под влиянием регрессивной губной гармонии гласный принимает вид *u*. Ср., например, *uskumru* наряду с приведенным выше *iskumru* „скумбрия“, *uskuna* „шхуна“ и некоторые другие.

Узкий гласный перед согласными появляется также при сочетании щелевого *s* со щелевым или сонорным, например, *Slâv, İslâv* „славянин“, *İsveç* (из ит.) „Швеция“, *smokin, ismokin* (из англ.) „смокинг“, однако ср. с приведенными *şiringa* (из ит.) „шприц“, *hristiyan* (из гр.) „христианин“ и др.

Для устранения начального стечения согласных в отдельных случаях используется метатеза. Ср., например, *pirlanta* (из *brillanta*) „бриллиант“, *Triyeste, Tiryeste* „Триест“, *brigemtin* (произносится *биргемтин*) „бригантина“ и др.

Внутри слова большей частью возможны любые сочетания двух согласных, так как последние распределяются в отдельных слогах: первый согласный в конце одного слога, второй — в начале соседнего.

Примеры: *aksak* „хромой“, *baskı* „нажим“, „пресс“, *ıslah* (из ар.) „реформа“, *abla* „старшая сестра“, *ikna* (из ар.) „удовлетворение“, „убеждение кого-либо“ и многие другие, в структурном отношении массово распространенные в языке.

При большем числе согласных произношение их зависит от слого-раздела и комбинации согласных. Если слогораздел проходит между вторым и третьим согласными и в первом из слогов таким образом оказываются на конце два согласных, то произношение их определяется правилами относительно стечения согласных в конце слова (слога). Ср. такие примеры с тремя согласными, как *hırslı* „алчный“, „страстно желающий“, „гневный“, *artta* „позади“, *borçsus* „без долга“, *serpmek* „брызгать“, „рассыпать“, *kırtırmak* „дать (заставить) обрезать, остричь“ и многие другие, в которых комбинация согласных не требует разделительного гласного. Ср., с другой стороны, заимствования *ekspertiz* (произносится эк^испертиз с беглым *ı*) „экспертиза“, *ekspert* (произносится эк^исперт также с беглым *ı*) „эксперт“ и подобные, где комбинация согласных *k* и *s* в конце первого слога недопустима и вследствие этого возникает разделительный гласный *i* неполного образования.

Если слогораздел проходит между первым и вторым согласными и таким образом второй и третий согласные образуют начало слога, то произношение их определяется правилами для стечения согласных в начале слова (слога). Ср., например, *doktrin* (произносится докт^ирин с беглым *ı*) „доктрина“, *gangren* (произносится ганг^ирен с беглым *ı*) „гангрена“, *elektrik* (произносится элект^ирик с беглым *ı*) „электричество“, *konturat* || *kunturat* (из фр. *contrat*) „контракт“, „договор“, *espiri* наряду с *espri*, „остроумие“ и подобные, в которых сочетания согласных с начальным взрывным разделены узким гласным.

При стечении большего числа согласных внутри заимствованного слова действуют те же правила.

Двойные согласные (геминаты) не комбинаторного происхождения в турецком языке встречаются в собственно турецких словах в немногих случаях, например, *elli* „пятьдесят“, *anne* „мать“, *horra* „легкомысленный“, „франт“ и некоторые другие. В заимствованных словах геминаты встречаются и в ряде случаев в произношении сохраняются, например, *okka* (из гр.) название меры веса, *ille* (из ар.) „исключая“, „в особенности“, „обязательно“, *madde* (из ар.) „вещество“, „предмет“, „параграф“, *illet* (из ар.) „недуг“, „порок“, *berrak* (из ар.) „ясный“, „прозрачный“ и другие.

Вместе с тем в языке налицо стремление к устранению геминат, особенно в разговорной речи. Так, в конце слова удвоенные согласные всегда превращаются в одинарные, часто пишутся в этой же форме, и данное правило не знает исключений. При наращении подобных слов аффиксами или служебными словами с начальным гласным удвоенные согласные за исключением заимствований из западных языков восстанавливаются. Ср., например, *hak* (из ар., произносится *hak*) „право“, *hakki* (произносится *hakki*) „его право“, *hat* (из ар.) „линия“, „гра-

нища“, *hattı* (произносится *hamмы*) „его граница“; *üs* (из ар., произносится *үс*) „база“, *üssü* (произносится *үссү*) „его база“; *af* (из ар.) „прощение“, „извинение“, *affetmek* (произносится *аффетмек*) „прощать“, „извинять“, *hal* (из ар., произносится *халь*) „разрешение“ (вопроса и пр.), „растворение“, *halletmek* (произносится *халлетмек*) „распутывать“, „разрешать“, „растворять“ и т. п.

Устранение геминат довольно часто происходит и внутри слова, причем это явление наблюдается во всех западных заимствованиях и в значительном числе восточных. Примеры: *mesuliyet* (из ар. مسئولیت) „ответственность“, *hamal* (из ар. حمل) „носильщик“, „грузчик“, *saraç* (из ар. سراج) „шорник“, *ama* (из перс. اما) „но“, „однако“, *evel* (из ар. اول) „первый“, „прежний“, „раньше“, *ameliyat* (из ар. عملیات) „операция“, *progresif* (из фр. progressif) „прогрессивный“, *ataşemiliter* (из фр. attaché militaire) „военный атташе“, *kasa* (из ит. cassa) „касса“ и многие другие, потерявшие свои долгие (удвоенные) согласные (*mesuliyet*, *hammal*, *sarraç*, *amma*, *evvel*, *ameliyyat*).

Геминаты, образовавшиеся комбинаторным путем, главным образом на границе основы и аффикса, реже в результате ассимиляции, как правило, сохраняются. Из весьма многочисленных примеров можно привести такие: *ette* (местный падеж) „в мясе“, *eller* „руки“, *kalanlar* (произносится часто *каланнар*) „оставшиеся“, „остающиеся“, *attarmak* наряду с *aktarmak* „переносить“, „перекладывать“, *sessiz* „без голоса“, „без звука“, *adda* (местный падеж) „в имени“, *ummak* „надеясь“, „рассчитывать“, *kireççi* „продавец извести“, *kissa* „если он сдавит“ и в других словоизменительных и словообразовательных формах.

Кроме рассмотренных выше условий возникновения вспомогательных гласных, в старом языке вспомогательный гласный появлялся в ограниченном числе случаев также перед сонорными *r* и *l*, если за ними следовал узкий гласный. Так получились теперь уже устаревшие разговорные формы *илимон* из *limon* „лимон“, *илира* из *lira* „лира“ (название денежной единицы), *илиман* из *liman* „порт“, „гавань“, *уруба* и *урба* из *ruha* „одежда“, *урум* из *rum* „грек“ и некоторые другие. Однако эта тенденция не нашла значительного отражения в литературном языке и осталась достоянием разговорной речи.

Описанные выше фонетические явления, связанные со стечением согласных, широко распространены и типичны для широкого круга говорящих. Вместе с тем произношение заимствованных слов, содержащих недопустимые с точки зрения турецкой фонетики сочетания согласных, тесным образом связаны с грамотностью и степенью соприкосновения говорящих с иностранными языками. Так, в речи интеллигенции описанные явления не имеют устойчивого характера и обнаруживаются с разной силой. Поэтому в разговоре и по радио часто можно слышать произношение соседних согласных без помощи вспомогательных узких гласных, т. е. можно услышать *стаж* вместо *ситаж*, *сток* вместо *исток* (*ысток*, *усток*), *плян* вместо *пилян*, *пылян*, *спикер* вместо *испикер* „диктор“ и т. д.

Перестановка (метатéза) согласных, занимающая в других языках, например в азербайджанском, заметное место, в турецком ограничивается отдельными случаями. Как и во многих тюркских языках, здесь также перестановка согласных происходит в связи с согласным *r*: если этот сонорный следует за другим согласным, то они меняются местами; например, *paçarva* вместо *paçavra* „тряпка“, „ветошь“, *çarpaşık* вместо *çapraşık* „скрещенный“, „запутанный“ и некоторые другие.

* * *

Фонетические процессы в области гласных и согласных, рассматривавшиеся в предыдущих разделах, касались все время отдельного слова. Однако многие из них действуют также на границе слов, чаще на границе знаменательного и служебного слова, что составляет предмет специального описания. Не ставя перед собой такой задачи, мы ограничимся здесь лишь некоторыми иллюстрациями, располагая их в том порядке, в каком рассматривались выше различные фонетические процессы.

Нёбно-губная ассимиляция гласных. Этот процесс на границе слов проявляется лишь в отдельных случаях, за исключением стяженных форм, происходящих из словосочетаний, наподобие *nasıl* (из *ne asıl*) „какой?“, *bildir* (из *bir yıldır*) „в прошлом году“, составляющих отдельные слова, а также служебных слов *da*, *de* „и“, „также“, „же“, *idi* „был“, *ise* „если“ и других.

Ассимиляция согласных. Довольно часто проявляется ассимиляция по глухости-звонкости, особенно при однородных согласных, например, *tarákkiби* (прогрессивная ассимиляция по глухости) из *tarak gibi* „как гребень“, *кырк^б/_пéш* (прогрессивная ассимиляция по глухости)

из *kırk beş* „сорок пять“, *hiçbir* (произносится как *hıç^б/_пur*) „ни один“, *héббурдэн* из *her birden* „все сразу“, *кёрддиль* из *Kürt dili* „курдский язык“, *сыһаддахы* из *sıhhat dahi* „здоровье также“ и т. п. Чаще всего ассимиляция проявляется на границе знаменательного и служебного слова, а также в сочетаниях, которые имеют тенденцию слиться в одно слово.

Озвончение глухих согласных. Наблюдается чаще при однородном составе гласных в соседних слогах, например, *чорáбалдым* из *çorap aldım* „я купил чулки“, *ири́дадасы* из *Girit adası* „остров Крит“, *ки́лидичиндэ* из *kilit içinde* „в замке“, *беши́ичиндэ* из *beşik içinde* „внутри колыбели“, *а́джалтында* из *ağaç altında* „под деревом“ и т. п.

Редукция фонем. Чаще всего наблюдается ослабление и выпадение узких гласных в абсолютном конце предыдущего или в абсолютном начале последующего слова; например, *бен́имчин* из *benim için* „для меня“, *он́унчун* из *onun için* „для него“, „поэтому“; *алт^май* и даже *алтай* из *altı ay* „шесть месяцев“, *сары^пэк*, при беглой речи даже *сарыйпек*, *сары^ппек* из *sarı ipek* „жёлтый шелк“, *бах^чес^ичиндэ* и даже *бах^чесийчиндэ* из *bahçesi içinde* „внутри его сада“ и т. п.

Стечение гласных и согласных на границе слов носит массовый характер, и часто здесь наблюдаются те же стяжения, что и в пределах отдельного слова, однако этот процесс на границе слов в целом имеет более сложный характер.

* * *

Описанные в главах III и IV различные процессы ассимиляции гласных и согласных, а также редукции их говорят о том, что турецкий корень, оказываясь более устойчивым, чем во многих флективных языках, все же подвержен многообразным изменениям в отношении как гласных, так и согласных. В виде итоговой справки приведем список этих изменений:

1) в отношении гласных:

- а) переход широких $\frac{a, o}{e, \text{ё}}$ в узкие $\frac{i, i}{u, \ddot{u}}$ перед y ;
- б) переход ненёбного i в $\ddot{i}$ под влиянием последующего y ;
- в) переход ненёбного i в $\ddot{i}$ под влиянием предшествующего $\frac{c}{\text{ç}}$;
- г) переход узкого ненёбного i в широкий ненёбный a (случаи типа *кя́а́т*, *ашаа́*);
- д) переход негубных $i, \ddot{i}$ в губные $u, \ddot{u}$ (губная ассимиляция гласных под влиянием губных согласных);
- е) многочисленные случаи редукции узких и отчасти широких гласных в безударном положении и при определенном составе окружающих согласных;

2) в отношении согласных:

- а) оглушение звонких смычных и отчасти щелевых в конце слов;
- б) озвончение при известных условиях глухих смычных в положении между гласными;
- в) носовая ассимиляция плавного l предшествующему n (тип *саба́н-на́р* из *sabanlar*);
- г) ассимиляция носового n последующему губному b, m (типа *камбу́р* из *kanbur*, *домма́к* из *donmak*);
- д) переход носового n в губное m под влиянием губного гласного o (губная ассимиляция типа *дому́з* из *donuz*);
- е) переход t в аффрикату под действием последующего ç (тип *аччы́* из *atçı*);
- ж) переход смычного в щелевой под влиянием последующего сонорного (тип *ге́шмек* из *geçmek*);
- з) различные случаи регулярной и нерегулярной редукции t, k, g, r, v, l с образованием комбинаторной долготы в корне.

В свете этих фактов следует считать поколебленным и¹ в сущности неверным даже для своего времени положение В. В. Радлова о том, что „...постоянство коренных гласных мы должны понимать, как одну из внутренних характерных особенностей тюркских языков“².

¹ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 13.

² W. Radloff. Phonetik, S. 86.

VI. ЧЕРЕДОВАНИЕ ФОНЕМ

1. ПОЗИЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ФОНЕМ И ИХ КОМБИНАТОРНЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

Из сказанного в предшествующих главах следует, что фонемы турецкого языка не имеют свободного употребления в любой позиции в слове. В большом количестве типичных случаев, рассмотренных выше, употребление фонем позиционно ограничено, и науке известны причины, вызывающие позиционную связанность фонем. Однако имеется немало случаев позиционных ограничений, известных еще с давних времен и ожидающих пока своего разъяснения. С другой стороны, мы не всегда знаем, в силу чего причины, вызывающие позиционные ограничения в употреблении фонем, в одних случаях вступают в действие, а в других (например, в территориальных диалектах того же языка) эти причины не дают себя знать.

Ниже приводится сводка различных случаев позиционных ограничений для каждой фонемы в отдельности.

Гласный *a* невозможен:

- 1) в большинстве коренных турецких основ после слога с гласным переднего ряда;
- 2) в большинстве аффиксов, если они присоединены к основам с нёбным гласным в конечном слоге, после которого из широких гласных возможен лишь *e*;
- 3) в определенных аффиксах с узким гласным;
- 4) при заимствованных основах с конечными *k'*, *l'*, нерегулярно *d*, *t*, *b*, *p*, после которых в аффиксе из широких гласных возможен лишь *e*;
- 5) в конце основы перед слогом *ya* аффикса конечный *a* основы заменяется часто гласным *i*.

Гласный *i* невозможен:

- 1) в большинстве коренных турецких основ после слога с гласным переднего ряда;
- 2) во всех аффиксах, если они присоединены к основам с нёбным гласным в конечном слоге; в подобных случаях из узких гласных возможен лишь *i* или *ü*;

3) после основ с губным гласным в конечном слоге, за которым из узких гласных в аффиксе возможен *и* или *й*;

4) в определенных аффиксах с широкими гласными;

5) после заимствованных основ с конечными *k'* и *l'*, нерегулярно после *d*, *t*, *b*, *p*, за которыми из узких гласных возможен *и* или *й*;

6) перед согласным *у* в отдельных аффиксах;

7) в роли опорного и нередко разделительного гласного перед слогом с гласным *а*; в подобных случаях обычно появляется гласный *и*; в той же роли перед слогом с губным гласным; в этом случае обычно появляется гласный *и*;

8) в определенном пласте слов после губных согласных *b*, *p*, *v*, *f*, *m*, где исторически закрепился губной *и*.

Гласный *о* невозможен во втором и дальнейших слогах, за исключением отдельных слов и аффиксов.

Гласный *и* невозможен:

1) в большинстве коренных турецких основ после слога с гласным переднего ряда;

2) во всех аффиксах, если они присоединены к основам с нёбным гласным в конечном слоге; в подобных случаях из узких гласных возможен *и* или *й*, а в определенных аффиксах гласный *е*;

3) после основ с негубным гласным в конечном слоге, за которым из узких гласных возможен лишь *и*;

4) после гласного *а* в заимствованиях, где заменяется согласным *у*.

Гласный *е* невозможен:

1) в большинстве коренных турецких основ после слога с гласным заднего ряда;

2) в большинстве аффиксов, если последние присоединены к основам с ненёбным гласным в конечном слоге; в таких условиях из широких гласных аффикса возможен лишь *а*;

3) в определенных аффиксах с узким гласным;

4) после заимствованных основ с конечным *k*, за которым в аффиксе из широких гласных возможен лишь *а*;

5) в конце основы перед слогом *уа* аффикса конечный *е* основы часто заменяется *и*.

Гласный *и* невозможен:

1) в большинстве коренных турецких основ после слога с гласным заднего ряда;

2) в большинстве аффиксов, если они присоединены к основам с гласным заднего ряда в конечном слоге; в таких условиях из узких гласных аффикса возможны *и* или *у*;

3) после губных гласных в конечном слоге основы, за которыми в аффиксе чаще всего возможны лишь губные *и* или *й*;

4) в определенных аффиксах с широким гласным;

5) в безударном и особенно предударном положении в определенных словообразовательных и словоизменительных формах, в ударном положении в некоторых энклитических аффиксах, начинающихся с *и*;

б) в роли опорного и нередко разделительного гласного перед слогом с губным гласным; в этом случае обычно появляется гласный *u*.

Гласный *ö* невозможен во втором и дальнейшем слогах.

Гласный *ï* невозможен в коренных турецких основах после слога с негубным гласным переднего или заднего ряда.

Согласные:

1) глухие согласные не могут сочетаться со звонкими и, наоборот, за исключением сонорных, впереди и в определенных случаях позади которых могут находиться также и глухие согласные;

2) звонкие *b, c, d, g* не могут находиться в конце слов, где они заменяются глухими *p, ç, t, k*;

3) два согласных невозможны в начале слога и слова. В конце слога и слова невозможны сочетания двух смычных, смычного со щелевым или сонорным, двух сонорных, двух щелевых;

4) глухие смычные *ç, k, t, p*, исторически заступившие места соответствующих звонких, большей частью невозможны в интервокальной позиции и заменяются звонкими.

Согласный *g*. Палатализированный вариант рассматриваемого согласного невозможен после гласных переднего ряда, при которых он заменяется согласным *y*. Не палатализированный вариант названного согласного невозможен между гласными заднего ряда, за исключением части заимствований и единичных слов тюркского корня.

Согласные *l, l'* часто не сохраняются после *n* и заменяются тем же согласным (*n*).

Согласный *n* невозможен перед губными согласными *b, p, m* и заменяется губным *m*.

Согласный *ç* не сохраняется перед *t* и часто заменяется щелевым *ş*.

Согласный *c* не сохраняется перед *b, d, l, n* и нередко заменяется щелевым *j*.

Согласный *t* невозможен перед *ç* и заменяется этим же согласным (*ç*).

Согласный *ş* часто не сохраняется перед *s* и заменяется тем же согласным (*s*).

Согласный *r* не удерживается перед *l* и часто заменяется *l*.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ

Перечисленные выше позиционные ограничения в употреблении фонем в сущности сводятся к чередованиям фонем, связанным с новыми, а также старыми фонетическими процессами, действующими в языке.

В отличие от них в турецком языке имеются и другие чередования, оставшиеся от более старых времен и связанные с иными, ныне изжитыми, явлениями в языке. Чередования такого типа можно назвать пережиточными или историческими. Исторические чередования гласных или согласных в турецком языке во всех своих деталях еще не обследо-

дованы, точно так же, как не выяснен пока коренной вопрос об их значении для языка.

Не обследованы также весьма важные для истории турецкого языка чередования, которые служили средством лексико-морфологической дифференциации (так называемая „внутренняя флексия“), роль которой (флексии) после исследований акад. Б. Я. Владимирцова в области монгольского языка приобретает большой интерес и для тюркских языков, имеющих глубокие связи с монгольскими.

Приводимые ниже типы и случаи чередований представляют лишь наиболее известные. Они имеют разную степень распространенности как в турецких территориальных диалектах, где они нередко характеризуют диалекты, так и в других языках тюркской группы, во многих случаях являясь для них межязыковыми фонетическими признаками, наряду с другими отличительными характеристиками.

А. Чередование гласных

Чередования нёбных и ненёбных вариантов одних и тех же слов: *imizgenmek — imizganmak* „тлеть“, „дремать“, *iriş — arış* „оглобли“, *irvelemek — irvalmak* „посыпать мукой“, *pörsük — porsuk* „барсук“, *siviş — sıvış* „устранение“, *öküz || oğuz || uğuz* „бык“, *biçmek* „резать“, „кроить“, но *bıçak* „нож“ и др.

Чередования узких губных и негубных: *ağı* и *agi* „яд“, *deli* и *delü* (устар.) „безумный“, *ayı* и *ayu* (устар.) „медведь“, *cadı* и *cadu* (устар.) „ведьма“, *çatı* и *çatu* (устар.) „крыша“, „стропила“, *eyi* и *eyü* (устар.) „хороший“, *geri* и *gerü* (устар.) „задняя сторона“, „назад“ и др.

Чередования широких и узких гласных. Чередования описываемого типа наблюдаются в начальных слогах как в области негубных, так и губных гласных. Примеры: *çağırmaq — çığırmaq* „кричать“, „звать“, *çarpmaq* „бить (с силой)“, „ударять“ — *çirpmak* „слегка бить“, „ударять“ (здесь гласные *a — ı* связаны с дифференциацией значений); *çatık — çitık* „связанный“, „сморщенный“, *arış — iriş* „оглобля“, *tapa — tıpa* „пробка“, *şarıl şarıl — şırıl şırıl* (звукоподражание журчанию воды), *aslık — ıslık* „свист“, *gez — giz* (устар.) „раз“, *çangırdamak* „звякать“, „бряцать“ — *çingırdamak* „звонить“, „звенеть“ (здесь *a — ı* также связаны с дифференциацией значений); *zangırdamak — zıngırdamak* „сильно дрожать“, *netekim — nitekim* „и вот как раз“, *nenni — ninni* „колыбельная песня“, *çisenti* „опрыскивание“, „брызги“ — *çisinti* „мелкий дождь“ (здесь гласные *e — ı* связаны с дифференциацией значений).

К описываемому чередованию имеет также отношение состав гласных в аффиксах $\frac{-sa}{-se}$, $\frac{-si}{-sı}$ (например, *su + sa-* „жаждать“, $\frac{çi|g̃| + si}{-sı}$ — „ложиться“ (о росе, тумане), „моросить“), $\frac{-kan}{-gan}$... $\frac{-kın}{-gın}$..., *-ak* ... *-ık* и некоторые другие.

Чередование широких и узких в области губных: *çolpa* — *çulpa* „хромой“, *onmak* „вылечиться“, „поправиться“ — *unmak* „исправляться“, „выздоровливать“, „заживать“ (здесь гласные *o*—*u* служат отчасти для дифференциации значений); *yokarı* — *yukarı* „верх“, „верхний“, „вверх“, *ovmak* — *uvmak* „мять“, „тереть“, *boğday* — *buğday* „пшеница“, *oğraşmak* — *uğraşmak* „заниматься чем-либо“, „возиться с чем-либо“, *üzengi* — *özeni* „стремя“, *büyük* — *böyük* „большой“, *özmek* — *üzmek* „ослаблять“, „притеснять“, „мучить“, *gömrük* — *gümruk* (из ит.) „таможня“, *fota* — *futa* (из ит.) „бочка“, *höcre* — *hücre* (из ар.) „камера“, „ложка“, *öğü* — *üğü* „сова“, *tohaf* — *tuhaf* (из ар.) „странный“, „смешной“, *yön* — *yün* „сторона“, „направление“ и т. п.

Чередования широких и узких гласных перед этимологическим или комбинаторным *y*, т. е. в словах типа *eyi* — *iyi* „хороший“, *eğri* — *iğri* „кривой“, „изогнутый“, *eğmek* — *iğmek* „гнуть“ и т. п. объясняются влиянием *y*, о чем специально говорилось в разделе 5А главы III.

Б. Чередование согласных

g(ğ) — v, k — v. В современном литературном языке налицо стремление закрепить в качестве нормы формы слов с губно-зубным (при небрежной речи губно-губным) *v*, особенно перед губными гласными. Описываемое чередование наблюдается в первом или втором слоге. Примеры: *soğuk* — *suvuk* „холодный“, *koğmak* — *kovmak* „гнать“, „изгонять“, *oğmak* — *ovmak* „мять“, „тереть“, *öğmek* — *övme* „хвалить“, *öğüt* — *övüt* „наставление“, „совет“, *döğmek* — *dövmek* „бить“, „толочь“, „ковытать“, *üğendire* — *üvendire* (рогатина, которой погоняют быков), *şakul* — *şavul* (из ар.) „отвёс“ (чередование *k — v*) и др.

Чередующийся согласный *v* в наших примерах не имеет комбинаторного характера, как это можно было бы допустить, учитывая наличие губных гласных в первых слогах. Независимость губно-зубного согласного *v* от соседнего губного гласного свидетельствуется другими словами, не имеющими в своем составе губных гласных, как, например, *kıgılcım* — *kıvılcım* „искра“, *kağşamak* — *kavşamak* „обрушиваться с треском“, „опускаться“ и др.

$\frac{b}{p} — m$. Чередование *b — m*, хорошо известное в других тюркских языках и служащее наряду с другими признаками характеристикой огузских и кыпчакских языков, в турецком проявляется эпизодически. К сравнительно немногочисленным примерам с чередованием $\frac{b}{p} — m$ относятся: *kıpırdamak* — *kımıldamak* „шевелиться“, „двигаться“, *behane* — *mahane* (разг.) „предлог“, „повод“, *kıpır kıpır kımıldanmak* „беспрестанно шевелиться“, „дрожать“ (в этом выражении имеются чередующиеся основы *kıpır* и *kımıl*), *engebe* — *engeme* „неровный“, „обрывистый“, „покатый“ и некоторые другие.

r — l. Чередование плавных *r — l*, достаточно заметное в литературном языке, еще больше распространено в территориальных диалектах и

разговорном языке. Примеры: *güreş — güleş* (разг.) „борьба“, *barçak — balçak* „эфес шпаги“, *bağırdak — bağıldak* „пеленки“, *selvi* (из перс. سروی *servi*) „кипарис“, *şiğir — şiğil* „кольцо без камня“, *ürümek — ulumak* „выть“, „завывать“ и др.; сюда же относятся чередующиеся формы аффиксов при звукоподражательных основах, а именно *-ır-, -il-* и *-ırda-, -ilda-*.

ç — ş. Чередование ç — ş наблюдается в начале слов и не имеет широкого распространения. Между прочим оно хорошо известно внутри кыпчакских языков в качестве приметы, отличающей, например, киргизский язык от казахского. Примеры из турецкого: *çak* (подражание звуку удара при столкновении двух предметов) — *şak* (звукоподражание хлопанию), *çaprak — şaprak* „чепрак“, *çangır — şangır* / *çingir — şingir* (звукоподражание звону, бряцанию), *çatı* и более древняя форма этого слова *şatu* — первая в значении „крыша“, „стропило“, вторая в значении „плоская крыша“, „терраса“ и др.

b — v. Чередование b — v больше известно в качестве звуковой корреспонденции (соответствия), служащей отличительным признаком между огузскими и кыпчакскими языками. Ср., например, соответствия *ber-* (кыпчак.) — *ver-* (огуз.) „давать“; *bar-* (кыпчак.) — *var-* (огуз.) „идти“, „доходить“.

В турецком языке данное чередование является достоянием разговорной речи, откуда оно и проникло в литературный язык, как и большинство остальных чередований. Примеры: *esbap* (из ар.) — *esvap* „гардероб“, „одежда“, *payvant* (из перс. پایبند) „путы для лошади“, *pazvant* (из перс. پاژبند) „ночной сторож“, „караульщик“, *tabulga — tavulga*¹ „таволожник“ и некоторые другие.

* * *

Кроме описанных выше чередований согласных, в турецком языке имеются и другие, как, например, звонкого *b* и глухого *p* в начале слов (ср. заимствования из перс. *bazu — pazu* „рука“, тур. *bastırma — pastırma* „вяленое мясо“² и др.), свистящего *s* и шипящего *ş* (*satranç — şatranç* „шахматы“ и др.) также в начале слов, сонорного *y* и звонкой аффрикаты *c* (ср. *yar* „пропасть“, „бездна“ и *car* „яр“, „обрыв“, *yır* и *cır* „песня“ и др.) и т. д.

¹ Чередование b — v, впрочем, может иметь и комбинаторное происхождение, так как в тюркских языках, особенно в огузских, смычный *b* между гласными и после некоторых согласных переходит в проточный *v*, с чем связана, между прочим, известная гипотеза П. М. Мелиоранского о происхождении основы ол- „быть“ из бол-. Ср. также форму предикативного аффикса 1-го лица ед. ч. в старотурецком *-van || -ven, -vanın || -venin* из *-ban || -ben, -banın || -benin*. Комбинаторное происхождение приведенных выше форм с проточным *v* не исключено.

² Ср. еще *gaybet — kaybet* „терять“, *galabalık — kalabalık* „толпа“, „скученность“, *dala — tala* „кусать“, *gemir — kemir* „грызть“ и некоторые другие в которых заметна тенденция к оглушению начального звонкого смычного согласного.

Сам факт чередований в области гласных и согласных в литературном языке говорит о фонетической неоднородности последнего. Рассматривая фонетический строй современного турецкого литературного языка в историческом разрезе, мы видим в нем следы различных диалектальных напластований, смешанных между собой. И в этот массив все гуще вкрапливаются элементы речи населения Стамбула, образуя господствующие нормы литературного языка. Происходит дальнейший процесс фонетического развития языка, когда другие формы разговорной речи, на этот раз массовой речи городского населения Центральной Анатолии, стремятся внедриться в литературный язык в качестве его господствующих норм. Однако судить о результатах этого процесса пока преждевременно.

VII. УДАРЕНИЕ

До начала нашего века все исследователи и знатоки турецкого языка единодушно сходились на том, что во всех именных основах и производных от них формах, а также в огромном числе других грамматических форм, за исключением определенных глагольных образований, энклитик (слов и служебных элементов, не имеющих ударений) и заимствований из других языков, имеется единообразное ударение на последнем слоге слова. Правда, не всегда оставалось ясным, что имеют в виду исследователи, говоря о турецком ударении. Но в целом почти безраздельно господствовало мнение, что турецкое ударение носит экспираторный характер, т. е. что акцент на гласном ударного слога достигается путем более сильной, более энергичной артикуляции ударного гласного в сравнении с остальными, безударными или относительно слабо ударными, гласными слова.

В начале нашего века один из старейших исследователей турецкого языка и собирателей его фольклора И. Кунош высказал новую точку зрения, согласно которой основное экспираторное ударение в турецком языке покоится на первом слоге, а последний слог имеет заметное побочное ударение. Вскоре после И. Куноша появилась небольшая работа норвежского лингвиста К. Нильсена, в которой автор выдвинул новую теорию ударения в турецком языке. По К. Нильсену, в двухсложных и отчасти в трехсложных словах (К. Нильсен занимался преимущественно ударением в двухсложных словах) экспираторное ударение падает чаще всего на последний слог, но в значительном количестве случаев основное экспираторное ударение зависит от долготы слога и гласного. Закрытый слог является более долгим, чем открытый. Широкие гласные, в первую очередь гласные заднего ряда, имеют большую длительность, чем узкие, а вследствие этого в словах с двумя открытыми или двумя закрытыми слогами более долгим будет слог с широкими гласными. Более долгий слог и привлекает на себя основное экспираторное ударение, при этом закрытый ударный слог имеет более сильный экспираторный акцент, чем открытый ударный слог с широким гласным, и в этом смысле по теории К. Нильсена приоритет остается за закрытым слогом. Так как исследование К. Нильсена не было поставлено на экспериментальную почву, и все наблюдения

автора производились на слух, к тому же не без известной предвзятости, то его выводы в целом оказались схематичными и неверными.

Во всех последующих работах, посвященных турецкому языку, на ударение сохранялся старый взгляд. То же самое мы видим, в частности, в работе В. Прёле, который после появления новых теорий о турецком ударении специально занялся этой темой и в качестве доказательства в пользу традиционного взгляда привлек турецкий текст, переданный греческими буквами, в котором все слова были помечены ударениями и именно на конце слов.

В таком положении оставался в общем вопрос о турецком ударении вплоть до появления исследований на эту тему, предпринятых шведскими учеными Г. Ракеттом и Б. Коллиндером. Отступление от традиционного взгляда за указанный промежуток времени мы находим, пожалуй, только в обширной грамматике турецкого языка Ж. Дени¹, в которой автор сделал попытку примирить господствующий взгляд на турецкое ударение с теорией К. Нильсена, в результате чего, в противоречии с фактами и со всеми исследователями, он пришел к явно ошибочному признанию безударности ряда словообразовательных и словоизменительных аффиксов, оканчивающихся на узкий гласный² (-li, -(i)li, -ci и др.), в противоположность аффиксам с широкими гласными, привлекающими на себя ударение.

В 1927 г. Г. Ракетт предложил новое объяснение турецкого акцента, согласно которому экспираторное ударение покоится на первом слоге (за исключением определенных случаев), а на последнем слоге слова имеется музыкальное ударение (самый высокий тон в слове), между тем как самый низкий тон находится на первом слоге, несущем экспираторное ударение. Теория Г. Ракетта, в которую в качестве органической части оказалось включенным положение И. Куноша об экспираторном акценте на первом слоге, сразу же вступила в противоречие со всеми наблюдениями большинства тюркологов, и это противоречие незадолго до начала 40-х годов XX в. попытался устранить другой шведский лингвист Б. Коллиндер, который в отличие от всех своих предшественников провел наблюдения не в Стамбуле, а в Бруссе, притом имея все время дело с одним лишь осведомителем, тем самым ослабив с самого начала правомерность своих выводов для литературного турецкого языка.

Б. Коллиндер, объединяя взгляды К. Нильсена и Г. Ракетта, пришел к выводу, что в собственно турецких словах, за известными исключениями, признаваемыми всеми исследователями турецкого языка, имеется музыкальное ударение на последнем слоге, на который по большей части, но не всегда, и приходится главное экспираторное

¹ Если не считать менее значительных работ, вроде грамматики М. Хортена (M. Horten. *Kleine türkische Sprachlehre*. Heidelberg, 1916), в которой автор чисто теоретическим путем приходит к признанию в турецком языке лишь музыкального ударения, не попытавшись даже показать это на фактах.

² Более подробно об этом см. J. Deny. *Grammaire...*, § 37, 192, 210, 1333.

ударение. В заимствованиях и в ряде грамматических форм турецкого языка, составляющих исключение, экспираторное ударение лежит не на конечном слоге, и на таком слоге обычно бывает максимальное повышение тона (музыкальное ударение) в слове. Если максимальный по высоте тон (основное музыкальное ударение) приходится на начальный слог, то последний вместе с тем несет основное экспираторное ударение.

В соответствии с теорией К. Нильсена Б. Коллиндер указывает, что в двухсложных словах на краткий первый слог никогда не падает главное экспираторное ударение, а долгий первый слог никогда не имеет заметно выраженного слабого ударения. В многосложных словах, имеющих обычно экспираторное ударение на последнем слоге, может произойти передвижка ударения на пред- или пред-предударный слог, если последние оказываются более долгими, чем конечный слог, и музыкальное ударение в подобных случаях, как и в ряде других, может разойтись с экспираторным.

Таким образом, в работе Б. Коллиндера, как и в работе Г. Ракетта, но в более осторожной форме, был совершен отход от признания господствующей роли экспираторного ударения в турецком языке, и выдвинуто положение о доминирующей роли музыкального ударения. Так окончательно определились две противоположные точки зрения на природу и место ударения в турецком слове, не говоря уж о существенных расхождениях между сторонниками одного и того же лагеря.

В этой обстановке разногласия вовсе было не случайным появление статьи датского тюрколога К. Грёнбека об ударении в турецком и монгольском языках, в которой автор высказал взгляд об отсутствии вообще определенного фиксированного ударения в основной массе турецких слов и о свободном характере турецкого экспираторного ударения. Что касается музыкального ударения, то, по мнению автора, в турецких словах имеется стереотипное движение тона с подъемом к концу, но и это движение, как и экспираторное ударение, не составляет постоянной фонетической характеристики слова и чаще всего определяется эмоционально-психологическими факторами.

Вместе с тем К. Грёнбек оказался вынужденным признать, что в ряде собственно турецких форм, не говоря уж о заимствованиях, имеется твердо фиксированное экспираторное ударение, и совокупность всех этих форм автор, следуя своим предшественникам, относит к числу исключений, не замечая того, что само наличие этих исключений, при любых объяснениях последних, находится в резком противоречии с исходными положениями автора.

Нетрудно видеть общие причины создавшегося в зарубежной тюркологии теоретического разнобоя в учении об ударении в турецком языке. Этих причин по меньшей мере три. Прежде всего почти все западные исследователи, за единичными исключениями, признавали за ударением чисто фонетическую роль. Для огромного большинства зарубежных ученых ударение оставалось лишь фонетической характеристикой слова, лишенной фонологического значения. Лишь изредка

отдельные ученые в робкой форме указывали на смысловую роль ударения¹. С другой стороны, исследователи нередко смешивали собственное ударение слова с фразеологическим ударением, впадая в этом случае в крайности: приписывая словесному ударению фактическое ударение его в предложении (Б. Коллиндер) или не замечая в нем собственного ударения (К. Грёнбек).

В учении об ударении проявилась, далее, другая черта зарубежной тюркологии. Как и в отдельных грамматических исследованиях, здесь также турецкому слову приписывались особенности, присущие родному языку исследователя, и в результате музыкальное ударение принималось за экспираторное (И. Кунош и другие), а экспираторное — за музыкальное (Г. Ракетт, Б. Коллиндер).

Наконец, все наблюдения в области турецкого ударения производились западноевропейскими исследователями на слух, и никто из них ни разу не обратился к уже имеющимся на этот счет экспериментальным данным в трудах русских востоковедов, полученным из наблюдений над другими тюркскими языками. Таким образом, третьей причиной теоретического разнобоя на Западе в проблеме ударения явилось замалчивание, а порой и прямая неосведомленность западных ученых в экспериментальных исследованиях, проведенных русскими тюркологами и имеющих большое значение также для турецкого языка.

* * *

В турецком языке ударение является преимущественно экспираторным или динамическим. Помимо него в слове имеется также музыкальное или тоническое ударение.

В отличие от русского языка, где так велика смысловоразличительная роль ударения, в турецком языке последнее развито не в такой мере. Вместе с сингармонизмом оно служит выражением границ турецкого слова, помимо других своих функций, о которых будет сказано дальше. Фонологическая роль турецкого ударения ограничивается известными сферами слов и грамматических форм.

Второе отличие турецкого ударения от русского выражается в отсутствии одновременного музыкального ударения на слоге, несущем основное экспираторное ударение.

Третье отличие между обоими ударениями заключается в том, что в русском языке ударный гласный удлиняется больше, чем в турецком. Безударный долгий гласный в турецком слове довольно часто протяженнее краткого ударного гласного.

Наконец, четвертое отличие касается динамики экспираторного ударения: в русском языке ударный гласный произносится значительно сильнее, чем остальные гласные в слове, в турецком же ударный

¹ Отчасти это видно, например, у Ж. Дени, а также в рецензии на работу Б. Коллиндера, написанной тюркологом Г. Дуда (H. W. Duda. Björn Collinder's osmanisch-türkischen Lautstudien. ZDMG, Bd. 94 (Neue Folge, Bd. 19), I Hft, Leipzig, 1940, S. 92).

гласный по своей силе лишь немногим превосходит остальные гласные слова.

Все сказанное касается ударения в изолированном слове. В отрицательном, восклицательном, вопросительном, повелительном предложениях и в предложениях с иным модальным содержанием динамика и высота тона ударения в слове могут меняться, и, следовательно, количественная сторона экспираторного и тонического ударений в слове не постоянна. В предложении [сила ударения относительна, и потому какое-либо слово, например, экспрессивного характера, имеющее сильное и высокое по тону ударение в изолированном положении, может оказаться слабым рядом с другим словом, которое по своей роли оказалось ведущим в высказывании и потому получило более сильное ударение.

В настоящей главе рассматривается ударение в изолированных словах и простейших синтагмах. Картина ударения в предложении еще почти не изучена, и данный вопрос здесь не освещается.

Экспираторное ударение в турецком слове представляет довольно сложную картину. Помимо главного, в слове имеются еще и второстепенные экспираторные ударения. Второстепенные ударения распределяются в слове неравномерно и допускают значительные колебания. Механизм явлений редукции и стяжения, а также накопленные слуховые наблюдения позволяют выделить среди второстепенных ударений наиболее слабые из них, которые приходятся на пред- и заударные слоги основы или наращенной формы.

Самое сильное экспираторное ударение в корне словообразовательных и в большей части словоизменительных форм приходится на последний слог слова безотносительно к числу и протяженности его слогов. Ср., например, *alán* „берущий“, *alín* „лоб“, *sattim* „я продал“, *koltúk* „подмышка“, *çağır!* „позови!“, *sağır* „глухой“, *makaracı* „катушечник“, *şeytanlık* „хитрость“, „коварство“, „дьявольские козни“, *manzaralı* „имеющий красивый вид“, *şakası* „его шутка“, *babayı* „отца“ (винительный падеж), *takatsız* „слабый“, „бессильный“, „немошный“, *yorgancık* „одеяльце“, *sakacı* „водонос“, „водовоз“, *yará* „рана“, *keké* „зайка“, *dahá* „еще“ и т. д.

В приведенных примерах встречаются слова с кратким конечным и предшествующими долгими слогами, с двумя одинаковыми или близкими по протяженности слогами, однако основное экспираторное ударение во всех случаях фактически приходится на гласный конечного слога, и, таким образом, положение К. Нильсена о решающем значении протяженности слогов и полнозвучии гласного не подтверждается, как не подтверждается, с другой стороны, мнение И. Куноша, Г. Ярринга и других о начальной позиции основного экспираторного ударения. То, что названные ученые приняли за основное экспираторное ударение — каждый под влиянием норм родного языка, — на самом деле является вторым по силе, т. е. второстепенным экспираторным ударением на начальном слоге двух-, трех- и четырехсложных основ, и это

второстепенное экспираторное ударение одновременно сопровождается наиболее высоким музыкальным тоном в слове.

Музыкальное ударение во всех знаменательных частях речи, за вычетом большинства наречий и некоторых словоизменительных форм, о которых будет сказано ниже, покоится на начальном слоге. Здесь находится относительно самый высокий тон в слове, самый низкий — на конечном слоге.

Таким образом, основное динамическое ударение сопровождается минимальным тоном, и движение музыкального тона в слове имеет нисходящий характер. Однако интервал между самым высоким и самым низким тоном незначителен, и изменение музыкального тона от начала к концу невелико, в частности оно невелико в приводившихся выше примерах.

Второстепенные экспираторные ударения в неразложимых основах, словообразовательных и словоизменительных формах распределяются в зависимости от количества слогов в слове. В двух- и трехсложных словах второе по силе ударение падает, как уже было указано, на начальный слог. Самое слабое ударение в трех- и более многосложных словах приходится на предударный слог. В целом, разница в динамике главного и второстепенного ударений незначительна, хотя и улавливается ухом. Примеры: *kárindás*¹ „брат“, „сестра“, *ságyísíz* „непочтительный“, „невнимательный“, „назойливый“, *éşkiyá* „разбойники“, *sánilmák* „предполагаться“, „считаться“, *dólbámbáç* „кружный путь“, „витой“, „извилистый“, *káyıkçı* „лодочник“, *yáplán* „сделанный“, *kivölcím* „искра“, *sábırsız* „нетерпеливый“, *hıçkırmák* „рыдать“, „всхлипывать“, *gélincík* „хорек“, *bátlyá* „на запад“, *túlumbá* „насос“, „пожарный насос“, *ákılsız* „неумный“, *báğırsák* „кишки“, „внутренности“, *dáminá* „на его крышу“, *yárisí* „половина его“, *álinán* „взятый“, *sálincák* „качель“, „колыбель“, *évcigéz* „домик“, *yánılmáz* „безошибочный“, *kúmárbáz* „любитель азартных игр“, *örümcék* „паутина“, „паук“ и др.

В словах с четырьмя и более слогами наиболее сильное второстепенное ударение не имеет постоянного места. Очень часто оно падает на последний слог корня или основы, однако может сохраняться и на начальном слоге. Музыкальное ударение остается на начальном слоге. Ср. *ilêrdé* || *ilêridé* „вперед“, „в дальнейшем“, *başkâlardán* „от других“, *kômşuları* „его соседи“, *kóllarındán* „от его рук“, *istêklêrí* „их требования, желания“, *alışkanlık* „привычка“, *adámcağız* „человечек“, *kamçılámák* „сечь кнутом“, *gündüzlêrí* „в дневное время“, *ilêrlémék* „идти вперед“, „прогрессировать“, „преуспевать“, *kâçırdılár* „они упустили“, *öldürülén* „убитый“, *sókâklarımızdâ* „на наших улицах“, *döymázlığındán* „вследствие его ненасытности“, *hüdütlârimizdán* „от наших границ“, *kabahâtlansá* „если его обвинят“, *sanayıleşmék* „индустриализироваться“,

¹ Цифра ¹ обозначает наиболее сильное второстепенное экспираторное ударение, цифра ⁰ безударное положение гласного.

éلبisêlik „на платье“, „на одежду“, *kúnduracılık* „ремесло сапожника“, *meyvâldârdân* „от плодов“ и др.

Кроме слов с основным экспираторным ударением на гласном конечного слога, в турецком языке достаточно велико и число слов с баритоническим ударением, т. е. ударением не на конечном слоге. Такое ударение типично прежде всего для сложных слов и близких им по строению форм, наблюдается оно также и в синтагмах.

Так как составные слова представляют собой лексикализованные синтаксические сочетания, восходящие к предложениям, определительным и объектно-предикатным связям, то определение места главного экспираторного ударения в подобных словах невозможно без выяснения ударения в синтаксических связях названных типов.

В отличие от ударения в отдельном слове основное экспираторное ударение в словосочетании выполняет прежде всего синтаксическую и логическую задачу, выделяя в сочетании тот его член, который конкретизирует сочетание. В определительном сочетании конкретизирующим является определение. В объектно-предикатном сочетании эту функцию несет дополнение, конкретизирующее сказуемое¹. В предложении без дополнения (к которому восходит целый ряд сложных слов) ведущим является сказуемое, конкретизирующее подлежащее. Все эти конкретизирующие слова несут на себе максимальное экспираторное и одновременно музыкальное ударения, которые приходятся на их последний слог. Второе, т. е. конкретизируемое слово имеет на последнем слоге второе по силе экспираторное ударение.

Описанное нами распределение ударений сохраняется также во многих сложных словах, например, в турецких географических названиях. Ср., в частности, следующие географические названия: *Kırşehir* дословно „серый город“, *Ákşehir* дословно „белый город“, *Gölpazarı* дословно „рынок у озера“, *Karaburún* дословно „черный мыс“, *Adâpazarı* или *Adâpazarı* дословно „островной рынок“ или „рынок на острове“, *Orhâneli* дословно „племя Орхана“ или „край Орхана“, *Taşköprü* дословно „каменный мост“, *Béypazarı* дословно „рынок бея“, *Aksaray* дословно „белый дворец“, *Sivrihisâr* дословно „остроконечная крепость“, *Kuşpazarı* дословно „птичий рынок“, *Ulúborlu* дословно „великий Борлу“, *Pınarbaşı* дословно „начало источника“, *Kırklareli* дословно „племя сорока“ или „край сорока“, *Ákdeniz* дословно „белое море“ и др.

Такова же картина главного и второстепенного экспираторного ударений и во многих нарицательных именах, в частности в терминах, восходящих к определительным сочетаниям. Ср., например, *akaryakıt* „жидкое топливо“, дословно „текущее горючее“, *kızkardeş* „сестра“,

¹ Г. Рамстедт, отмечая вместе с другими исследователями более слабое ударение на сказуемом в сравнении с дополнением, обосновывает свое наблюдение теоретическим положением, по которому „конечный член словосочетания акцентируется слабее начального“, с чем далеко не всегда можно согласиться (Ср. G. I. Ramstedt, *Über die Struktur der altaischen Sprachen*, *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 55, Helsinki, 1951, p. 94).

дословно „девушка-брат“, *gecéyarısı* „полночь“, *güleryüzlü* „приветливый“, „радушный“, дословно „со смеющимся лицом“, *gülağacı* „розовый куст“, дословно „розовое дерево“, *denizaltı* „подводная лодка“, дословно „подморье“, *başbakan* „премьер-министр“, дословно „главный министр“, *ályandák* „розовощекий“, дословно „румяная щека“, *karáyüzlü* „бесчестный“, „бессовестный“, дословно „с черным лицом“, *yildönümü* „годовщина“, дословно „возвращение года“, *ákcigér* „легкое“, дословно „белое легкое“, *siçánótú* „мышьяк“, дословно „мышинная трава“, *kargáburnú* „щипцы с кривыми концами“, дословно „вороний клюв“, *átbalígi* „гиппопотам“, дословно „лошадь-рыба“, *ítyataği* „вертеп“, „притон“, дословно „собачье логово“, *kúşüzümü* название сорта мелкого черного винограда, дословно „птичий виноград“, *keçiboynuzú* „сладкий рожок“, дословно „козий рог“, *keçikulaği* „щавель“, дословно „козье ухо“, *ákdikén* „крыжовник“, дословно „белый терновник“ и др.

В сложных словах, восходящих к предложениям, музыкальное ударение лежит на последнем слоге первого элемента, главное же экспираторное ударение — на последнем слоге второго элемента. В словах, восходящих к сочетаниям сказуемого с дополнением распределение ударений такое же, как в определительных сочетаниях. Ср., например, *başıkabák* „с обнаженной головой“, дословно „голова его обнаженная“, *basıdolú* „умный“, дословно „голова его полная“, *ağzıkará* „клеветник“, дословно „уста его черные“, *güngörméz* „темный“, дословно „не видящий солнца“, *küşkonmáz* „спаржа“, дословно „птица не садится“, *bàşaşagı* „вниз головой“, „вверх дном“, дословно „голова вниз“. *mirásyedi* „мот“, „расточитель“, дословно „он съел наследство“, *citkırıldım* „хрупкий“, дословно „я сломался с хрустом“, *vurdümdüymáz* „бесчувственный“, „толстокожий“, дословно „я ударил, он не чувствует“, *gönlükará* „злонамеренный“, дословно „сердце его черное“, *çobánaldatán* „трясогузка“, дословно „обманывающий пастуха“ и многие другие.

Обращаясь к составным словообразовательным и словоизменительным формам, остается лишь повторить сказанное о сложных словах. Все, что говорилось о распределении главного и второстепенного экспираторного ударений в сложных словах, в принципе применимо также и к словообразовательным и словоизменительным формам аналитического строения. Главное экспираторное ударение вместе с музыкальным, как правило, покоится в этих формах на конечном слоге первого элемента; конечный слог второго элемента получает второстепенное ударение, которое сильнее в знаменательных словах и слабее в служебных (послелогах, частицах и некоторых союзах).

Обратимся к обзору форм.

Ударение в формах, выражающих интенсивную степень признака прилагательного: *doğrudán doğrú* „совершенно правильный“, *açıktán açık* „совершенно ясный“, *derindén derin* „глубочайший“ и т. п. В стя-

¹ Значок обозначает музыкальное ударение.

женных формах „интенсива“: *mósmór* „совершенно лиловый“, *símsíki* „совершенно узкий, тесный, жесткий, твердый“, *káskatl* „очень твердый, черствый, жесткий“, *bámbská* „совершенно другой, иной“, *yapáyalníz* || *yápyalníz* „совершенно одинокий“, *sapásağlám* || *sápsağlám* „совершенно здоровый“, *çirçiplák* || *çirilçiplák* „совершенной ногой“, *yúsyuvárlák* „абсолютно круглый“, *kóskocá* || *kóskocamán* „огромный“, „громадный“ и т. п., а также в некоторых наречиях рассматриваемого строения, например, *gősgöre*¹ „совершенно явным образом“, *güpegündüz* „совершенно днем“ и т. п. Первый односложный или двухсложный элемент в приведенных формах служит выразителем интенсивности прилагательного или наречия и, таким образом, в известном смысле является определением к прилагательному, выполняя ту же функцию, что и усилительные определения *pek çok*, *gayet* и др. Вследствие этого основное экспираторное ударение падает на начальный слог интенсивной формы.

Ударение в составных местоимениях и наречиях также покоится на первом элементе. Ср., *hérné* „что бы ни“, *hérkim* „кто бы ни“, *hérbír* „каждый“, „любой“, *seninki* „твой“ (названный уже в предшествующей речи предмет), *şimdi* (из *oş imdi*) „теперь“, *bú kadar* „столько“, *şú kadar* „столько“, *sánki* „как будто“, „словно“, *bélki* „может быть“ и др.

Ударение в составных глаголах: *záptetmek* „захватывать“, *déftetmek* „отталкивать“, „изгонять“, „устранять“, *dércetmek* „помещать“, „включать“, „вставлять“, *güçetmek* „принуждать“, „насиловать“, *élvurmák* „приниматься за что-либо“, „предпринимать“, *zór gelmek* „быть трудным“, *yók olmak* „исчезнуть“, *yér almak* „занять место“, *yán çizmek* „уйти потихоньку“, „улизнуть“, *kán tutmak* „задеть за живое“, *íc çekmek* „глубоко вздыхать“, *yól gitmek* „пройти путь“ и др.

Вещественная часть составного глагола выражена именем. Последнее наполняет конкретным содержанием служебный глагол. Этим обстоятельством и разъясняется сосредоточение главного экспираторного и вместе с ним музыкального ударения на именной части составного глагола.

Ударение в видовых формах глагола: *kaçávermek* „быстро, внезапно убежать“, *yazádurmák* „все время писать“, *büyüýegeldi* „он рос“, *düşéyazdı* „он чуть не упал“, *káybolup gitti* „он пропал“, „он исчез“, *uyuyákalmák* „уснуть“, *yapábilmék* „уметь делать“ и т. п. Здесь также вещественное содержание видовой формы глагола сосредоточено в первом члене — деепричастии, на котором и покоится главное экспираторное и одновременно музыкальное ударение.

Ударение в послеложных сочетаниях: *onún ilé* || *onúnlá* „с ним“, *bizím gibi* „как мы“, *bunún için* || *búnunçún* „поэтому“, *yaşamák için* „чтобы жить“, *dünyá kadar* „огромный“, буквально „величиной с мир“, *sahilé kadar* „до берега“, *béş litré kadar* „около пяти литров“, *baná*

¹ Быть может, было бы правильнее рассматривать *gősgöre* как переосмысление по аналогии (с рассматриваемой формой „интенсива“) деепричастия от *göz göre*, где *göz* „глаз“ — подлежащее, а *göre* „видя“ — его сказуемое.

göre „по мне“, *oná karşı* „против него“, *ormaná doğrú* „по направлению к лесу“, *bundán başká* || *bundán gayri* „кроме этого“, *bundán dolayı* „вследствие этого“, *bizdén evél* „до нас“, *bír ay sónrá* „через месяц“, *bundán sónrá* „после этого“ и т. п. В двух последних сочетаниях максимальный экспираторный акцент падает на послелог, а не на знаменательное слово, как в предшествующих им примерах. Еще сильнее ударение на послелог в сочетаниях с *óncé*, например, *harptén óncé* „до войны“, *bundán óncé* „до этого“, *söylediğimiz veçhilé* „как мы говорили“, далее *sarmák suretilé* „обертывая“, *yıldönümü münasebetile* „в связи с годовщиной“ и подобные им сочетания, в которых второй член — служебное имя — имеет больший экспираторный и вместе музыкальный акцент, чем первый член — носитель вещественного значения.

Таким образом, в последних формах распределение главного и второстепенного ударений противоположно тому, которое наблюдалось выше. Объясняется такое перераспределение ударений тем, что в подобранных нами примерах послелоги и служебные имена (*sónrá*, *suretilé*, *münasebetile*, *veçhilé*) имеют баритоническое ударение (ударение не на последнем слоге), которое вообще сильнее ударения небаритонического. Находясь рядом с баритоническим ударением названных служебных элементов, конечные ударения знаменательных слов *bír ay*, *bundán*, *sarmák*, *yıldönümü*, *anlattığımız* оказываются относительно более слабыми, и, таким образом, картина ударений в этих сочетаниях представляется обратной той, с которой мы познакомились раньше. Подобное соотношение будет повторяться каждый раз, когда ударение на втором элементе вообще любого сочетания — грамматикализованного или неграмматикализованного — будет иметь баритонический характер. Ср., например, следующие сочетания с послелогам *máadá*, *názárán*, *bináén*, имеющими баритоническое ударение: *bizdén máadá*, но *bizdén başká* „кроме нас“; *karará bináén*, но *karará göre* „согласно решению“; *rivayetleré názárán*, но *rivayetleré göre* „согласно преданиям“. Ср. еще местоименные и наречные формы, образованные с *her*: *herhángı*, *hernásıl*, *hernásılsa henedénsé*, *hernéysé* — все с ударением на вторых членах *hángı*, *násıl*, *násılsa*, *nedénsé*, *néysé*, баритонические ударения которых, за исключением первого, в свою очередь объясняются тем, что все они, за исключением *hangı*, составного происхождения: *násıl* из *né asıl*, *násılsa* из *né asıl isé*, *nedénsé* из *nedén isé*, *néysé* из *né isé*. Но если подставить вместо них другие элементы с обычным ударением, то первый член *her* принимает на себя основное ударение, например, *herné*, *hérkı́m*, *herbír*, уже приводившиеся выше. Ср. также отмеченные выше составные глаголы с главным экспираторным ударением на именной части и некоторые деепричастные формы тех же глаголов с главным баритоническим ударением на деепричастии служебного глагола: *záptetmék*, но *zaptolúncá*; *dércetmék*, но *dércettíkçé*; *yók olmák*, но *yók ólmádán*; *yól gitmék*, но *yól gitméksızın* и т. д. Как только вторым элементом сочетаний рассматриваемого типа оказывается слово с конечным ударением, восстанавливается обычная картина

экспираторных ударений: более сильное на первом члене и более слабое на втором члене сочетания.

Ср. также следующие примеры: *bíz geledénbéri* „с тех пор, как мы приехали“, *çóktánbéri* „издавна“ „с давних пор“, *yér üstündé* „на земле“, *év içindé* „в доме“, „внутри дома“, *bú durum karşısındá* „при таком положении“, *gemilér arkasındán* „из-за кораблей“, *onún yanındá* „возле него“, „около него“, *davetlilér arasındá* „среди приглашенных“, *meydán ortasındá* „посреди площади“, *duvár altındá* „под стеной“, *piyanó başındá* „за фортепиано“, *senín yüzündén* „из-за тебя“ и др. Главное экспираторное ударение вместе с музыкальным покоится на первом члене.

Ударение в союзах и частицах составного происхождения покоится на первом элементе: *yóksá* (из *yók isé*) „или“, *yáhút* (из *ya hot*) „или“, *níçín* (из *né içín*) „почему“, *yáda* (из *ya da*) „или же“, *çünkü* „потому что“, *zirákí*¹ „потому что“, *madámki* „поскольку“, *bír de* „и еще“, *hálbúki* „между тем как“ и др.

Ударение в словоизменительных составных формах глагола: все модальные, временные и деепричастные формы, образованные при помощи недостаточного глагола *i-* „быть“, имеют главное экспираторное ударение на первом элементе, например, *yazár idím || yazárdím* „я писал“, „я писал бы“, *yazár imişim || yazármışim* (с передвижкой следующего по силе экспираторного ударения на личный показатель *-im*, обычно безударный) „я, мол, писал“, *yazár isém || yazársám* „если я пишу“, *gidér ikén || gidérkén* „идя“, *girsé idím || girséydím* „если бы я вошел“, *alá idi || aláydı* „взял бы он“, *kalmalı idín || kalmalıydın* „ты должен был оставаться“, *dönmeli imişim || dönmeliymişim* (с передвижкой второго по силе экспираторного ударения на личный показатель *-im*) „будто я должен вернуться“ и т. д. Такое же распределение ударений наблюдается во всех других временных формах изъявительного наклонения, образованных при помощи глагола *i-* (т. е. во временных формах *-yor*, *-makta*, *-dı*, *-mış*, *-(y)acak*).

Итак, в составных формах основное экспираторное ударение вместе с музыкальным, как правило, приходится на первый член сочетания, который конкретизирует значение сочетания в целом. Во всех этих случаях экспираторное и музыкальное ударения выступают в качестве форм выражения логико-синтаксических отношений между членами сочетания, из которого развилось составное или сложное слово.

Описанное выше распределение ударений в составных и сложных словах не носит, однако, абсолютного характера. Можно выделить известное число слов, в которых главное экспираторное ударение передвинулось на конец всего словосочетания, а второстепенное ударение — на конечный слог первого слова.

¹ Союзы *çünkü* и *ziraki* заимствованы из персидских *çünke* и *zirake* вместе с их баритоническим ударением.

Такие ударения чаще всего наблюдаются в тех случаях, когда второй член сочетания состоит из одного слога. Примеры: географические названия: *Demirköy* дословно „деревня железа“, „деревня, где имеется железо“, *Bakırköy* дословно „деревня меди“, „деревня, где имеется медь“, *Bozkır* дословно „серая степь“, *Incesü* дословно „нежная вода“; другие слова: *birçok* „много“, *birkâç* „несколько“, *birâz* „немного“, *altüst* „вверх дном“ (дословно „низ верх“), *camgöz* „жадный“, „алчный“ (дословно „стеклянные глаза“), *demiryól* „железная дорога“, *derebéy* „феодал“, *dört nál* „галопом“ (дословно „четыре подковы“), *demirbaş* „настойчивый“, „упрямый“ (дословно „железная голова“), *gök-kır* „серовато-голубой“, *karasú* „источник“, „родник“ (дословно „черная вода“), *karagöz* „черноокий“, „цыган“ (дословно „черные глаза“), *boşboğâz* „болтун“ (дословно „пустая глотка“), *kaynanâ* „свекровь“, *kahvaltî* „завтрак“ и др.

В парных и удвоенных словах оба члена пары имеют ударения равной силы. Ср. *âzçok* „более или менее“, *iyî kötû* „хорошо ли плохо ли“, *aşâgî yukarî* „более или менее“, „приблизительно“, *gecé gündüz* „днем и ночью“, *arâ sırâ* „иногда“, „время от времени“, *çât pát* „иногда“, „редко“, „изредка“, *öté berî* „там сям“, *istér isteméz* „волей неволей“, *görür görméz* „не успев увидеть“, *kayıtsız şartsız* „безоговорочно“ (дословно „без оговорок и условий“), *karâ karâ* „черные черные“, „много черных...“, *acı acı* „горькие горькие“, „много горьких...“, *dolú dolú* „полные полные“, „много полных...“, *zamán zamán* „время от времени“, „по временам“, *tané tané* „штуками“, *ikişér ikişér* „по-двое“, *tenceré tenceré* „кастрюлями“, *çangıl çungúl* „грубый язык“, *omúz omuzá* „плечо к плечу“, *yányaná* „бок о бок“, *eviré çeviré* „поворачивая во все стороны“, „раскинув мозгами“, *kitir kitir* (звукоподражание хрусту), *tangır tungúr* (звукоподражание бряцанию).

Равномерные экспираторные ударения на каждом члене парного или удвоенного слова не требуют особых объяснений: парность является формой слова, в которой равно важны обе части. Тем же в принципе объясняется равенство ударений на обоих словах в приложениях с тем, однако, отличием, что здесь мы имеем дело не со словом, а словосочетанием, например, *bén kendím* „я сам“, *balıkçı Osmán* „рыбак Осман“, *bây Arál* „господин Арал“ и т. д.

После всего сказанного уже легче понять безударность энклитических аффиксов и некоторых служебных элементов или баритоническое ударение в определенных грамматических формах. Поскольку ряд аффиксов словоизменения восходит ко вторым, служебным элементам сочетаний или же определяемым членам исторически реальных словосочетаний, они не несут на себе основного экспираторного ударения, а имеют второстепенное ударение или вовсе лишились его. То же касается остальных служебных элементов. Главное экспираторное ударение обычно приходится на знаменательную часть словоизменительной формы и чаще всего сопровождается заметным музыкальным ударением.

В качестве общего правила необходимо указать на то, что безударный аффикс ослабляет или лишает ударения и все следующие за ним аффиксы, но зато усиливает ударение на предшествующем ему слоге.

К числу безударных аффиксов относятся предикативные аффиксы 1-го л. ед. ч. $-(y)ım$, $-(y)im$, $-(y)um$, $-(y)üm$, 2-го л. ед. ч. $-sin$, $-sın$, $-sun$, $-sün$, 3-го л. ед. ч. $\frac{-dır}{-tır}$, $\frac{-dir}{-tir}$, $\frac{-dur}{-tur}$, $\frac{-dür}{-tür}$, 1-го л. мн. ч. $-(y)ız$, $-(y)iş$, $-(y)uz$, $-(y)üz$, 2-го л. мн. ч. $-sınız$, $-siniş$, $-sunuz$, $-sünüş$, 3-го л. мн. ч. $\frac{-dırlar}{-tırlar}$, $\frac{-dirler}{-tirler}$, $\frac{-durlar}{-turlar}$, $\frac{-dürler}{-türler}$.

Аффикс множественного числа, обычно ударный, в составе предикативного аффикса 3-го лица $\frac{-dırlar}{-tırlar}$, и т. д. не имеет ударения, так как он следует за энклитическим аффиксом $-dır$, например, *okú-maktádırlár* || *okú-maktálár* „они читают“. Если показатель $\frac{-lar}{-ler}$ предшествует указанному аффиксу, то он получает основное экспираторное ударение, например, *onlár okúmuşlardır* „они уже прочли“. Если аффикс множественного числа употребляется без показателя предикативности $\frac{-dır}{-dir}$, ударение его колеблется. Так, при основе настоящего продолжительного времени он безударен, например, *okú-maktálár* „они читают“. Однако при других временных основах, за исключением настоящего ограниченного, аффикс $\frac{-lar}{-ler}$ несет главное экспираторное ударение, например, в прошедшем *okudulár* „они прочли“, в турецком аористе *okurlár* „они (обычно) читают“. Об аффиксе множественного числа в составе настоящего ограниченного времени см. ниже.

Показатель настоящего ограниченного времени $-ıyor$ не имеет устойчивого ударения. В устах стамбульцев основное экспираторное ударение вместе с музыкальным находится на предпоследнем слоге — этимологически на конце деепричастия, например, *alıyor* (из *alı yorur*, где *alı* — историческая форма деепричастия, сохранившаяся в некоторых формах вроде *salıvêrmék* „отпускать“) „он берет“. Оно сохраняется во всех лицах и обоих числах. В речи широких масс Анатолии основное ударение передвигается на конец аффикса $-ıyor$, объективным показателем чего является широко распространенная в анатолийских диалектах форма настоящего времени *gelyóm* „я прихожу“, *gelyón* „ты приходишь“, *gelyó(r)* „он приходит“ и т. д., в которых гласный *i* деепричастия *geli* выпал вследствие передвижки ударения на $-yor$. Отсюда колебания в ударении $-ıyor$ в современном литературном языке, тем более сильные, чем больше влияют на литературный язык нормы разговорной речи населения Анатолии. Под влиянием этих норм в производных формах, образованных от основы настоящего времени при помощи энклитических служебных элементов $-dı$, $-miş$, $-sa$, $-mı$, $-ki$, главное экспираторное ударение передвигается на $-yor$, который одно-

временно несет на себе самый высокий тон в слове. Примеры: *gidiyór-múş* „он, мол, идет“, *gidiyórdú* „он шел“, *gidiyórsá* „если он идет“, *gidiyór mû?* „идет ли он?“, *gidiyór mûsúnúz?* „идете ли вы?“ Во множественном числе 3-го лица ударение передвигается на показатель множественности: *gidiyorlár mî?* „идут ли они?“ Особенно ясно выступает ударение на *-yor* при односложных глагольных основах, оканчивающихся на гласный, например, *diyór kî* „он говорит, что...“, *diyór-súnúz kî* „вы говорите, что...“, *diyórúz kî* „мы говорим, что...“, *yiyórsún* „ты ешь“, *yiyór mûsún?* „ешь ли ты?“, *yiyór mûyúz?* „едим ли мы“ и т. п.

Аффикс глагольного отрицания $\frac{-ma}{-me}$, как правило, остается безударным, а за ним лишаются ударения и последующие аффиксы, на что в общей форме указывалось выше. Нарушение этого правила наблюдается в отрицательной форме настоящего-будущего времени, в котором, за исключением 1-го л. мн. ч., все остальные несут основное экспираторно-музыкальное ударение на отрицательном аффиксе. 3-е л. мн. ч. несет ударение на показателе множественности $\frac{-lar}{-ler}$. Примеры: *gelmém* „я не прихожу“ (вообще), „я не приду“, *gelmézsín* „ты не приходишь“ (вообще), „ты не придешь“, *gelméz* „он не приходит“ (вообще), „он не придет“, *gelméyîz* „мы не приходим“ (вообще), „мы не придем“, *gelmézsínîz* „вы не приходите“ (вообще), „вы не придете“, *gelmezlér* „они не приходят“ (вообще), „они не придут“.

В остальных временах главное ударение приходится на слог, предшествующий отрицательному аффиксу. Все аффиксы, следующие за показателем отрицания, остаются или безударными или получают второстепенные экспираторные ударения, тем более сильные, чем дальше они находятся от аффикса отрицания, например, *gelmîyêcêklér* „они не придут“, *gelmémêlîdîrlér* „они не должны прийти“, *gelmedîġimîzden* „вследствие того, что мы не пришли“, *gelmemişlêrsê* „если они еще не пришли“, „если они еще не приходили“ и т. п.

Форма невозможности совершения действия, исторически развившаяся из отрицательной формы видовой конструкции с глаголом *u-* || *o-* „мочь“ (а возможно, и из глагола *-al* с дальнейшим выпадением плавного *l*)¹, имеет основное ударение перед отрицательным аффиксом во всех формах глагола, например, *gelémêdîm* „я не смог прийти“, *gelémêzsín* „ты (вообще) не можешь, не сможешь прийти“, *gelémêmiş* „он, кажется, не смог прийти“, *gelémêz isék* || *gelémêzsék* „если мы не сможем прийти“, *gelémîyecêksînîz* „вы не сможете прийти“, *gelémîyórlár* „они не могут прийти“ и т. д.

¹ Т. е. либо из формы типа *ala umatî* (где первый член — деепричастие реального глагола, *umatî* — служебный видовой глагол в отрицательной форме) > *ala umadî* > *alamadî*, как это нам известно из памятников древнетюркской письменности, из „Дивана“ Махмуда Кашгарского, либо же из видовой конструкции *ala almadî*, которая встречается в большинстве современных языков кыпчакского типа.

Отглагольные имена, образованные из сочетания формы невозможности (или отрицательной формы глагола) с отрицательной формой причастия настоящего-будущего времени, имеют главное экспираторное ударение перед отрицательным аффиксом и здесь же музыкальное ударение. Второе по силе экспираторное ударение приходится на конечный слог всей формы, например, *dokûnmâmâzlik* || *dokunâmâmâzlik* „неприкосновенность“, *anlaşmamazlik* „недоразумение“, „недоговоренность“ и т. п.

Отглагольные имена, а также деепричастия, образованные от отрицательной формы причастия настоящего-будущего времени, имеют основное экспираторное ударение на гласном конечного слога всей формы. Второстепенное же по силе экспираторное ударение в отглагольном имени появляется перед отрицательным аффиксом и там же возникает музыкальное ударение. Ср. *dokûnmazlik* „неприкосновенность“, *anlaşmazlik* „взаимонепонимание“, *gelmezdén evél* || *gelmezdén öncé* „до того, как он пришел, придет“ и т. п.

Отрицательное деепричастие образа действия с показателем *-madan* | *-meden* имеет главное экспираторное ударение на последнем слоге основы, где локализуется также наибольшее повышение тона, например, *bir şey démedén* „не говоря ничего“, *bir şey sórmâdân* „не спросив ни о чем“ и т. п.

К безударным или баритоническим принадлежат далее следующие формы.

Деепричастный аффикс с временным значением *-(y)ınca*, *-(y)ince*, *-(y)unca*, *-(y)ünce*, состоящий из показателя древнего глагольного имени на *-(y)in* и бывшего послелога *-ca*. Главное экспираторное ударение падает на предпоследний слог. Ср. *uyanınca* „проснувшись“, *sirası gelince* „кстати“, *görünce* „увидев“ и т. п.

Производное отсюда деепричастие с послелогом *kadâr* имеет такое же ударение, второе по силе экспираторное ударение приходится на конец послелога, например, *dönüncâyê kâdâr* „до того, до тех пор, как он возвратится“, *doyuncâyâ kâdâr* „до тех пор, как насытится“, „до насыщения“, „досыта“, *gücü yetincâyê kâdâr* „до тех пор, пока хватит сил“, „пока хватит сил“ и т. п.

Временное деепричастие — *dıkça...*, состоящее из глагольного имени на *-dik* и бывшего послелога *-ca*, имеет экспираторное и музыкальное ударения на показателе глагольного имени, например, *okudukça* „по мере того, как читает“, „каждый раз, как читает“, *yaklaştıkça* „по мере того, как приближается“, „каждый раз, как приближается“, *alıştıkça* „по мере того, как привыкает“, „каждый раз, как привыкает“ и т. п.

Деепричастный аффикс образа действия с отрицательным значением на *-mâksîzîn*, состоящий из показателя инфинитива *-mak*, аффикса отсутствия *-sız*, *-sîz*, *-suz*, *-süz* и аффикса древнего орудийного падежа *-in*, *-in*, *-un*, *-ün*, т. е. *mak + sîz + in*, имеет главное экспираторное и музыкальное ударения на *-mak*, например, *uyuşmâksîzîn* „не договорившись“,

kaçırmaksızın „не упуская“, „не упустив“, *ödemeksizin* „не уплатив“ и т. п.

Деепричастие с показателем $\frac{-casına}{-çasına}$, $\frac{-cesine}{-çesine}$, образующееся от основ

некоторых простых времен изъявительного наклонения, имеет главное экспираторное и музыкальное ударения на последнем слоге временной основы, второстепенный экспираторный акцент покоится на конечном слоге показателя деепричастия *-casına*, который, таким образом, в сущности является безударным. Примеры: *okúrcâsınâ* „словно читая“, *yorulmuşçasınâ* „словно утомившись“, *bir şey diyecékçêsínê* „словно собираясь что-то сказать“, *bayılmışçasınâ* „словно лишившись чувств“ и т. п.

Аффикс деепричастия на *-ken* присоединяется к основам простых времен изъявительного наклонения, а также к именам. Экспираторное и музыкальное ударения локализуются на конечном слоге временной основы. Ср. *girêrkên* „входя“, „в то время, как входит, входил“, *iş tamâm olmışkên* „в то время, как дело было уже закончено“, *açacakken* „в то время, как собирался открыть“ и т. п.

При безударном вопросительном аффиксе *-mî*, *-mî*, *-mî*, *-mî* главное экспираторное ударение вместе с вопросительной интонацией возникает на слоге перед аффиксом. В отличие от всех ударений, рассматривавшихся раньше, главным здесь является музыкальное ударение, а подчиненным — экспираторное. Музыкальное ударение при вопросе отличается резким, характерным повышением голоса, вслед за которым наступает столь же резкое его понижение. Ср., например, *gördün mî?* (знак $\cdot$ отмечает преобладающее музыкальное ударение в отличие от знака $\cdot$, отмечающего преобладающее экспираторное ударение) „увидал ли ты?“, *birden mî gördün?* „сразу ли ты увидел?“. Если перед вопросительным аффиксом находятся безударные слоги (например, идущие после аффикса глагольного отрицания), то ударение фиксируется на слоге, предшествующем безударным слогам: ср. *onü görmêdîn mî?* „ты его не видел ли?“, *sanâ demêdîm mî?* „не говорил ли я тебе?“ и т. п. В этимологически составных вопросительных словах ударение лежит на первом элементе, подчиняясь, таким образом, правилу, излагавшемуся выше. Ср. *nâsîl?* из *nê âsîl* (дословно „какой сущности?“) „какой“, „как“, *nêkâdâr?* (дословно „какое количество?“) „сколько“, „какое количество“, *nîçîn?* (из *nê içîn*) „почему?“, „отчего?“.

Баритоническое ударение наблюдается также в односоставных вопросительных словах. Ср. *hângî?* (соответствует древнему *қанғы*, образованному из *қан + ғы > қан + ғы*) „который?“, „какой?“; *nêrêdê?* „где?“, *nêrêyé?* „куда?“, *nêrêdên?* „откуда?“.

Словообразовательный аффикс уменьшительности *-cık* или *-cak* и его варианты в прилагательных, а также некоторых существительных теряют главное экспираторное ударение, которое переносится в этих случаях на начальный слог слова. Ср., например, *dârâcık* „уменьший“, *kîsâcık* „коротенький“, *ûfâcık* „малюсенький“, *âzâcık* „немножечко“, *bûrâcık* „это местечко“, *ôrâcık* „то местечко“ и некоторые другие.

Музыкальный тон, сопровождающий главное экспираторное ударение на начальном слоге, здесь выше, чем в других случаях (кроме вопросительного). Объяснение этому, равно как и начальному положению главного экспираторного удара, следует искать в известной экспрессивности данных слов. В экспрессивных же словах, как это будет видно ниже, ударение обычно перемещается на начальный слог.

Ударение в некоторых союзах: *éğér* наряду с *eğér* „если“, *bârî* „хотя бы“, „хоть бы“, *âmâ || ámmâ* „но“, „однако“, *méğér* наряду с *teğér* „разве только“, „а на самом деле“ и некоторые другие — все баритонические.

Соединительный союз *ve* „и“ безударен, например, *bén vè sên* „я и ты“, *Bekîr vè Mehmét* „Бекир и Мехмед“. Безударен также союз *ki* „что“, например, *görüyorsúnuz kî...* „вы видите, что...“, *gördüm kî...* „я увидел, что...“, *bakarlár kî...* „они видят, что...“ и т. п. В функции усилительной частицы союз *ki* также остается энклитичным, но получает заметное повышение тона, например, *işîtmédîm kî* „я, ведь, не слышал“, *çocuk değîl kî* „он, ведь, не ребенок“ и т. п.

Безударны также частицы *-da || -de, dahî* „и“, „же“, „также“, на *dahî* имеется второстепенный экспираторный акцент. Ср., например, *şastîm dâ kaldîm* „я опешил“, *bîz dâ yazıldık* „и мы записались“, *onlár dâhî* „они также“, *ánlamazsák dâhî* „даже если мы и не поймем“, *bén dâ cevâbên...* „а я же в ответ...“; частица *ise* „а“, „же“, например, *suçlú ise* „а обвиняемый...“, *köylülér ise* „а крестьяне...“; частица *bilé* „даже“ со второстепенным ударением на конечном гласном, например, *bâkmâdî bilé* „он даже не взглянул“, *bú elverişlî şartlardâ bilé* „даже в этих благоприятных условиях“ и т. п.; усилительная частица *ya* „ведь“ с экспрессивной окраской, например, *dedík yâ* „сказали, ведь, мы“, *gördün yâ* „видел, ведь, ты“, в которых экспрессивное ударение на *dedík* и *gördün* сопровождается повышением музыкального тона. В функции союза частица *ya* также энклитична, но лишена экспрессивной окраски, например, *yâ sên?* „а ты?“. При исключительном значении частица *ya* в функции союза получает второстепенное экспираторное ударение, например, *yâ bîz yâ sîz* „или мы или вы“.

В турецком языке довольно велико число заимствованных слов с баритоническим ударением. К ним относятся многочисленные географические названия, в частности названия городов: *Antálya, Malátya, Kütâhya, Amásya, Ispârta, Manísa, Mudânya, Istânbul* и другие; с ударением на начальном слоге — *Ánkara, Tósya, Ízmir, Sivas, Káyseri, Kónya, Mûğla, Bursa, Báfra* и другие. Зарубежные географические названия: *Rúsyâ* „Россия“, *Frânsa* „Франция“, *Isviçre* „Швейцария“, *Ingiltére* „Англия“, *Móskova* „Москва“, *Sófya* „София“, *Bérîlin* „Берлин“, *Lóndra* „Лондон“, *Páris* „Париж“, *Váşington* „Вашингтон“, *Róma* „Рим“, *Atína* „Афины“, *Óslo* „Осло“, *Déhli* „Дели“ и т. д. В приведенных географических названиях экспираторное ударение сопровождается также музыкальным ударением. Поскольку заимствованные слова в литературном турецком языке сохраняются в основном со своими первоначальными

чальными ударениями, то указать правила для последних не представляется возможным.

Ударение в других заимствованных словах. В наречиях арабского происхождения экспираторное баритоническое ударение обычно сопровождается повышением музыкального тона. Ср. *máddetén* „материально“, *ṣáhsén* „лично“, *áynén* „в точности“, „точь-в-точь“, *mútlaká* „обязательно“, *résmén* „официально“, „обязательно“, *bázân* „иногда“, *mütemádiyén* „непрерывно“, *ácabá* || *ácebá* „разве“, „неужели“, „так ли“, *hakíkatén* „в действительности“, *muntázamán* „регулярно“ и многие другие. Большинство арабских наречий сохранилось в турецком языке в том же значении, но известная их часть перешла в категории послелогов и других частей речи.

Музыкальный тон еще выше в следующих арабских заимствованиях: *máaleséf*, *máateessüf* „к сожалению“, *máamafih* „тем не менее“, „не смотря на это“, *máázalláh!* „упаси боже!“ и др.

Ударение в арабских прилагательных с отрицательным значением имеет главное экспериментальное ударение на начальном слоге, где фиксируется также и наиболее высокий тон в слове, например, *gáyrikabíl* „невозможный“, *gáyrimesrú* „недозволенный“, „незаконный“, *gáyrimenkúl* „недвижимый“, *gáyricalz* „недозволенный“, *gáyiihtiyarí* „невольно“, „против желания“ и многие другие.

Многочисленные заимствования из итальянского, греческого и других языков также имеют нередко баритонические ударения. Ср., например, *bándó* (ит.) „духовой оркестр“, *bányó* (ит.) „ванна“, *bórsá* (ит.) „биржа“, *bómbá* (ит.) „бомба“, *lokántá* (ит.) „ресторан“, *barbúnyá* (ит.) „султанка“ (название рыбы), *istérlln* (англ.) „стерлинг“, *dámpink* (англ.) „демпинг“, *angáryá* „барщина“, „крепостной труд“, *eféndi* (гр.) „сударь“, *paskályá* (гр.) „пасха“, *kóncolós* (гр.) „вампир“ и многие другие.

В иностранных фамилиях сохраняется исходное ударение, например, *Púskin*, *Čéhov* или *Čekov*, *Čaykóvski* и т. д.

Ударение в словоизменительных формах, образованных от заимствований, не отличается устойчивостью. В виде общего правила можно указать на то, что в производных формах от собственных имен главное экспираторное ударение вместе с музыкальным большей частью сохраняется на своем месте, словоизменительный же аффикс получает сильное второстепенное ударение. В производных формах от заимствованных нарицательных имен рассмотренного выше типа место главного экспираторного ударения колеблется. Если словоизменительный аффикс состоит из одного или двух слогов, первоначальное ударение основы может сохраняться. Однако при многосложном строении аффикса основное экспираторное ударение передвигается на конечный слог производного слова, на старом же месте сохраняется музыкальное ударение. Ср., например, *Ánkaradá* „в Анкаре“, *Amásyadá* „в Амассии“, *Malátyadán* „из Малатьи“, *Rómadá* „в Риме“, *Bélçikadán* „из Бельгии“, *Viyanayı* „Вену“, *Tókyoyá* „в Токио“ и т. д.; *iskóntodá* „в учете“,

„в скидке“, но *iskóntodaki* „имеющийся в скидке“, „имеющийся в учете“ и т. п.

Словопроизводные формы от основ, имеющих баритонические ударения, часто сохраняют основное экспираторное и музыкальное ударения на прежнем месте, на конечном же слоге производного слова имеется второе по силе экспираторное ударение, например, *Kónyali* „конец“, „житель Конии“, *Kütáhyali* „житель Кютахьи“, *Ánkaradaki* „имеющийся в Анкаре“, „находящийся в Анкаре“, *Báfradaki* „имеющийся в Бафре“, „находящийся в Бафре“, но *Káyserililer* „жители Кайсери“ и т. п.

Помимо своей логико-синтаксической функции, о которой достаточно подробно говорилось выше, экспираторно-музыкальное ударение в турецком языке еще является и средством различения лексико-грамматических значений слов. Наиболее полный обзор случаев, касающихся названной функции ударения, дан Н. К. Дмитриевым в его очерке „Строй турецкого языка“¹.

Фонологическую роль ударения можно отметить в следующих случаях:

1) аффикс принадлежности и аффикс сказуемости 1-го л. ед. ч. *-im*, *-ím*, *-um*, *-üm* — в первом случае ударный, во втором — безударный; ср., например, *kardeşim* „мой брат“ и *karděšim* „я брат“;

2) отглагольное имя с показателем *-ma* || *-me* и аффикс глагольного отрицания в той же форме — первый ударный, второй безударный; ср., например, *kazmá* „рытье“, „кирка“ и *kázma!* „не рой!“;

3) ударный аффикс отыменного глагола на *-la* || *-le* и безударный послелог *ile* в его сокращенной форме *-la* || *-le*, например, *bağla!* „привязывай!“ и *báğla* „со связью“, „с узлом“, „со связкой“;

4) аффикс местного падежа *-da* || *-de* с ударением и частица *da* || *de* без ударения: *insandá* „в человеке“ и *insán dâ* „человек также“;

5) винительный падеж от possessивной формы 1-го л. при основах с конечным гласным с ударением и оморфный вопросительный аффикс от тех же основ без ударения, например, *babamí* „моего отца“ и *babà mı* „отец ли?“;

6) именной словообразовательный и оморфный с ним падежный аффикс *-in*, *-ín*, *un*, *-ün* с ударением и оморфный аффикс 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения без ударения, например, *basín* „пресса“ и *básín!* „давите!“; *yazín* „лета“ (родительный падеж) и *yázín!* „пишите!“; сюда же необходимо отнести различные имена, оканчивающиеся на *-in*, *-ín*, *-un*, *-ün*, и ту же форму повелительного наклонения, например, *kalín* „толстый“, „густой“ и *kálín!* „оставайтесь!“; *alín* „люб“ и *álín!* „возьмите!“;

7) possessивная форма 1-го л. ед. ч. глагольного имени на *-(y)acak* || *-(y)ecek* и форма 1-го л. ед. ч. будущего времени с тем же показателем,

¹ См. также освещение данного вопроса на материале узбекского языка у А. Г. Гулямова в его очерке „Ўзбек тилида ургу“, Ташкент, 1947.

например, *alacāġim* „тó, что я должен получить“ и *alacāġim* „я получу“, „я возьму“;

8) имя с ударением на конечном слоге и наречие с ударением на начальном слоге, например, *artík* „излишек“ и *ártík* „ужé“, *yálníz* „один“ и *yálníz* „лишь“, „только“, *yení* „новый“ и *yéní* „только что“, „недавно“ и др.

Как общую тенденцию литературного языка, необходимо отметить стремление к передвижке основного экспираторного ударения в наречиях с конца его к началу или на предпоследний слог, где одновременно возникает заметное повышение музыкального тона. Благодаря начальному ударению наречия, недостаточно дифференцированные в формальном отношении, получают новое формальное средство для выделения их из состава имен.

Кроме приведенных наречий, выделившихся из имен, можно назвать еще такие формы, как *tipki* „точь-в-точь“, *ásıl* „как раз“, „в сущности“ (из ар. *asıl* „сущность“), *āncāk* „лишь“, „едва“, „только“, *sónrā* „затем“, *ıştē* „вот“, *yénē* || *yínē* „снова“, *yārın* „завтра“, *évēt* „да“, *háyır* „нет“, *búradā*, *şúradā* „здесь“, *óradā* „там“. Сюда же следует отнести наречия времени и наречия образа действия с аффиксом древнего орудийного падежа *-in*, *-ín*, *-un*, *-ün*, совпадающего с формой родительного падежа, но отличающегося от него своей безударностью, например, *démín* „давеча“, *yázın* „летом“, *güzün* „осенью“, *gündüzün* „днем“, *ānsızın* „внезапно“, *kıçın* „задом“, „назад“, *árdın* *árdın* „пяťся“, наречие времени с аффиксом *-leyin*, например, *geceléyin* „ночью“, *sabahléyin* „утром“, *gündüzléyin* „днем“ и др.

Учитывая то обстоятельство, что все падежные аффиксы во всех тюркских языках несут на себе основное экспираторное ударение слова, необходимо исторически допустить такое же ударение также и для формы орудийного падежа. Но отсюда следует, что передвижка ударения в наречиях, образовавшихся от орудийного падежа некоторых имен, является более поздним явлением, сложившимся в тесной связи с процессом грамматического оформления наречия как особой части речи.

К перечисленным выше фактам фонологической роли ударения можно присоединить еще следующие:

1) форму исходного падежа глагольного имени на *-ma* || *-me* и деепричастие образа действия с показателем *-madan* || *-meden*, рассмотренным выше, например, *gecikmedén* „от опоздания“ и *gecikmedén* „без промедления“, „незамедлительно“ (дословно „не опаздывая“), *ara vermedén* „от прерывания“ и *ara vérmedén* „не делая перерывов“, „непрерывно“;

2) повелительную форму 3-го л. ед. ч. и предикативную форму 2-го л. ед. ч., например, *kızsın* „пусть раскалится“ и *kızsın* „ты де-вушка“, *ersin* „пусть он достигнет“ и *érsin* „ты мужчина“, *dersin* „пусть он собирает“ и *dérsin* „ты скажешь“ и т. п.;

3) отдельные случаи звукового совпадения разных аффиксов, дифференцирующихся ударением, например, *yapıncá* „сделав“ и *yapıncá* „бурка“, *düşüncé* „упав“ и *düşüncé* „мысль“, „раздумье“ и др.;

4) дифференциацию близких значений при помощи ударения, как это видно, например, в словах *cümlé* „предложение“ и *cümlê* „все“, „всё“ и т. п.

Остановимся еще вкратце на экспрессивной и эмоциональной роли ударения.

Эмоционально-экспрессивное ударение в отличие от рассмотренного ранее характеризуется большей силой и высотой тона, и потому разница между главным и второстепенным ударениями в экспрессивно-эмоциональных словах резче. Ударение чаще всего покоится на обычном месте, но в обращениях и междометиях оно нередко передвигается на гласный начального слога. Экспрессивно-эмоциональное ударение наблюдается в повелительных формах глагола, в обращениях, междометиях и во всех тех случаях, где речь имеет экспрессивный или эмоциональный характер, независимо от грамматического значения слова.

Поскольку здесь не затрагиваются вопросы синтаксической фонетики, отношение эмоционально-экспрессивного ударения к интонации предложения и фразовому ударению не рассматривается. Ниже приводятся лишь разряды слов, в которых экспрессивно-эмоциональное ударение является ведущим в силу особой семантики этих слов.

Повелительные формы и обращения: *vér şunû* „отдай это!“, *défol buradân!* „убирайся отсюда!“, *incîtme ben!* „не мучь меня!“, *kaçávêr* „беги!“, *yerindê kalsîn!* „пусть остается на месте!“, *bunû bîr daha yâpmîyâcâksîn!* „не смей больше этого делать!“ и т. п.; *dikkât!* „внимание!“, *banâbâk* (из *banâ bâk!* „смотри на меня!“) „погоди!“, „послушай!“, *Ôsman!* „Осман!“, *cânîm!* „голубчик!“, „дорогой!“ (дословно „душа моя!“), *yâvrûm!* „дитя мое!“, „малютка моя!“, *ôgûl!* „сын!“ (дословно „сын“) *ayól!* „послушай, парень!“ (из *ây ôgûl!* „эй, сын!“), *yâhu!* „эй, ты!“, *ârkadaşlâr!* „товарищи!“ и др.

Междометия и близкие им по функции слова: *hâydi!* „ну!“ „айда!“, „пошли!“, „ладно уж!“, *âmân!* „ох!“, „о боже!“, *pêki!* „ладно!“ (из *pék iyi* „очень хорошо“), *bûyurunûz!* „пожалуйста“ (буквально „прикажите“) *bakâlim!* „посмотрим!“, *adamséndê!* „ну, что ты!“, „полноте!“ и др.

Некоторые слова и одночленные предложения с экспрессивной окраской: *zâvallî!* „бедняга!“, *zâvallî çocûk!* „бедный ребенок!“, *yangîn!* *yangîn var!* „пожар! пожар!“, *âferîm!* „молодец!“, *tipkî!* „в точности!“, *tipkî tipkinâ!* „точь-в-точь!“ и т. п.

Нередко для усиления экспрессии, помимо интенсификации ударения, удваивается заударный согласный, особенно интервокальный, — прием, распространенный и в других тюркских языках. Примеры: *köp-p-ôglû* „прохвост!“, „пройдох!“, *mût-t-lakâ bizé gelsîn!* „пусть он обя-а-зательно придет к нам!“ и т. д.¹

¹ Подробнее об экспрессивном удлинении согласных и гласных см. у Ю. Немета: „Emphatische Formen in der Mundart von Vidin“, Annali, Nuova Serie, Vol. I, Scritti in onore di Luigi Bonelli, Pubblicazioni dell' Istituto universitario orientale di Napoli, Roma, 1940, p. 87—95.

ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ

- Богородицкий В. А. Законы сингармонизма в тюркских языках. — Вестник научного общества татароведения, № 6, 1927.
- Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.
- Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М., 1928.
- Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. Л., 1939.
- Дмитриев Н. К. Заметки по болгарско-турецким говорам. Докл. Акад. Наук СССР, серия филологическая, 1927, № 10.
- Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. Л., 1941.
- Beeler L. Orthographes and phonology of modern Osman-Turkish. Columbia, PMLA, 5111.
- Bergsträsser G. Zur Phonetik des Türkischen nach gebildeter Konstantinopler Aussprache. — Ztschr. deutsch. morgenländ. Ges., Bd 72, 1918. Имеется турецкий перевод: prof. G. Bergsträsser. Türk fonetiği, Türkçeye çeviren Dr. Şükrü Akkaya, Istanbul, 1936.
- Bombacci Al. Probleme der historischen Lautlehre der türkischen Sprache. — Ural-Altaische Jahrb., Bd. XXIV, H. 3—4, Wiesbaden, 1952,.
- Bouvat L. Les emprunts arabes et persans en turc osmanli. — Kéleti Szemle, IV, 1903.
- Deny J. Rôle de l'harmonie vocalique dans la formation des mots turcs. — Atti de XIX Congresso Internazionale degli Orientalisti, Roma, 1938.
- Deny J. Grammaire de la langue turque. Paris, 1920.
- Dr. Dvořák R. Sind türkische Dichterausgaben zu vokalisieren? — Ztschr. deutsch. morgenländ. Ges., Bd. 42, 1888.
- Eckmann J. Anadolu Karamanli ağızlarına ait araştırmalar, I. Phonetica, Ankara Üniv. Dil ve Tarih. — Coğrafya Fakült. Derneği, C. VIII.
- Fischer A. Die Vokalharmonie der Endungen an den Fremdwörtern des Türkischen. Leipzig, 1920.
- Foy K. Die ältesten osmanischen Transskriptionstexte in gotischen Lettern. — Mitt. Semin. orient. Spr., 1901, 1902.
- Karl P. Zur türkischen Phonetik. — Die neueren Sprachen, Marburg, Bd. XXIV, 1917.
- Dr. Korkmaz Z. Batı Anadolu ağızlarında asli vokal uzunlukları hakkında. — Türk dili araştırmaları yaylığı, Belleten. Ankara, 1953.
- Koschmieder E. Zur Aussprache des Türkischen. — Serta Monacensia. Leiden, 1952.
- Kowalski T. Dialectes turcs-osmanlis. — Encyklopédie de l'Islam, t. IV, livraison O., Leide—Paris.
- Ligeti L. Les voyelles langues en Turc. — Journ. Asiat., 1938; Türkiyat mecmuası, C. VII—VIII.
- Németh J. Zur Kenntnis des geschlossenen e im Türkischen. — Körösi Csoma Archivum, 1 Erg. Bd., Budapest—Leipzig, 1939.
- Németh J. Emphatische Formen in der türkischen Mundart von Vidin. — Annali, Nuova Serie, Vol. I, Scritti in onore di Luigi Bonelli, Pubblicazioni dell'Istituto universitario orientale di Napoli. Roma, 1940.
- Németh J. Zur Kenntnis der Mischsprachen (Das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) — Acta linguistica Academiae Hungaricae, t. III, fasc. 1—2, Budapest, 1953.
- Özdem R. Tarihsel bakımdan öztürkçe ve yabancı sözlerin fonetik ayrıları. — İstanbul Üniversitesi yayınları, I, 1937; II, 1939.
- Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882—1883.
- Radloff W. Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. — Изв. Акад. Наук, т. XIV, № 4, СПб., 1901.
- Räsänen M. Beiträge zur Frage der türkischen Vokalharmonie. — Journ. Soc. Fin.-Ougr., t. XLV, 3, 1932.

- Schaade A. Vokalismus der arabischen Fremdwörter im Osmanisch-türkischen. — Festschrift Meinhof, Hamburg, 1927.
- Vincze F. Beiträge zur Kenntnis des Anatolischen-Türkisch. — Kéleti Szemle, Bd. IX, 1908; Bd. X, Budapest, 1909. Рецензия: В. Гордлевский. Этнографическое обозрение, LXXXI.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

- Аралбаев Т. Фонетическая система современного каракалпакского языка. Диссертация. Алма-Ата, 1949.
- Байчура У. Ш. Гласные татарского литературного языка в свете экспериментальных данных. Диссертация. М., 1953.
- Барашков П. П. Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1953.
- Барашков П. П. О некоторых особенностях гласных звуков якутского языка. — Доклады на третьей научной сессии, I, История и филология, Якутский филиал Акад. наук СССР, Якутск, 1953.
- Барашков П. П. Некоторые свойства якутских согласных. — Тюркологический сборник, I, М.—Л., 1951.
- Батманов И. А. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946. Рецензия Л. Зиндер в Изв. Акад. наук СССР, отд. литературы и языка, т. VIII, вып. I, 1949.
- Батманов И. А. Современный киргизский язык. I, Фрунзе, 1953.
- Богородицкий В. А. О долгом и недолгом *й* в западно-сибирских тюркских диалектах и родных явлениях в других тюркских языках. — Докл. Акад. наук СССР, серия филологическая, 1927, а также „Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию“, Казань, 1933, VI.
- Григорьев Н. С. О закономерности выпадения конечного *-й* в глагольных основах якутского языка. — Тюркологический сборник, I, М.—Л., 1951.
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
- Дмитриев Н. К. Некоторые вопросы азербайджанского языкознания. — Труды Азерб. гос. ун-та им. С. М. Кирова, Баку, 1949.
- Дмитриев Н. К. Аффикс *غان* в ново-османском. — Докл. Акад. наук СССР, серия филологическая, 1926.
- Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирском языке. — Записки коллегии востоковедов, IV, Л., 1930.
- Доскараев Ж. Употребление аффрикативных звуков в казахском языке. — Изв. АН Казахской ССР, вып. 6, серия лингвистическая, № 82, 1950.
- Егоров В. Г. Закон сингармонизма в чувашском языке. — Научно-педагог. сб., IV, Казань, 1928.
- Желей Л. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар. Казань, 1954.
- Зиновьев В. И. Сравнительный обзор основных различий между фонетическими системами русского и казахского языков: Халық муғалімі, 1950, № 6—7, Алма-Ата.
- Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“. — Изв. ОРЯС, т. VIII, кн. 4, СПб, 1903.
- Корш Ф. Е. По поводу второй статьи П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“. — Изв. ОРЯС, т. XI, кн. 1, СПб, 1906.
- Кузнецов П. Е. Продолжительность гласных в живом узбекском языке. Ташкент, 1927.
- Кязимов Ф. Азербайджанские гласные в сравнении с английскими. Диссертация. М., 1951.
- Кязимов Ф. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке. — Изв. Акад. наук СССР, отд. литературы и языка, т. XIII, вып. 1, 1954.
- Михайлова В. С. Реализация русских звуков и звуко сочетаний в казахском языке, Алма-Ата, 1952.
- Поливанов Е. Д. К вопросу об общетурецкой долготе гласных. Бюллетень 1-го сред.-аз. гос. ун-та, 1924, № 6.
- Поливанов Е. Д. К вопросу о долгих гласных в общетурецком языке. — Докл. Акад. наук СССР, серия филологическая, № 7, 1927.
- Поцелуевский А. П. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936.
- Поцелуевский А. П. Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатограмм. — Изв. Туркменского филиала Акад. наук СССР, № 3—4, Ашхабад, 1945.
- Решетов В. В. Кураминские говоры Ташкентской области (фонетическая и морфологическая системы). Докторская диссертация. Ташкент, 1952.
- Степанова Е. Н. Звуковой строй чувашского языка в сравнении с немецким. Диссертация. М., 1952.
- Шараф Г. Палатограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими. — Вестник научного общества татароведения, № 7, 1927.

- Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных. — Вестник научного общества татароведения, № 8, 1948.
- Шахназаров М. Н. Опыт нотной записи туркменской разговорной интонации. — Изв. Туркменского филиала Акад. наук СССР, № 3—4, Ашхабад, 1945.
- Ширалиев М. А. О звуке „h“ в азербайджанском языке. — Труды Азерб. гос. ун-та им. С. М. Кирова, Баку, 1949.
- Шор Р. О. К вопросу о чувашском консонантизме. — Изв. вост. фак-та Азерб. гос. ун-та, т. IV, Баку, 1929.
- Adam L. De l'harmonie des voyelles dans les langues Ouralo-altaïques. Paris, 1874.
- Rahmeti Arat R. Atabetül-hakayik'ta g ve γ seslerine dâir. — Türkiyat mecmuası, IX, Istanbul, 1951.
- Bang W. Zur Geschichte der Gutturale im Osttürkischen. — Sb. preuss. Akad. der Wiss., Hbd. I, Berlin, 1915.
- Dmitriev N. K. Materialien zur kumükischen Phonetik. — Le Monde Oriental, Uppsala, 1935.
- Dmitrijev N. K. On the pronunciation of common Turkish „R“. — Journ. Roy. Asiat. Soc., 1927.
- Dmitriev N. K. Etude sur la phonétique bachkire. — Journ. Asiat., t. 210, Paris, 1927.
- Dmitriev N. K. „Th“ in modern Turkish languages. — Le Monde Oriental, XXIII, 1929.
- Dmitrijev N. K. Gagusische Lautlehre, I—III. — Archiv Orientalni, vol. IV (1932), N 2, 3; vol. V (1933), N 1.
- Emre A. C. Türk Lehçelerinin Mukayeseli Grameri (Ilk deneme). I. Fonetik. Istanbul, 1949.
- Eren H. Türk dillerinde metathèse. — Türk dili araştırmaları, yillığı Ankara, 1953.
- Foy K. Türkische Vokalstudien, I. — Mitteilungen des Seminars für orient. Sprachen, Abt. 2, Westasiat. Stud., Jhrg. III, Berlin, 1900.
- Gabain A. Zur Geschichte der türkischen Vokalharmonie. — Ural-Altaische Jahrbücher, Bd. XXIV, H. 1—2, 1952.
- Gombocz Z. Rhotazismus und Lambdaismus. Kéléti Szemle, XIII.
- Grunzel J. Die Vokalharmonie der altaischen Sprachen. Sb. Akad. Wiss. in Wien, 1888.
- Grønbech W. Forstudier til tyrkisk lydhistorie. København, 1902.
- Halasi-Kun T. Orta kıpçakça q-, k- > O meselesi. Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar, I, 1951.
- Järring G. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Leipzig, 1933; пер.: С. Е. Малов. Библиография Востока, кн. 5—6, 1934.
- Karahka E. Zur Frage nach ursprünglichen Vokallängen im Tschuwassischen, Studia Orientalia, vol. XIV, Helsinki, 1950.
- Katona K. Geschichte des urtürkischen k, g und γ im Tschuwassischen. — Auszüge aus den im Jahre 1925—1926 an der philosophischen Fakultät der Budapester Kgl. Ung. Péter Pazmany-Universität angenommenen Dissertationen. Budapest, 1926.
- Katona K. L. Über eine Lautveränderung im Tschuwassischen. — Körösi Csoma Archivum, II, 5, 1930.
- Kraelitz-Greifenhorst F. Studien zur Lautlehre der kazan-tatarischen Sprache, 1—2. — Archiv orientální, vol. II—III, Praha, 1930—1931.
- Markwart I. Historische Zeugnisse für anlautendes alttürkisches d' > j, Ung. Jahrb., 9, 1929.
- J. Németh. Die langen Vokale im Jakutischen. — Kéléti Szemle, XV, 1914—1915.
- Pedersen H. Türkische Lautgesetze. — Ztschr. deutsch. morgenländ. Ges., Bd. 57, III H., Leipzig, 1903.
- Pelliot P. Les formes avec et sans q-(k-) initial en turc et en mongol. — T'oung Pao, 37, 1944.
- Ramstedt G. J. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte. — Kéléti Szemle, Bd. XV, 1914—1915; Bd. XVI, 1915—1916.
- Ramstedt G. J. Ein anlautender stimmloser labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. — Journ. Soc. Fin.-Ougr. 32, 2; пер.: Pelliot. P. Journ. Asiat., t. 206, 1925.
- Ramstedt G. J. Die Palatalisation in den altaischen Sprachen. — Annales Academiae scientiarum Fennicae, ser. B. 27, 1932; пер.: Pelliot. P. T'oung Pao.
- Ramstedt G. J. Ein angebliches türkisch-mongolisches Lautgesetz. — Nyelvtudomány Közlemények, XLII, 1913.
- Ramstedt G. J. Der ŋ-Laut im Mongolischen und Türkischen. — Nyelvtudomány Közlemények, XLII, 1913.
- Räsänen M. Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Ungarischen. — Finn.-ugr. Forsch., 24, 1937.
- Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. — Studia orientalia, vol. XV. Helsinki, 1949.
- Thomsen V. Sur le système des consonnes dans la langue ouïgoure. — Rev. Orient., 1901.

ПО ВОПРОСАМ УДАРЕНИЯ

ОСНОВНАЯ

- Богородицкий В. А. Движение тона в словах двухсложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным. — Вестн. научн. об-ва татаро-ведения, № 4, 1926.
- Корш Ф. Е. Слово „*bâldak*“ и долгота гласных в турецких языках. — Живая старина, вып. 2—3, СПб., 1909.
- Старостов Л. Об ударении в турецком языке. — Труды Военного ин-та иностр. яз., 2, М., 1953.
- Benzing J. Noch einmal die Frage der Betonung im Türkischen. — Ztschr. deutsch. morgenländ. Ges., Bd. 95, 1941.
- Bonelli L. Del movimento dell'accento nel turco-osmanli. — Rendiconti della Reale Accademia Nazionale dei Lincei, Cl. di scienze morali, storiche e filosofiche, Serie Quinta, vol. II, Roma, 1893.
- Collinder B. Reichstürkische Lautstudien. Uppsala—Leipzig, 1939; пер.: J. Benzing. Orientalische Literaturzeitung, XLIV, 1941; Duda. H. W. Zu Björn Collinder's osmanisch-türkischen Lautstudien. — Ztschr. deutsch. morgenländ. Ges., Bd. 94 (Neue Folge, Bd. 19), Leipzig, 1940.
- Collinder B. Gibt es im Türkischen keinen Akzent? — Ztschr. deutsch. morgenländ. Ges., Bd. 95.
- Fuat R. Osmanli türkçesinde vurgu. — Türk derneği, 1327 (1909) — арабским шрифтом.
- Grønbech K. Der Akzent im Türkischen und Mongolischen. — Ztschr. deutsch. morgenländ. Ges., Bd. 94 (Neue Folge, Bd. 19), Leipzig, 1940.
- Huart C. L'accentuation en turc-osmanli. — Mém. Soc. linguist., t. 12, Paris.
- Nielsen K. Akcentueringen i Turkisk (Osmanisk). — Videnskabs-Selskabet, Forhandling Aar, 1906, N 9, Christiania, 1907.
- Nielsen K. Druck und Tonbewegung im Reichstürkischen. Oslo, 1945.
- Pröhle W. Zur Frage des Wortakzents im osmanisch-türkischen. — Kéleti Szemle, Bd. XII, Budapest, 1911—1912.
- Raquette G. The accent problem in Turkish. Lund—Leipzig, 1927; пер.: Giese F. Orientalische Literaturzeitung, Jhrg. XXXI, Leipzig, 1928; Clauson. G. L. Journ. Roy. Asiat. Soc., 1928; Németh. J. Kéleti Szemle, II, 1932.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

- Алекберли Г. Природа ударения слова в азербайджанском и русском языках. — Труды Азерб. гос. ун-та им. С. М. Кирова, Баку, 1949.
- Гуломов А. Ф. Узбек тилида ургу. Тошкент, 1947.
- Зиновьев В. И. О ритмико-мелодической структуре казахского языка. — Изв. АН Казахской ССР, серия лингвистическая, № 77, вып. 5, Алма-Ата, 1948.
- Кеңесбаев И. К. Қазақ тілінің екпін категориясы туралы. Там же.
- Киекбаев Ж. Интонация и система ударения в башкирском языке. Эдэби Башқортостан, Уфа, 1949, № 11 (на башкирском языке).

ДИАЛЕКТАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СТАМБУЛЬСКОМУ ГОВОРУ

- Гордлевский В. Образцы османского народного творчества, М., 1916.
- Kunos I. Oszman-török népköltési gyűjtemény. Budapest, I, 1887; II, 1889.
- Kunos I. Feenreich am Bosphorus. Türkische Volksmärchen aus Stambul, Budapest, 1. Aufl. 1896, 2. Aufl. 1923.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
I. Введение	5
II. Фонемы и их произношение	27
III. Классификация фонем. Взаимодействие фонем	31
1. Классификация гласных	31
2. Взаимодействие гласных	34
3. Классификация согласных	43
4. Взаимодействие согласных	46
5. Взаимодействие гласных и согласных. Позиционные изменения тех и других	53
А. Позиционные и комбинаторные изменения гласных	54
Б. Позиционные изменения согласных	64
В. Влияние гласных на согласные (комбинаторные изменения согласных) .	70
IV. Ослабление и выпадение фонем	80
1. Ослабление и выпадение гласных	80
2. Ослабление и выпадение согласных	84
V. Типы слогов в турецком языке и стечение фонем	94
1. Стечение гласных	96
А. Дифтонги	103
Б. Долгота гласных	106
2. Стечение согласных	113
VI. Чередование фонем	120
1. Позиционные ограничения в употреблении фонем и их комбинаторные чередования	120
2. Исторические чередования фонем	122
А. Чередование гласных	123
Б. Чередование согласных	124
VII. Ударение	127
Литература	148

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР
Редактор *М. В. Лазова*. Технический редактор *Н. А. Невраева*

РИСО АН СССР № 14—89 В.

Сдано в набор 15/XII 1954 г. Подписано в печать 26/V 1955 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печати. лист. 9¹/₂ -13. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 2300.
Т-04447. Изд. № 437. Тип. зак. № 1341. Цена 7 р. 40 к.
Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-64. Подсосенский пер., дом 21.

1-я типография Изд-ва АН СССР. Ленинград, В. О. 9-ая линия, д. № 12.